

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 12, № 1

Январь – Март 2019

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексенко А. Н., Барбаков О. М., Гаврилюк В. В., Генин В., Голенкова З. Т., Данилов А. Н.,
Докторов Б. З., Егоршин А. П., Енгоян А. П., Зборовский Г. Е., Звонников В. И., Ильиных С. А.,
Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М.,
Силин А. Н., Тараданов А. А., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkowl@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 12, No. 1

January – March 2019

**NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder

Industrial University of Tyumen

Co-Founders

Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief

M. L. Belonozhko

Editorial Board

Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Gavriiliuk V. V., Genin V., Golenkova Z. T., Danilov A. N.,
Doctorov B. Z., Egorshin A. P., Engoyan A. P., Zborovsky G. E., Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A.,
Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M.,
Silin A. N., Taradanov A. A., Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 314
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)

Егоршин Александр Петрович

д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Звонников Виктор Иванович

д. пед. н., профессор, генеральный директор Ассоциации организаций развития управленческого образования, член Комитета по развитию профессионального и бизнес-образования Торгово-промышленной палаты РФ

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinayida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Full Member of the Russian Academy of Social Sciences, Independent Analyst and Consultant, Lecturer (USA)

Egorshin Alexander Petrovich

Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Zvonnikov Victor Ivanovich

Doctor of Pedagogy, Professor, Director General of Association of Development of Management Education, Member of Committee on Development of Professional and Business Education of the Chamber of Commerce of the Russian Federation

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Institute of Social and Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Сорокин Г.Г., Фокина Е.Н. Геронтообразование. Институциональный анализ	9
Никифорова А.С., Лейман Т.И. Инвестиционные аспекты обеспечения социально-экономической безопасности России	17
Ефремова В.В., Махмудова М.М., Королева А.М. Структурное развитие технического вуза на рынке региональных образовательных услуг	24
Пинаева И.Ф., Фарахутдинов Ш.Ф. Методика оценки эффективности социальных проектов: синергетический подход	33
Гаврилюк В.В. Профессиональное самоопределение молодежи нового рабочего класса	43
Спасибов В.М., Кабеева Н.В., Скифская А.Л. Трансформация мирохозяйственного уклада: реиндустриализация страны и развитие кадрового потенциала	49
Омелаенко Н.В. Изучение конфликта в зарубежной социологии	58
Черкасова В.Ю. Использование диверсионного анализа для выявления проблем процесса образования (на примере Уральского института управления РАНХиГС)	68
Шаброва Н.В. Доверие родителей к системе высшего образования	76
Шеломенцева В.П., Алтайбаева Ж.К., Бейсембаева Г.М., Беспалый С.В. Идентификация проблем гендерного равенства в Республике Казахстан	85

CONTENTS

Sorokin, G.G., Fokina, E.N. Gerontoobrazovanie. Institutional analysis	9
Nikiforova, A.S., Leyman, T.I. Investment aspects of ensuring socio-economic security of Russia	17
Efremova, V.V., Makhmudova, M.M., Koroleva, A.M. Structural development of technical higher education institution in the market of regional educational services	24
Pinaeva, I.F., Farakhutdinov, Sh.F. Methodology for evaluation of the synergistic effectiveness of social projects	33
Gavrilyuk, V.V. Professional self-determination of new working-class youth	43
Spasibov, V.M., Kabeeva, N.V., Skifskaya, A.L. National economy structures transformation: state reindustrialization and human resource development	49
Omelaenko, N.V. Study of the conflict in foreign sociology	58
Cherkasova, V.Yu. The use of diversionary analysis to identify the problems of the education process (for example Ural Institute of Management, Branch of RANEPa)	68
Shabrova, N.V. The parents trust to the system of higher education	76
Shelomentseva, V.P., Altaibayeva, Zh.K., Beisembaeva, G.M., Bepalyy, S.V. Identification of the problems of gender equality in the Republic of Kazakhstan	85

ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Геннадий Геннадьевич Сорокин¹, Елена Николаевна Фокина¹

¹*Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена геронтообразования в современном обществе. Анализ образования старшего поколения был проведен с помощью институционального подхода. Авторами выявлены институциональные признаки, определены социальные функции геронтообразования, описан процесс его институционализации. Авторами доказано, что геронтообразование в его современном состоянии обладает всеми основными признаками социального института. Являясь неглавным институтом в структуре фундаментального института образования, геронтообразование обеспечивает взаимодействие социальных групп, общностей, определенным образом организованное для достижения целей и выполнения задач обучения, воспитания, развития личности, социализации, профессиональной подготовки в пожилом возрасте. Отмечая незрелость института геронтообразования, авторы предполагают, что в обозримом будущем он трансформируется в один из инструментов социального регулирования, эффективный механизм разрешения общественных проблем, вызванных изменением возрастной структуры населения и связанными с ней социальными и экономическими последствиями.

Ключевые слова: социология образования, социология старости, старшее поколение, социальные институты.

Gerontobrazovanie: Institutional Analysis

Gennady G. Sorokin¹, Elena N. Fokina¹

¹*Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. Article is devoted to the research of old men's education in the modern society. The authors considers education of the senior generation as social institute. In the article specific signs of education of old men come to light, its social functions are defined, process of its formation and development is described. The authors prove that the elderly education in its current state has all the main features of a social institution. Being a non-main institution in the structure of the fundamental educational institution, the elderly education ensures the interaction of social groups and communities, organized in a certain way to achieve the goals and objectives of training, education, personal development, socialization and vocational training in old age. Noting the immaturity of the institution of the elderly education, the authors suggest that in the foreseeable future it will be transformed into one of the tools of social regulation, an effective mechanism for solving social problems caused by changes in the age structure of the population and the associated social and economic consequences.

Keywords: education sociology, old age sociology, education of old men, older generation, social institutions.

Введение

Актуальность проблемы образования старшего поколения в мире и нашей стране обусловлена рядом обстоятельств, наиболее заметным из которых является значительное увеличение доли пожилых граждан в возрастной структуре населения. Социальные последствия демографического старения ставят перед обществом ряд новых, пока неразрешенных задач (продление периода экономической активности и независимого существования геронтов, повышение их социальной активности, социальная инклюзия пожилых и т.д.). Так или иначе, решение этих задач оказывается связанным с созданием реальных условий для получения представителями старшего поколения актуальных знаний.

Для Российской Федерации важность расширения практик образования лиц третьего возраста продиктована также реализующимися в стране мероприятиями по повышению пенсионного возраста. Необходимость обучения геронтов как составной части этих мероприятий неоднократно подчёркивалась на высшем уровне (В.В. Путин, Д.А. Медведев, М.А. Топилин и др.). Сегодня в различных программах геронтообразования по всему миру участвует около трёх миллионов пожилых граждан. Образование геронтов в массовом сознании уже не воспринимается как что-то экзотическое. Напротив, образовательная деятельность в старшем возрасте начинает рассматриваться обществом как индикатор «успешной старости». Масштабы развития специализированных образовательных программ и их популярность у старшего поколения позволяют рассматривать геронтообразование как перспективный инструмент социального регулирования. Ощутимым препятствием для реализации потенциала образования старшего поколения в направлении решения актуальных социальных задач является его недостаточная изученность в науке в целом и социологии в частности. В данной статье предпринята попытка с помощью институционального подхода описать сущность и социальную значимость геронтообразования в его современном состоянии.

Материалы и методы

Статья опирается на работы классиков социологии, содержащих интерпретации понятия «социальный институт» как базовой социологической категории (М. Вебер, Т. Парсонс, П. Бергер, Т. Лукман), а также на труды отечественных авторов, проводивших анализ, классификацию и обобщение научных подходов к раскрытию содержания данной дефиниции (Г.В. Осипов, С.М. Комаров, А.М. Яковлев, М.Б. Готов).

Главным методом сбора научной информации выступал метод анализа документов (печатных публикаций и сайтов Интернет). Были проанализированы источники, отражающие тенденции развития геронтообразования в мире, а также документы, описывающие деятельность специализированных образовательных учреждений в РФ с 1991 по 2019 год. Отдельное внимание было уделено анализу нормативной базы, детерминирующей условия развития образования старшего поколения. В частности, проанализированы нормативные акты Российской Федерации:

- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года;
- Государственная программа «Развитие образования на 2013–2020 годы»;
- Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года.
- Международные документы, носящие рекомендательный характер:
- Декларация ООН по проблемам старения (ООН, 1992 г.);
- Гамбургская декларация об обучении взрослых (ООН, 1997 г.);
- Концепция общества для людей всех возрастов (ООН, 1999 г.);
- Мадридский международный план действий по проблемам старения (ООН, 2002 г.).

Выводы о тенденциях институционализации образования пожилых в России были сделаны на основе результатов экспертного опроса, проведённого среди лиц, имеющих непосредственное отношение к реализации программ геронтообразования, а также учёных, изучающих проблемы образования геронтов. Всего опрошено 207 респондентов из 25 городов РФ. Выборочная совокупность формировалась по методу снежного кома. Значительная часть материала статьи была получена в результате наблюдений, осуществляемых авторами в процессе работы в проектах геронтообразования на преподавательских и управленческих должностях. Верификация результатов исследований производилась путём их сопоставления с результатами, полученными другими отечественными учёными (М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова, Т.М. Кононыгина). На основе

собранный информации о социокультурных предпосылках возникновения геронтообразования, его современном состоянии и тенденциях развития был реализован институциональный подход к исследованию специализированных проектов обучения представителей старшего поколения.

Результаты и обсуждение

При изучении геронтообразования одним из главных вопросов, детерминирующим направление и логику всего исследования, является вопрос о том, можно ли рассматривать данное направление образования взрослых как социальный институт. Для ответа на него целесообразно обратиться к анализу трактовок дефиниции «социальный институт», существующих в социологической науке. Несмотря на то, что данное понятие является фундаментальным для социологии, его интерпретации, предложенные разными авторами, значительно различаются по своей сути. Так, Т. Парсонс определял социальные институты как шаблоны ожиданий, управляющих активностью людей и социальными интеракциями [1]. М. Вебер предлагал называть институтами сообщества, в рамках которых одним из определяющих поведение факторов служит наличие аппарата принуждения [2]. По мнению Л. Балларда, социальные институты – это типы организованных социальных взаимодействий, направленные на установление общей воли [3]. Д. Хоманс в качестве социальных институтов рассматривал совокупность норм и правил, детерминирующих поведение личности в определённой ситуации [4].

Неоднозначность понятия «социальный институт» в значительной степени расширяет его объем. В частности, М. Корнфорт, констатировал, что категория «социальный институт» вполне подходит для обозначения капиталистической системы, лондонского университета, спортивного соревнования, тайной полиции и даже английского языка [5]. На многообразие круга явлений и процессов, которые могут быть обозначены данным понятием, также обращает внимание российский социолог М. Б. Готов. Основываясь на анализе названий работ, опубликованных с 1998 по 2003 год, учёный описывает широкий спектр приложений рассматриваемого термина: от семьи и высшей школы до дедовщины и коммунальной квартиры [6].

Исследовав различные трактовки термина «социальный институт», присутствующие в социологии и в других социальных науках, Я. Щепанский классифицировал их на четыре категории:

- совокупность лиц, выполняющих совместную деятельность;
- организация социальных субъектов, выполняющая некоторые функции от имени всей группы;
- средства деятельности и учреждения, детерминирующие активность членов группы;
- социальные роли, имеющие особую важность для социальной общности [7].

Институциональный анализ геронтообразования, по мнению авторов, может отталкиваться от различных интерпретаций термина «социальный институт». Например, в выше представленной классификации Я. Щепанского, в качестве такого базиса могли бы выступать трактовки второй или третьей группы. Исходя из целей и задач нашего исследования, наиболее удобным определением выступает дефиниция К. Панунцио. В качестве социальных институтов он рассматривал определенные системы идей, обычаев, ассоциаций и инструментов, которые, возникнув из практики человечества, направляют и регулируют деятельность людей [8]. Геронтообразование возникло из практики решения проблем старшего поколения в обществе, когда образовательный компонент стал широко применяться в различных сферах деятельности, связанных с социальной работой с геронтами, продлением периода их профессиональной активности, удовлетворением культурных потребностей и т.д. Итогом функционирования различных направлений

обучения пожилых стал некий конгломерат идеи, теорий, технологий, учреждений, юридических законов, интегрирующий различные составляющие геронтообразования как социального института и постепенно превращающий его в полноценный, относительно самостоятельный элемент социальной структуры. В настоящее время это пока довольно аморфное социальное образование ориентировано на регуляцию активности пожилых людей в направлении решения их проблем и удовлетворения потребностей средствами образования. Но в то же время следует ожидать, что в обозримом будущем оно трансформируется в один из инструментов социального регулирования, эффективный механизм разрешения общественных проблем, вызванных изменением возрастной структуры населения и связанными с ней социальными и экономическими последствиями.

К. Панунзио рассматривал социальный институт как систему, состоящую из четырех подсистем [8], элементы которых можно обнаружить и в образовании старшего поколения (Таблица 1).

Таблица 1. Подсистемы института геронтообразования

Подсистемы социального института по К. Панунзио	Соответствующие элементы института геронтообразования
Символические и утилитарные инструменты (здания, транспортные средства, гербы, знаки отличия и т.д.)	Материальная база проектов, эмблемы и логотипы учреждений, сертификаты об окончании курсов обучения и т.п.
Договорные, принудительные и семейные объединения (профсоюзы, спортивные клубы, родительские комитеты, политические партии и т.п.)	Сами учреждения геронтообразования; складывающиеся внутри них инициативные группы, клубы по интересам и группы взаимопомощи; объединения специализированных образовательных учреждений (ассоциации народных университетов, университетов третьего возраста и т.д.).
Обычаи, правила и нормы жизни (церемония вступления в брак, форма государственного правления, обязательная школьная посещаемость и т.п.)	Устав образовательного учреждения; нормы и правила поведения, предопределяемые «традиционными» образовательными практиками; традиции и обычаи, сложившиеся в рамках проектов (посвящение в студенты, выпускные вечера)
Идеи, верования, идеалы (религия, идеал политической демократии и т.п.)	Представление о старости как полноценном, активном жизненном этапе; идея о необходимости образования в течение всей жизни

М. С. Комаров и А. М. Яковлев в качестве признаков социального института отмечают цель деятельности, наличие определённых функций, ориентированных на достижение цели, а также комплекс социальных ролей и статусов, характерных для конкретного института [9]. Наиболее ярко выраженными статусами в рамках института геронтообразования являются статусы учителя и ученика, которые имеют свою специфику и не идентичны соответствующим позициям субъекта и объекта образовательного процесса, имеющим место в «традиционных» образовательных практиках. В качестве интегральной цели функционирования геронтообразования на текущий момент, как уже говорилось, выступает решение актуальных проблем пожилых граждан средствами образования. Институт образования пожилых выполняет комплекс функций, характеризующих его социальную роль и значимость:

Образовательно-просветительская – передача фактической информации об окружающем мире, а также знаний мировоззренческого и научного характера.

Реабилитационная – восстановление утраченных физиологических, психологических и др. качеств, повышение социальной активности индивида.

Адаптационная – приспособление к изменениям в окружающей обстановке, появляющимся у стареющего человека психологическим и физиологическим новообразованиям, новому социальному статусу.

Досуговая – создание условий и предоставление возможностей для организации свободного времени, культурного досуга. Формирование знаний и умений, необходимых для реализации индивида в творчестве, хобби и т.д.

Экономическая – продление периода независимого существования, обучение функционированию в условиях снижения доходов, открытие новых возможностей для участия в оплачиваемой трудовой деятельности.

Интеграционная – включение геронтов в новые социальные группы, социальная инклюзия.

Коммуникационная – удовлетворение потребности в общении, расширение круга социальных контактов, облегчение взаимодействия с другими социальными группами (например, молодёжью).

Развивающая противодействует процессу физической и психической деградации, социальной эксклюзии. Развитие психологических и физических качеств, интеллекта в целом.

Институт образования старшего поколения, безусловно, является второстепенным. Он выступает составным элементом фундаментального (главного) института образования. Также его можно охарактеризовать как незрелый (термин Л. Бернарда [10]) – несформированный, который не выполняет пока свои явные и латентные функции настолько эффективно, чтобы можно было говорить о его влиянии на общественные процессы и явления в макросоциальных масштабах. Незрелость института геронтообразования объясняется его молодостью, а также тем, что процесс его институционализации начался лишь чуть более полувека назад. Е. М. Бабосов определяет институционализацию как процесс формирования устойчивых ценностно-нормативных образцов деятельности, социальных статусов ролей, их формирование в систему, способную к активности в направлении интеграции и координации поведения различных индивидов, групп, общностей, то есть функционирующих в качестве социальных институтов [11]. Автор выделяет в этом процесс несколько взаимосвязанных стадий:

- появление в социуме конкретных потребностей в новых видах социальной активности и соответствующих им политических, духовных и социально-экономических условий и предпосылок.
- формирование интегральных целей, которые должны достигаться организованными и совместными действиями людей, входящих в состав социального института. Данные цели формируются внутри создаваемого социального института или же определяются уже существующим институтом.
- появление социальных правил и норм, вырабатываемых в процессе становления институциональной структуры (политической партии, полиции и т. п.) и принимающих характер обязательных для исполнения входящими в этот институт социальными субъектами, (например, армейский устав, кодекс врача, устав акционерного общества и т.п.).
- развитие организационных структур, необходимых для эффективного функционирования социального института (например, профсоюз организации, управленческие структуры в армии), и регуляторов поведения (нормы поведения в общественных местах, субординация в армии, санкции, применяемые к девиантам).
- формирование специфической системы статусов и ролей, охватывающих всех членов института (например, полицейских или членов партии).
- интернализация (то есть усвоение) индивидами новых социальных ценностей, норм, императивов поведения, построение на их основе ценностных установок, ориентаций, ожиданий личности, усвоения ею определенных социальных ролей [11].

Трудно определённо сказать, на каком именно этапе институционализации находится современное геронтообразование. Во-первых, очевидно, что социальный институт в своём развитии может проходить выделенные Е. М. Бабосовым этапы не обязательно последовательно, но и параллельно. Во-вторых, оценивая «зрелость» института геронтообразования, необходимо определиться, характеризуем ли мы общую ситуацию в мире или ситуацию в странах, добившихся наибольших успехов в деле образования пожилых граждан. Если ориентироваться на страны Европы, США и некоторые азиатские государства, то геронтообразование здесь находится на четвёртой стадии своей институционализации. Характерными чертами данного этапа являются рост числа образовательных учреждений, их объединение в союзы и ассоциации, возникновения регуляторов функционирования и развития образования пожилых граждан (уставы учреждений и их объединений, законодательные акты, стратегии и концепции геронтообразования в странах и отдельных регионах). Несмотря на некоторое отставание России в части разработки законодательной базы геронтообразования, процесс институционализации образования пожилых в нашей стране также достиг четвёртого этапа. Становление института образования геронтов в Российской Федерации определяется множеством факторов, но наиболее существенными детерминантами являются: политика государства по поддержке программ геронтообразования; доля россиян пенсионного возраста, продолжающих оплачиваемую трудовую деятельность; статус старшего поколения в обществе; установившиеся в стране демографические тенденции.

Рассматривая процесс становления и развития института образования пожилых, целесообразно соотнести его с закономерностями процесса институционализации, выявленными П. Бергером, Т. Лукманом. Эти учёные утверждают, что процесс институционализации протекает везде, где социальными субъектами осуществляется взаимная типизация привычных действий. Другими словами, любая такая типизация может считаться институтом [12]. Но для функционирования института ему необходима легитимация, то есть обоснование и «объяснение» его социальной значимости [12]. Отсюда мы делаем вывод, что только элемент социальной структуры, функционирование которого является целесообразным в сознании большинства, можно рассматривать как «полноценный» социальный институт. Можно констатировать, что в настоящее время образование геронтов в массовом сознании не связывается с какими-либо социально важными задачами. Э. Е. Чеканова и М. Э. Елютина по этому поводу пишут: «Современная образовательная ситуация остается закрытой для людей пожилого возраста, а общество либо негативно настроено в отношении их особых образовательных потребностей, либо индифферентно» [13]. Проводимые нами на протяжении нескольких лет исследования свидетельствуют о том, что низкая оценка целесообразности обучения пожилых людей характерна и для значительной части самих геронтов. Мы считаем, что на общественное мнение в данном случае оказывает значительное влияние тот факт, что реализуемые сегодня практики геронтообразования не соотносятся с контекстом текущей социальной ситуации. Как справедливо отмечал К. Манхейм, образование формирует не «человека вообще», а «человека в конкретном обществе и для конкретного общества». Общество не сможет осознать цели образования до тех пор, пока они расходятся с реалиями, в которых функционирует каждая возрастная группа...» [14;15;16;17]. Легитимация социального института в массовом сознании – это процесс, который может затянуться на несколько десятилетий, особенно если дело касается такого, пока экзотического феномена, как образование пожилых. В то же время П. Бергер и Т. Лукман подчёркивают, что «...легитимация необязательна на начальном этапе институционализации, когда институт это всего лишь факт, не требующий дополнительного подтверждения ни на биографическом, ни на интересубъективном уровне. Он самоочевиден для всех имеющих к нему отношение. Проблема легитимации неизбежно появляется, когда возникает

необходимость трансляции объективаций институционального порядка новому поколению» [12].

Выводы

Итак, феномен образования старшего поколения возник вследствие наличия актуальной социальной потребности, для решения которой в обществе не существовало ни устоявшейся практики, ни специальных структур. Появившись изначально как форма досуга пожилых людей, практики геронтообразования постепенно расширили круг своих задач. Сегодня цели работы специализированных учреждений ориентируются на конкретные потребности учащихся: от социальной адаптации, до профессиональной подготовки. Национальные системы геронтообразования охватывают значительное количество граждан и являются главными агентами повышения образовательного уровня лиц старшего возраста. Огромный потенциал специализированных практик обучения представителей старшего поколения целесообразно задействовать при выработке мер противодействия негативным последствиям демографического старения населения. Данные обстоятельства обуславливают необходимость изучения геронтообразования как социокультурного феномена. Большой научный и практический интерес представляет в частности изучение процесса институционализации геронтообразования. В совокупности практик образования старшего поколения, реализующихся сегодня по всему миру, обнаруживаются все ключевые признаки социального института: общность лиц, объединённых совместной деятельностью; управляющая структура; инфраструктура; специфические социальные роли.

Геронтообразование входит в структуру фундаментального института образования в качестве неглавного социального института. При этом оно реализует набор специфических функций. Изучение геронтообразования с позиции институционального анализа даёт возможность рассматривать его как элемент системы социальных отношений, который находится во взаимодействии с другими её элементами, как специфическое взаимодействие социальных общностей и групп, направленное на достижения целей и решение задач, связанных с обучением, воспитанием, развитием личности, социализацией и профессиональной подготовкой пожилых граждан.

Библиографический список

- [1] Parsons T. *Essays in Sociological Theory*. – New York: Free Press, 1962. – 183 p.
- [2] Вебер М. *Избранные произведения*. – Москва: Прогресс, 1990. – 102 с.
- [3] Ballard L.V. *Social Institutions*. – New York – London: Cambridge University Press, 1936. – 190 p.
- [4] Homans G.C. *The Nature of Social Science*. – New York: Harcourt, 1967. – 85 p.
- [5] Корнфорт М. *Открытая философия и открытое общество*. – Москва: Прогресс, 1972. – 531 с.
- [6] Глотов М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 13-19.
- [7] Щепаньский Я. *Элементарные понятия социологии*. – Москва: Прогресс, 1969. – 240 с.
- [8] Panunzio C. *Major Social Institutions*. – New York: Macmillan, 1946. – 146 p.
- [9] Комаров С.М., Яковлев А.М. *Институт социальный* // Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. Т1. – Москва: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998 – С. 67-69.
- [10] Bernard L.L. *An Introduction to Sociology*. – New York: Crowell, 1942. – 120 p.
- [11] Бабосов Е.М. *Социология: Энциклопедический словарь (от классики до современности)*. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 480 с.

- [12] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. // Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Руткевич. – Москва: Медиум, 1995. – С. 32-42.
- [13] Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // Социологические исследования. – 2003. – №7. – С. 43-90.
- [14] Манхейм К. Диагноз нашего времени. – Москва: Юрист, 1994. – 700 с.
- [15] Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 90-99.
- [16] Bygnes S., Flipo A. Political motivations for intra-European migration // Acta sociologica. – 2017. – Vol. 3. – P. 199-212.
- [17] Ananda S.H., Nadiyah H. R., Risca F.A. Knowledge Management Orientation Behaviour and Innovation: A Lesson From Indonesia Creative Economy Sector // International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development. – 2019. Vol. 11. – P. 17-28.

References

- [1] Parsons, T. (1962). *Essays in Sociological Theory*. New York: Free Press.
- [2] Weber, M. (1990). *Selected Works*. Moscow: Progress.
- [3] Ballard, L.V. (1936). *Social Institutions*. New York. – London: Cambridge University Press.
- [4] Homans, G.C. (1967). *The Nature of Social Science*. New York: Harcourt.
- [5] Kornfort, M. (1972). *Open philosophy and open society*. Moscow: Progress.
- [6] Glotov, M.B. (2003). Social Institute: definition, structure, classification. *Sociological Studies*, 10, 13-19.
- [7] Shchepansky, J. (1969). *Elementary concepts of sociology*. Moscow: Progress.
- [8] Panunzio, C. (1946). *Major Social Institutions*. New York: Macmillan.
- [9] Komarov, S.M., & Yakovlev, A.M. (1998). Social Institute. In G.V. Osipova (Ed.), *Russian Sociological Encyclopedia. Under the general editorship of Academician*, Vol. 1 (pp. 67-69). Moscow: Publishing group NORMA-INFRA-M.
- [10] Bernard, L.L. (1942). *An Introduction to Sociology*. New York: Crowell.
- [11] Babosov, E.M. (2009). *Sociology: Encyclopedic Dictionary (from classic to modern)*. Moscow: Book house "LIBROCOM".
- [12] Berger, P., & Lukman, T. (1995). Social construction of reality. In E. Rutkevich (Ed.), *Treatise on the sociology of knowledge* (pp. 32-42). Moscow: Medium.
- [13] Elyutina, M.E., & Chekanova, E.E. (2003). Elderly Man in the Educational Space of Modern. *Sociological Studies*, 7, 43-90.
- [14] Mannheim, K. (1994). *Diagnosis of our time*. Moscow: Yurist, 1994.
- [15] Shestopal, E.B., & Selezneva, A.V. (2018). Sociocultural threats and risks in modern Russia. *Sociological Studies*, 10, 90-99.
- [16] Bygnes, S., & Flipo, A. (2017). Political motivations for intra-European migration. *Acta Sociologica*, 3, 199-212.
- [17] Ananda, S.H., Nadiyah, H.R., & Risca, F.A. (2019). Creative Economy Sector. *International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development*, 11, 17-28.

Получена / Submitted: 11/01/2019

Доработана / Revised: 11/02/2019

Принята / Accepted: 25/02/2019

УДК 338.1

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Анна Сергеевна Никифорова¹, Татьяна Ивановна Лейман¹

¹*Кафедра экономической теории и прикладной экономики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В процессе глобализации высокий и устойчивый рост экономических показателей способствует развитию экономической безопасности. Поэтому основная цель работы заключается в анализе инвестиционных аспектов обеспечения социально-экономической безопасности России. В статье рассматривается понятие инвестиционной безопасности, приводятся основные факторы, оказывающие на нее влияние. Проанализированы основные показатели инвестиционной деятельности Российской Федерации, и дана оценка уровня инвестиционной безопасности, а также приведены рекомендации по повышению уровня инвестиционной безопасности страны в современных условиях с целью повышения социально-экономической безопасности страны. Определено, что качество жизни населения зависит от социальных, культурных, экономических условий. Установлено, что взаимодействие государства и бизнеса, которые преследуют разные цели, приводит к возникновению ряда институциональных проблем.

Ключевые слова: инвестиции, социальные инвестиции, безопасность, инвестиционный климат, устойчивое экономическое развитие.

Investment Aspects of Ensuring Socio-Economic Security of Russia

Anna S. Nikiforova¹, Tatiana I. Leyman¹

¹*Department of Economic Theory and Applied Economics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. In the process of globalization, high and steady growth of economic indicators contributes to the development of economic security. Therefore, the main objective of the work is to analyze the investment aspects of ensuring the socio-economic security of Russia. The article discusses the concept of investment security, summarizes the main factors affecting it. The main indicators of the investment activities of the Russian Federation are analyzed, and the level of investment security is assessed, and recommendations are given on how to increase the level of investment security of the country in modern conditions with the aim of increasing the socio-economic security of the country. It was determined that the quality of life of the population depends on social, cultural, economic conditions. It has been established that the interaction of government and business, which pursue different goals, leads to a number of institutional problems.

Keywords: investment, social investment, security, investment climate, sustainable economic development.

Введение

Современные условия для деятельности субъектов экономики России, также, как и для экономического роста в целом несут угрозы социальной и экономической безопасности. Одним из ее компонентов является инвестиционная безопасность. Инвестиции позволяют развивать производственную и социальную сферы и получать положительный социально-экономический эффект. Но сегодня инвестиционная безопасность не обеспечивается в полной степени, что побуждает органы власти различных уровней разрабатывать программы и проекты по обеспечению защищенности интересов инвесторов, поддержке реализации их целей. Страна является зависимой от иностранных ресурсов, а их недостаток подрывает ее экономическое развитие [1;2;3].

Одним из главных условий для создания предпосылок устойчивого социально-экономического развития страны является активизация инвестиционной деятельности как составляющей экономической безопасности страны. России требуется модернизация основных фондов, воспроизводство человеческого капитала, повышение общих экономических результатов, создание объектов социальной сферы для повышения качества жизни населения с наименьшими рисками [4;5].

Инвестиционная безопасность определяется как защищенность инвестиционной деятельности через совокупность способов и методов предотвращения инвестиционных рисков и формирования благоприятных условий для инвестиционной деятельности [6;7;8]. Чем меньше будут инвестиционные риски, тем выше уровень инвестиционной безопасности.

В связи с этим выделяют условия деятельности субъектов экономики, которые позволяют усилить инвестиционную безопасность [9;10]:

- для поддержания устойчивого развития и обеспечения социальных нужд граждан страны экономика должна наполняться достаточным количеством инвестиций;
- необходима оптимизация отраслевой структуры инвестиций;
- увеличение доли инновационной составляющей в реализации инвестиционных проектов экономического и социального значения.

Материалы и методы

Материалами для анализа послужили отчетные данные Росстата, сведения Центрального Банка Российской Федерации, официальные документы государственных органов и научные издания. Методология исследования включает анализ нормативно-правовых актов и плановых документов, а также статистических данных с целью оценки характера инвестиционных процессов на различных уровнях, анализ научной литературы. При исследовании инвестиционной безопасности использованы такие методы, как изучение, сравнительный анализ показателей экономического роста, комплексный анализ статистических данных, а также систематизация результатов исследования [11].

В целях регулирования государством инвестиционных процессов сформированы две основные группы методов:

- прямое воздействие – это функция государственных органов, позволяющая определить стратегические приоритеты политики в области инвестиций и реализаций их с помощью соответствующих управленческих решений, направленных на повышение инвестиционной привлекательности и, как следствие, инвестиционной безопасности;
- косвенное воздействие является дополнением прямого и предусматривает формирование отдельных аспектов инвестиционной деятельности: бюджетное и кредитное регулирование, политика в области приватизации, применение предельных нормативов рентабельности, льготы при налогообложении и улучшенные условия при выдаче кредитов, применение дифференциация ставок ввозной пошлины, регулирование фондового рынка.

К современным способам государственного управления инвестиционной политикой относят участие федеральных и региональных органов государственной власти в обеспечении софинансирования различных проектов, предоставлении кредитов по сниженным учетным ставкам, а также финансирование проектов за счет выпуска ценных бумаг, формирование портфелей финансовых инвестиций.

При оценке инвестиционной привлекательности региона выделяют два основных подхода:

- описательный – состоит из формирования абсолютных показателей, структуры и динамики ключевых показателей развития региона;

- формирование системы рейтингов – заключается в анализе различных аспектов развития региона, формировании на их основе аналитических показателей, дальнейшей консолидации их в синтетические показатели по группам и формировании интегрального показателя.

Подход, основанный на формировании рейтингов, позволяет более наглядно оценить инвестиционную привлекательность и интерпретировать полученные результаты. На региональном уровне государственные органы для стимулирования инвестиционной привлекательности создают преференции: налоговые, амортизационные, кредитные. Использование «налоговых каникул» активно применяется региональными властями большинства развитых стран мира. Налоговые инвестиционные отчисления и налоговые инвестиционные кредиты применяются для увеличения инвестиционных вложений в основные производственные фонды, учитывая при этом экономическую ситуацию и важность развития тех или иных регионов.

Результаты и обсуждение

Формируя инвестиционный климат, направленный на привлечение иностранных инвесторов следует брать во внимание ряд факторов, влияющих на их деятельность на территории Российской Федерации. К таким факторам отнесем налогообложение, таможенное и миграционное законодательство, административные барьеры, защиту прав собственности, дискриминацию иностранных компаний в решении споров и т.д.

Обеспечивая инвестиционную безопасность, учитывая вышеуказанные условия и факторы, особое внимание стоит уделять законодательной базе в части регулирования инвестиционной деятельности. Проводится диагностика безопасности деятельности инвесторов на территории страны, которая включает выявление угроз, формирование системы индикаторов инвестиционной безопасности, анализ комплекса показателей на соответствие этим индикаторам, и как следствие предлагают возможные способы предотвращения проблем, если такие выявлены в ходе оценки. Система индикаторов, используемая в настоящее время, позволяет объективно оценить возможные изменения в поведении экономических субъектов, которые сказываются на инвестиционной безопасности страны. Учитывая, что экономические процессы происходят на разных уровнях (макро-, мезо- и микроуровень), то и индикаторы безопасности также должны быть определены на соответствующих уровнях и рассматриваться в совокупности.

На макроэкономическом уровне, оценивая темпы экономического роста, проводится оценка следующих индикаторов:

- доля валового накопления основного капитала в ВВП;
- соотношение темпов прироста инвестиций и ВВП;
- степень обновления основного капитала.

Сегодня развитие регионов и отраслей происходит через определение стратегических приоритетов их продвижения. Поэтому на мезоуровне факторы оцениваются через:

- ранжирование отраслей по приоритетности инвестирования в наукоемкие производства;
- приоритеты регионов в инвестирование объектов социальной сферы с целью ее развития.

Целью деятельности предприятий является повышение рентабельности производства. Несомненно, в этих масштабах возникают угрозы, которые оценивают через такие факторы, как:

- срок окупаемости и рентабельность инвестиционных проектов с учетом дисконтирования;
- доля производственной деятельности в ВВП;

- конкурентоспособность продукции или услуг.

Для оценки степени инвестиционной безопасности России были проанализированы статистические данные на соответствие макроэкономическим индикаторам:

1. Доля валового накопления основного капитала в ВВП. Значение этого показателя отражает комплексное влияние на инвестиционную безопасность, поскольку включает инвестированные и реинвестированные средства за счет всех источников финансирования. В 2017 г. доля инвестирования в основной капитал выросла до 21,2 % относительно 2016 года, что, на взгляд авторов, является достаточным, учитывая преобладание в экономике России капиталоемких отраслей. Также оценивая отраслевые стратегии развития, потребность в инвестициях в инфраструктуру страны составляет не менее 8% ВВП ежегодно. Таким образом, сложившиеся тенденции в поступлении средств инвесторов в реальный сектор экономики обеспечивают инвестиционную безопасность страны.

2. Соотношение темпов прироста инвестиций и ВВП. В 2017 г. ВВП показал прирост на 1,5 %, а прирост инвестиций составил 3,6 % по сравнению с 2016 годом. Для благоприятной ситуации необходимо, чтобы темп роста инвестиций превышал темп роста ВВП. Согласно статистическим данным, наблюдается положительная динамика в темпах роста инвестиций и ВВП, при этом темпы роста инвестиций превышают рост ВВП в 1,9 раз [12].

3. Степень обновления и модернизации основного капитала. Центр инвестиций и инноваций ИЭ РАН прогнозирует потребность страны для создания наукоемкой инновационной экономики к 2025 г. в объеме 2500-3000 млрд долл. На сегодня Россия не располагает достаточными инвестиционными ресурсами для полномасштабной реализации программы модернизации и обновления основного капитала. Приведенный факт показывает, что инвестиционные риски реализации реальных инвестиционных проектов высоки. Однако сейчас они еще усиливаются наложенными на РФ санкциями, так как они ставят под угрозу многие проекты, что отрицательно сказывается на притоке иностранных инвестиций [13].

Значимым источником инвестиций для российской экономики является иностранный капитал. Его роль особенно высока, когда идет речь о реализации крупных инвестиционных проектов с доступом к новым технологиям. Оценивая важность иностранных инвестиций и их роль в обеспечении инвестиционной безопасности анализируют данные платежного баланса страны. За 2017 год поступления из зарубежных стран сократились на 14,3% и составили 27,9 млрд долл. против 32,5 млрд долл. в 2016 г.

По оценке экспертов потребность России в иностранном капитале составляет 50-60 млрд долл. Статистика показывает недостаточное значение. Более того, увеличился объем вывоза капитала России за границу на 73,1%. В результате платежный баланс показал минус 25,2 млрд долл., а это означает, что отток превышает прилив капитала в страну почти в 2 раза. Статистика платежного баланса Центрального банка России демонстрирует угрозу инвестиционной безопасности страны [14]. Анализ предварительных данных статистики по инвестиционной деятельности в стране за 2018 год, а также оценок Национального рейтингового агентства позволяет заключить то, что сохраняется тенденция восстановления инвестиционной активности. Рост объема инвестиций в основной капитал за первое полугодие 2018 г. составил 3,2%, а объем притока прямых иностранных инвестиций увеличился на 18,1% (показатели рассчитаны за соответствующий период 2017 года) [15]. Однако отметим, что увеличение данных показателей произошло в 51 регионе России, оставшиеся регионы показали снижение показателей. Приведенный анализ показывает эффективность инвестиций с экономической точки зрения. Оценивать социальный эффект следует через анализ динамики качества жизни населения, так как социальные инвестиции не всегда приносят положительный финансовый результат. Качество жизни населения представляется комплексом социальных, культурных и экономических условий. В общей

сложности оценка качества жизни производится по 72 показателям. Во внимание берется уровень зарплат, образовательная система, соотношение цен потребительских товаров и реального материального положения среднестатистического гражданина и т.д. Так, по данным мирового рейтинга по уровню жизни населения Россия находится на 90-м месте из 142, по уровню социальной безопасности на 92.

Анализ социальных и макроэкономических факторов все же позволяет выявить пробелы в обеспечении инвестиционной безопасности. С целью повышения уровня защищенности российской экономики требуется разработка и реализация комплекса мер. Так, в первую очередь следует пересмотреть инвестиционное законодательство в части методов и инструментов реализации инвестиционной политики. Также отразить в нем инновационную составляющую. Далее следует направить усилия на создание более благоприятного инвестиционного климата. Это, опять же, касается сферы законодательства по защите прав собственности, развития инфраструктуры финансового рынка, формирования институциональной среды, адаптированной к реальным условиям функционирования инвестиционного рынка. Кроме этого требуется снизить различные барьеры для инвесторов, особенно иностранных. В рамках международного сотрудничества стоит пересмотреть и адаптировать совместные инвестпроекты, которые реализуются сегодня в условиях санкций. Из чего можно заключить, что реализация данных мер обеспечит инвестиционную, и, как следствие, социально-экономическую безопасность России, а также выведет ее на путь устойчивого экономического роста.

Важно отметить, что для обеспечения социально-экономической безопасности Российской Федерации в рамках решения инвестиционных вопросов, необходимо реализовывать комплекс мероприятий, основной целью которых является совершенствование инструментов, обеспечивающих масштабное производство, реструктуризацию экономики, стимулирование развития перспективных и высокотехнологичных отраслей. Также необходимо формировать позитивный деловой и инвестиционный климат в стране, прежде всего, это должно коснуться таких направлений, как институциональная среда. При взаимодействии государства и бизнеса существует ряд институциональных проблем, так как государство и бизнес преследуют различные цели. Имеет смысл уделить особое внимание инфраструктурному обеспечению государства, а также внедрить факторы, снижающие риски для бизнеса и позволяющие решать организационные, информационные, технологические и другие барьеры. Это позволит сократить отток денежных средств из страны и обеспечить благоприятные условия для привлечения инвестиционных потоков для реализации проектов на территории страны. Адаптация и своевременная реакция на изменяющуюся геополитическую ситуацию, усовершенствование совокупности факторов внутри страны, влияющих на привлечение инвестиций, позволит сохранить России независимость, привлечь дополнительные финансовые потоки и войти в тренд прогрессивного экономического развития.

Выводы

Гарантия защищенности инвестиционного института является одним из ключевых элементов экономической безопасности страны. Её степень обуславливается уровнем обеспеченности воспроизводственных процессов в экономике страны в целом, а также в отраслевом и региональном аспектах. В результате проведенного исследования определены ключевые элементы инвестиционной безопасности: качество жизни, обеспеченность воспроизводственных процессов, отраслевая структура, инновационная активность. При определении уровня инвестиционной безопасности разумно использовать показатели, характеризующие воспроизводство основных фондов в экономике. Для выявления предельных показателей инвестиций необходимо исходить из принципа обеспечения положительной динамики показателей, характеризующих износ основных фондов. Определены лимиты значений доли валового накопления во внутреннем валовом продукте,

а также отраслевая структура в общем объеме инвестиций. На уровне регионов оптимальное значение доли инвестиций в ВРП зависит от уровня социально-экономического развития и специфики субъекта. С целью улучшения показателей безопасности инвестиционных институтов имеет смысл проработать комплекс вопросов, позволяющих принимать эффективные управленческие решения, включая: ключевые направления и инструменты, цели на различных уровнях.

Проведенный анализ показал необходимость внесения существенных корректировок в инвестиционную политику России. В целях поддержания устойчивого экономического роста и развития экономики страны возникает острая необходимость в формировании новой инновационной стратегии, включающей наукоемкие и высокотехнологичные аспекты развития. Несомненно, что должна быть проведена четкая увязка инвестиционной политики и ее инструментов с бюджетной политикой государства, структурной политикой, региональной политикой, налоговой и кредитно-денежной. Все разработанные инструменты инвестиционной политики нужно направить на расширенное воспроизводство с целью усиления в нем инновационной составляющей. Основные структурные приоритеты такой политики должны быть разработаны комплексно, как система показателей инвестиционной безопасности экономики страны, которая, в свою очередь, встроена в систему показателей социально-экономического развития. Для успешной реализации новой политики требуется улучшать инвестиционный климат и деловой климат по ряду важных проблемных направлений, а именно: механизмы защиты прав собственности; специфика взаимодействия государства и бизнеса на всех уровнях; институциональная среда; прозрачность финансового рынка; снижение административных, информационных и технологических барьеров.

Библиографический список

- [1] Кондратьева Н.Б. Инвестиционная политика России: смена проблем и приоритетов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 1. – С. 123-127
- [2] Лантюгова Д. Анализ иностранной инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации // *Инвестиции в России*. – 2017. – Т. 4. – С. 72-81.
- [3] Крутиков В.К., Косогорова Л.А., Якунина М.В. Взаимосвязь инвестиционного процесса и инноваций как аспекта инвестиционной привлекательности и финансовой безопасности региона // *Экономика и предпринимательство*. – 2019. – Т. 1, № 102. – С. 18-23.
- [4] Медведев, Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // *Вопросы экономики*. – 2018. – № 10. – С. 5-28
- [5] Шоломицкая, Е.В. Влияние ключевых макроэкономических шоков на инвестиции в России // *Экономический журнал высшей школы экономики*. – 2017. – Т. 21. – № 1. – С. 89-113
- [6] Итоги работы Российского инвестиционного форума в Сочи – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusinvestforum.org/news/itogi-raboty-rossiyskogo-investitsionnogo-foruma-v-sochi-2018/> (дата обращения: 18.01.2019)
- [7] Инвестиционный портал регионов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.investinregions.ru/why-russia/> (дата обращения: 15.01.2019)
- [8] Молчан А.С., Саенко С.В. Инвестиционная безопасность как показатель экономической безопасности страны в условиях кризиса // *Вестник современных исследований*. – 2017. – № 4. – С. 90-101
- [9] Шутаева Е.А., Побирченко В.В. Угрозы инвестиционной безопасности в контексте обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2018. – Т. 14. – № 8. – С. 1498–1513
- [10] Хорев А.И. Социальная политика и экономическая безопасность современной России // *Экономика и предпринимательство*. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 202-209

- [11] Яковец Ю.В., Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Социальная безопасность как основа социальной политики РФ // Стратегические приоритеты. – 2017. – Т. 2. – № 14. – С. 26-40
- [12] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.01.2019)
- [13] Филатова А. С. Инвестиционная безопасность РФ в современных условиях // Молодой ученый. – 2015. – №1. – С. 304-307.
- [14] Официальный сайт Центрального банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 22.01.2019)
- [15] Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России по итогам 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/IPR-6-06112018.pdf (дата обращения: 21.01.2019)

References

- [1] Kondratyev, N.B (2018) Russia's Investment policy: changing problems and priorities. *World Economy and International Relations*, 1, 123-127
- [2] Lentugova, D. (2017). Analysis of foreign investment activity on the territory of the Russian Federation. *Investments in Russia*, 4, 72-81.
- [3] Krutikov, V.K., Kosogorov, L.A., & Yakunin, M.V. (2019). Interrelation of the investment process and innovation as an aspect of investment attractiveness and financial security of the region. *Economics and Entrepreneurship*, 1 (102), 18-23.
- [4] Medvedev, D.A. (2018) Russia-2024: Strategy of socio-economic development. *Economic Issues*, 10, 5-28.
- [5] Sholomitskaya, E.V. (2017) The impact of key macroeconomic shocks on investment in Russia. *Economic Journal of Higher School of Economics*, 21(1), 89-113
- [6] Results of the Russian investment forum in Sochi-2018. Retrieved from <https://rusinvestforum.org/news/itogi-raboty-rossiyskogo-investitsionnogo-foruma-v-sochi-2018/>
- [7] Investment portal of Russian regions. Retrieved from <https://www.investinregions.ru/why-russia/>
- [8] Molchan, A.S., & Saenko, S.V. (2017). Investment security as an indicator of economic security of the country in crisis. *Bulletin of Modern Studies*, 4, 90-101
- [9] Shutaeva, E.A., & Pobirchenko, V.V. (2018). Threats to investment security in the context of economic security of the Russian Federation. *National Interests: Priorities and Security*, 14(8), 1498-1513.
- [10] Khorev, A.I. (2017). Social policy and economic security of modern Russia. *Economics and Entrepreneurship*, (4(2)), 202-209
- [11] Yakovets, Yu.V., Dobrokhleb, V.G., & Yakovets, T.Yu. (2017). Social security as the basis of social policy of the Russian Federation. *Strategic Priorities*, (2 (14)), 26-40
- [12] Official website of the Federal state statistics service. Retrieved from <http://www.gks.ru>
- [13] Filatova, A.S. (2015). Investment security of the Russian Federation in modern conditions. *Young Scientist*, 1, 304-307.
- [14] Official website of the Central Bank of Russia. Retrieved from <http://www.cbr.ru>
- [15] Rating of investment attractiveness of Russian regions at the end of 2018 Retrieved from http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/IPR-6-06112018.pdf

Получена / Submitted: 10/01/2019

Доработана / Revised: 15/02/2019

Принята / Accepted: 27/02/2019

УДК 378

СТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА РЫНКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Вероника Васильевна Ефремова¹, Мухаббат Мадиевна Махмудова¹, Анна Михайловна Королева¹

¹*Кафедра экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В рамках проведенного исследования разработана структурная модель управления того, как понимается конкурентоспособность в рамках развития технического университета. В статье показано, что основная задача при реализации стратегии развития вуза технической направленности заключается в том, чтобы повысить привлекательность за счет четкой маркетинговой позиции о связи с работодателем, а также в том, что выпускник будет в целом ожидать определенный уровень заработной платы. Это обеспечит системный подход и всестороннее развитие деятельности вузов, и эффективность управления конкурентоспособностью. В дальнейших исследованиях основное внимание следует уделить конкретизации структуры модели управления конкурентоспособностью технического высшего учебного заведения на региональном рынке образовательных услуг, ведь каждый такой вуз является монополистом на рынке в своей области.

Ключевые слова: техническое высшее учебное заведение, конкурентоспособность, система управления, конкурентная позиция, стратегия.

Structural Development of Technical Higher Education Institution in the Market of Regional Educational Services

Veronica V. Efremova¹, Muhabbat M. Makhmudova¹, Anna M. Koroleva¹

¹*Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. As part of the study, a structural management model was developed for how competitiveness is understood as part of the development of a technical university. The article shows that the main task in the implementation of the university's technical development strategy is to increase its attractiveness through a clear marketing position on communication with the employer, as well as that the graduate will generally expect a certain level of wages. This will ensure a systematic approach and the comprehensive development of the activities of universities, and the effectiveness of competitiveness management. Further research should focus on specifying the structure of the model for managing the competitiveness of a technical higher education institution in the regional educational services market, because each such university is a monopolist in the market in its field.

Keywords: technical institution of higher education, competitiveness, management system, competitive position, strategy.

Введение

Повышение эффективности управления развитием технического высшего учебного заведения, то есть вуза как целостной системы, которая позволяет определить то, насколько региональный рынок нуждается в образовательных услугах со стороны вуза [1]. Объективная оценка возможна только при условии того, что оценивается внешними экспертами текущий уровень конкурентоспособности технического вуза, но и достоверно спрогнозировать ее развитие, выяснив ключевые факторы управления вуза, а также факторы, которые ограничивают его инновационное развитие [2;3]. Следовательно, идентификация системы показателей, характеризующих конкурентоспособность

технических вуза, оценка на их основе места конкретного вуза в рейтинге технических высших учебных заведений, а также смоделировать то, каким образом реализуется система, включающая управленческую деятельность для достижения задач, которые формирует современная система образования и рынок труда [4]. Необходимо подчеркнуть, что рынок образовательных услуг в значительной степени формируют экономические, политические и социальные условия страны, в которой расположено соответствующее учебное заведение. Характер применения сетевого подхода к построению отечественного рынка образования становится возможным при условии четкого функционирования всех участников рынка на принципах компетентности и честной конкуренции. Не менее важным аспектом можно считать деятельность регулятора (государства в лице соответствующих органов) для обеспечения жизнеспособности всех компонентов рынка образовательных услуг [5].

Эффективность функционирования непосредственно системы образования зависит от ряда внутренних факторов – ресурсной базы, кадрового потенциала, формы организации функционирования [6;7;8;9]. При этом важную роль играет степень адекватности системы образования требованиям национальной экономики, населения в целом и отдельных лиц. Такая необходимость актуализирует не только количественный рост этой сферы, но и качественные сдвиги в сторону инновационного компонента образования. Следовательно, можно утверждать, что рынок образовательных услуг является одним из важнейших элементов национальной инновационной системы.

Проведенные автором маркетинговые исследования официальных печатных источников информации о деятельности учебных заведений высшего образования, а также полевые маркетинговые исследования с использованием опроса контактных аудиторий, прямо или косвенно заинтересованных в деятельности высшего учебного заведения, показали, что развитию рынка образовательных услуг присущи такие тенденции [10]:

- рост объемов реализованных образовательных услуг в абсолютном значении не сопровождается ростом их количества или качества, а обусловлено повышением расходов учебных заведений на коммунальные услуги, оплату труда и прочие операционные расходы;
- снижение доли лиц, обучающихся за счет бюджетных средств, и рост доли приобретения образовательных услуг за счет средств населения свидетельствует о снижении уровня финансирования образования и роста явления коммерциализации образования (государство перекладывает бремя создания просвещенного общества и интенсивного воспроизводства человеческого капитала на плечи населения);
- неизменной проблемой современности, особенно в условиях финансового кризиса, остается низкая платежеспособность населения – главного потребителя образовательных услуг, которая влечет за собой снижение уровня расходов на образование;
- неудовлетворительным остается уровень инвестиций в образование.

Объектом исследования является процесс формирования системы управления конкурентоспособностью технического высшего учебного заведения. Целью исследования является разработка модели системы управления конкурентоспособностью технического вуза. В ходе научного исследования использованы абстрактно-логические методы (в частности, научного абстрагирования, аналогии и сопоставления, индукции и дедукции, анализа и синтеза), с помощью которых выявлены главные задачи, которые должны быть решены в процессе моделирования системы управления конкурентоспособности технического высшего учебного заведения.

Материалы и методы

Конкурентные преимущества высшего учебного заведения – это качественные или количественные характеристики функционирования вуза, которые позволяют лучше

удовлетворять потребности рынка образовательных и научно-исследовательских услуг в сравнении с аналогичными организациями на том же рынке. Постоянный поиск и усиление конкурентных преимуществ, и устранение недостатков позволит обеспечивать конкурентоспособность высшего учебного заведения. Конкурентоспособность высшего учебного заведения определяется способностью [11]:

- готовить специалистов, которые способны конкурировать на внешнем и внутреннем рынках труда;
- разрабатывать конкурентоспособные новшества в образовательной сфере;
- вести эффективную воспроизводственную политику во всех сферах деятельности.

Оценка финансово-экономических результатов в деятельности вузов при современных условиях существования в образовательном пространстве является актуальной с позиций управления конкурентоспособностью и важности разработки стратегических решений по поиску возможностей вероятной диверсификации образовательной деятельности. Результаты оценки финансово-экономических результатов деятельности вузов позволяют обосновать решения по максимизации доходов; активизации структуры капитала; построения эффективного механизма управления высшим учебным заведением; использования рыночных механизмов привлечения финансовых средств [12].

Концептуальные основы и другие вопросы финансового обеспечения высших учебных заведений неоднократно исследовались учеными. Несмотря на большое количество исследований, публикаций, ряд вопросов, связанных непосредственно с эффективным использованием финансово-экономических ресурсов высших учебных заведений на подготовку специалистов с высшим образованием, требует дальнейших исследований [13].

Финансирование высших учебных заведений государственной и частной формы собственности осуществляется за счет средств государственного и местных бюджетов, средств центральных органов исполнительной власти, а также за счет средств заказчиков платных образовательных услуг. Финансирование частных высших учебных заведений происходит только за счет средств их владельцев, а также юридических и физических лиц, получающих образовательные услуги.

Социально-экономическая система характеризуется единством элементов объекта управления (технического высшего учебного заведения) и его взаимосвязью с внешней средой. Достижение трех вышеперечисленных составляющих конкурентоспособности технического высшего учебного заведения (конкурентоспособные выпускники, новации в сфере образования, эффективная воспроизводственная политика) возможно лишь при разработке «дерева» целей и решение конкретных задач по следующим компонентам системы:

- миссия технического вуза (чего стремится вуз);
- «вход» технического вуза (что может дать вузу рынок поставщиков);
- «выход» технического вуза (результат деятельности вуза);
- внешняя среда (кто и как влияет на вуз извне);
- стратегия и структура технического вуза (какой должна быть стратегия функционирования и развития вуза, какие подразделения он должен иметь для решения определенных целей);
- потенциал вузов (качественный и количественный состав преподавательского состава);
- процессы по переработке «входа» и «выхода» (на основе каких процессов и как должен руководить вузом его ректор).

Быстрый рост количества учебных заведений, увеличение показателей приема в высшие учебные заведения приблизили отрасль технического образования с позиций насыщенности рынка и ожиданий потребителей услуг технических высших учебных заведений. Основой управления качеством образовательных услуг является построение рейтингов технических учебных заведений отдельно и рейтингов высших учебных

заведений в целом, их мониторинг, сравнительная оценка уровня качества образования, т. е. оценка конкурентоспособности конкретного высшего учебного заведения [14].

Результаты и обсуждение

В современной экономической ситуации, когда на рынке образовательных услуг действует конкуренция, встает вопрос оптимизации предпринимательских процессов в учебном заведении. Чтобы определить реальное состояние дел, который дает возможность принять обоснованные решения, необходимо провести расчет основных финансовых показателей, проанализировать финансовое состояние отечественных вузов.

В целом финансовые результаты деятельности региональных вузов зависят, прежде всего, от формы собственности высшего учебного заведения. Поскольку финансирование высших учебных заведений государственной и частной формы собственности осуществляется за счет средств государственного и местного бюджетов, то их финансово-экономический результат представляет собой конечный итог выполнения сметы путем сравнения доходов и расходов по специальным и общим фондам (дефицит или профицит) [15]. Финансовое обеспечение высших учебных заведений частной формы собственности осуществляется их владельцем за счет дополнительных источников финансовых ресурсов, поэтому их конечным финансово-экономическим результатом является показатель чистой прибыли по отчету о финансовых результатах.

Наиболее заметное влияние на конкурентную позицию технического высшего учебного заведения имеют внешние силы, которые выступают на конкретных рынках в различных комбинациях. Например, конкурентное давление со стороны постепенно сложившихся вузов-номинантов, которые занимают большую долю рынка и способны высокоэффективно предоставлять образовательные и научно-исследовательские услуги, которые пользуются спросом [16].

Система управления конкурентоспособностью технического высшего учебного заведения включает такие основные блоки:

1. Определение миссии технического высшего учебного заведения. Миссией технического вуза является подготовка высококвалифицированных кадров нового поколения для сферы технического производства, которые будут обладать фундаментальными знаниями, навыками в инновационной деятельности и иметь качественную практическую подготовку.

2. Оценка ожиданий потребителей услуг технического высшего учебного заведения (фирма, производство, организации, общество, государство и т. д.).

3. Оценка степени влияния внешней среды на конкурентоспособность технического высшего учебного заведения. К показателям внешней среды относятся:

- конкурентоспособность государства и города, в котором расположен вуз;
- совокупно обусловленное влияние факторов глобального, национального, регионального и местного характера (правовых, политических, инновационных, экономических, социально-демографических и др.).

4. Определение и анализ показателей на «входе» в систему высшего технического учебного заведения.

5. Разработка и оценка эффективности стратегии развития технического высшего учебного заведения, построение организационной структуры управления техническим вузом, которая соответствует конкурентной стратегии. Разработка конкурентной стратегии, по мнению многих ученых, и является определяющим фактором конкурентоспособности. Конкурентоспособность технического высшего учебного заведения связана с уровнем формирования и использования его потенциала, что эффективно может быть осуществлено лишь с конкретными программой или планом, то есть в соответствии с разработанной стратегией [17].

Поскольку развитие любого вуза, то есть переход его в новое качественное состояние, не может осуществляться не через освоение нововведений, через инновационный процесс, который является сложным по своей структуре феноменом, в сложной экономической ситуации выживут только те региональные вузы, которые переориентируются на научно-инновационную деятельность и смогут зарабатывать, выполняя научно-исследовательские разработки, а также применять инновационные маркетинговые стратегии в образовательном процессе, которые позволят создавать и продвигать образовательные услуги на региональный рынок.

Надо заметить, что большинство специалистов указывают на фрагментарный характер имеющихся стратегических планов региональных вузов, недостаточную адаптацию маркетинговых стратегий к изменяющимся условиям рынка, сосредоточенность на решении преимущественно внутренних задач, слабое взаимодействие с потребителями образовательных услуг. Маркетинговые исследования на рынке образовательных услуг региональных вузов предлагаем разделить на три типа (табл. 1). Заметим, что выбор конкретного типа маркетингового исследования во многом определяют цели исследования и задачи, которые решаются на отдельных этапах его проведения.

Таблица 1. *Типы маркетинговых исследований на рынке образовательных услуг региональных вузов*

Тип маркетингового исследования	Характеристика
Стратегические исследования	направляются на поиск и объяснение проблем конкурентоспособности потенциала региональных вузов; для генерирования идей по созданию новых образовательных услуг и инновационных продуктов, что способствует становлению вуза как предпринимательского. Для исследований используются как количественные методы (изучение документации), так и методы свободного исследования (глубинные интервью, фокус-группы и т. д.).
Дескриптивные исследования	используются для изучения рынка образовательных услуг, опираются, с одной стороны, на вторичные данные, получаемые путем анализа документации, а с другой – на первичные данные, как количественные, так и качественные; способствуют выявлению характеристик потребителей образовательных услуг (профиль сегмента), мотивации покупки образовательных услуг, процедуре оценки качества образовательных услуг, механизма принятия решения о частоте покупок в части результатов научных исследований для отраслевых рынков инновационных продуктов
Казуальные исследования	направляются на изучение причин проблем конкурентоспособности потенциала региональных вузов, для определения оптимального варианта их решения; используются для ответа на вопрос «почему?» относительно поведения или отношения потребителя образовательных услуг. Ответ может быть предоставлен благодаря применению методов интерпретации результатов индивидуальных и групповых опросов ассоциативных тестов, а также методов математического анализа данных

Для формирования инновационной маркетинговой программы развития региональных вузов на основе маркетинговых исследований и составления бюджета реализации маркетинговых мероприятий в условиях глобализации предлагаем составлять рабочий документ, что делает возможным тестирование маркетинговых возможностей региональных вузов относительно потребностей всех сегментов потребителей образовательных услуг в течение жизненного цикла потребления образовательной услуги. Для формирования инновационной маркетинговой программы регионального вуза на основе маркетинговых исследований по составлению информационного и аналитического раздела важное значение приобретает вопрос информационно-аналитического обеспечения маркетинговых исследований на рынке образовательных услуг. Предложенные описания основных секторов маркетинговой информации для проведения маркетинговых исследований на рынке образовательных услуг региональных вузов обобщены в табл. 2.

Таблица 2. Описание основных секторов маркетинговой информации для проведения маркетинговых исследований на рынке образовательных услуг региональных вузов

Сектор	Характеристика	Источники получения и формы представления
Экономическая информация	Оперативная и справочная экономическая информация, и аналитические экономические обзоры развития рынка высшего образования	Профессиональные базы и банки данных, печатные справочники
Профессиональная и научно-техническая информация	Профессиональная информация по специализации вузов, научно-техническая (реферативные научно-технические журналы, описание патентов и т. д.), справочная информация в фундаментальных и прикладных областях науки	Государственные службы, различные коммерческие организации, научно-исследовательские учреждения
Коммерческая информация	Информация об отечественных и мировых вузах, направления их научно-исследовательских работ и виды образовательных услуг, о финансовом состоянии, деловых связях, международном сотрудничестве	Электронные базы данных или периодически обновляемые печатные издания
Статистическая информация	Показатели, рассчитанные по совокупности вузов, по определенным рынкам, географическим и административным территориям	Государственные статистические службы, статистические сборники
Массовая информация	Информация, рассчитанная на широкий круг различных групп потребителей	Средства массовой информации, телекоммуникационные сети

Для маркетингового исследования рыночных возможностей регионального вуза предлагаем структурировать маркетинговую информации для анализа рынка образовательных услуг следующим образом (табл. 3).

Таблица 3. Маркетинговая информация для анализа рынка образовательных услуг региональных вузов

Вид информации	Объект информации
Количественные данные о рынке	1. Емкость рынка образовательных услуг. 2. Темп роста рынка образовательных услуг. 3. Доля вузов на рынке образовательных услуг. 4. Стабильность спроса на образовательные услуги.
Качественные данные о рынке	1. Структура потребности в образовательных услугах. 2. Мотивы покупки образовательных услуг. 3. Процессы покупки образовательных услуг. 4. Отношение к информации
Анализ конкуренции	1. Объемы предоставления образовательных услуг. 2. Сильные и слабые стороны конкурентов вуза. 3. Стратегии конкурентов. 4. Наличие финансовой помощи. 5. Качество управления
Структура покупателя	1. Количество покупателей. 2. Виды покупателей. 3. Особенности, присущие отдельным регионам. 4. Особенности, присущие отдельным отраслям
Структура отрасли	1. Количество продавцов образовательных услуг. 2. Вид продавцов. 3. Организации / союзы продавцов образовательных услуг. 4. Загрузка производственных мощностей. 5. Характер конкуренции.
Структура распределения	1. Географическая. 2. По каналам сбыта

Применение маркетинговых исследований в управлении высшим учебным заведением позволяет лучше задействовать потенциал вузов для достижения целей, которые он ставит перед собой. Однако маркетинговые исследования возможны и востребованы только на

стадии осознания руководством вуза ситуации, при которой они не могут предложить потребителям больше, чем имеют сами. Это касается и количества, и качества цены образовательных услуг. Именно здесь возникает необходимость выявить потребности рынка и адаптировать к ним свои услуги. Без изменения ориентации регионального вуза на потребности рынка образовательных услуг маркетинговые исследования невозможны.

Выводы

Для интегрирования информации на аналитическом этапе разработки стратегического плана развития регионального вуза и создания предпосылок его предпринимательской деятельности предлагаем дополнить существующие методики маркетинговых исследований на рынке образовательных услуг детализацией поведения и факторов, влияющих на решение двух субъектов рынка – потребителей и покупателей образовательных услуг.

Обычно маркетинговую стратегию регионального вуза конкретизируют в маркетинговой программе. Стратегический маркетинговый план является важнейшим и обязательным документом в деятельности вузов, механизмом запуска, функционирования и контроля за эффективностью всей системы маркетинга. С целью дальнейшего исследования вопросов формирования инновационной маркетинговой программы региональных вузов на основе маркетинговых исследований в условиях глобализации уточним, что под понятием маркетинговой программы понимаем комплекс взаимосвязанных задач и адресных мероприятий, направленных на планирование конкретных действий по реализации маркетинговых стратегий.

Авторами отмечено, что отсутствие необходимой маркетинговой информации, использование недостаточно достоверных или устаревших данных могут стать причиной серьезных экономических просчетов. Важность маркетинговой информации заключается в том, что ее использование способствует уменьшению неопределенности и риска при принятии управленческих решений. Поэтому большинству маркетинговых исследований предшествует детальный анализ рынка маркетинговой информации по поиску источников информации определенной достоверности и полноты отображения рыночных процессов.

Библиографический список

- [1] Мохначев С.А. Управленческие аспекты конкурентоустойчивости регионального вуза на рынке образовательных услуг // Интеграция образования. – 2007. – № 3-4. – С. 14-16.
- [2] Sun W.B. Cui H.W., Xu C.Q. Innovative mode of integrated development of higher vocational education based on social interaction theory // Kuram ve Uygulamada Egitim Bilimleri. – 2018. – Vol. 18, Iss. 6. – P. 3043-3051
- [3] Venkatraman S., de Souza-Daw T., Kaspi S. Improving employment outcomes of career and technical education students // Higher Education, Skills and Work-based Learning. – 2018. – Vol. 8, Iss. 4. – P. 469-483.
- [4] Bennett S., Lockyer L., Agostinho S. Towards sustainable technology-enhanced innovation in higher education: Advancing learning design by understanding and supporting teacher design practice // British Journal of Educational Technology. – 2018. – Vol. 49, Iss. 6. – P. 1014-1026.
- [5] Мартыненко О.О., Жукова Н.В. Академическая мобильность в России: сегодняшние проблемы и ближайшие перспективы (взгляд из регионального вуза) // Интеграция образования. – 2008. – № 2. – С. 3-10.
- [6] Королева А.М. Анализ конкурентного положения вуза на региональном рынке образовательных услуг // Экономика и предпринимательство. – 2015. – №5, Ч.1. – С. 1124-1129

- [7] Королева А.М. Формирование стратегии деятельности вуза на рынке образовательных услуг // Экономика и предпринимательство. – 2015. – №5, Ч.2. – С. 542-546.
- [8] Махмудова М.М., Королева А.М. Инженерное образование в системе двухуровневой подготовки // Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права: Материалы международного научного семинара (13 декабря 2013 г.). Выпуск 12. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – С. 29-32.
- [9] Наследов А.Д., Защирина О.В. Феномен педагогической перцепции в контексте коммуникативного развития ученика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2008. – № 4. – С. 252-261.
- [10] Бабаева Э.С. Диалектика становления современного регионального вуза // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 3. – С. 72-76.
- [11] Кряклина Т.Ф. (2013). Особенности управления региональными вузами и ФГОС ВПО // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – Т. 2. – № 22. – С. 56-62.
- [12] Борликов Г.М., Салаев Б.К., Ботова С.Н. Формирование инновационной инфраструктуры регионального вуза как фактор устойчивого развития региона // Интеграция образования. – 2013. – Вып. 1, № 70. – С. 12-17.
- [13] Скрипкина А.В. Концепция формирования имиджа региональных вузов социокультурной сферы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 10, № 12 (107). – С. 266-270.
- [14] Сазыкина О.А., Кошев А.Н. Организационная культура регионального вуза: особенности и возможности развития // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – №28. – С. 522-527.
- [15] Naumkin N.I., Kondratieva G.A., Grosheva E.P., Kupryashkin V.F. Training higher school students in rapid prototyping technology as a final stage of their preparation for innovative activities // Integration of Education. – 2018. – Vol. 22, Iss. 3. – P. 519-534.
- [16] Горелова Г.Г., Шибанова Е.К., Степанов В.А. Концепция стратегии развития регионального вуза, основанная на запросах субъектов образовательного пространства // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 5. – С. 25-34.
- [17] Рогачева Е.Ю., Слепухин А.Ю. Региональные вузы и международная интеграция образования // Интеграция образования. – 2015. – Вып. 19, № 1(78). – С. 6-12.

References

- [1] Mokhnachev, S.A. (2007). Managerial aspects of competition stability of a regional university in the educational services market. *Education Integration*, 3-4, 14-16.
- [2] Sun, W.B. Cui, H.W., & Xu, C.Q. (2018). Innovative mode of integrated development of higher vocational education based on social interaction theory. *Kuram ve Uygulamada Egitim Bilimleri*, 18(6), 3043-3051.
- [3] Venkatraman, S., de Souza-Daw, T., & Kaspi, S. (2018). Improving employment outcomes of career and technical education students. *Higher Education, Skills and Work-based Learning*, 8(4), 469-483
- [4] Bennett, S., Lockyer, L., & Agostinho, S. (2018). Towards sustainable technology-enhanced innovation in higher education: Advancing learning design by understanding and supporting teacher design practice. *British Journal of Educational Technology*, 49(6), 1014-1026.
- [5] Martynenko, O.O., & Zhukova, N.V. (2008). Academic mobility in Russia: current problems and near-term prospects (view from a regional university). *Education Integration*, 2, 3-10.
- [6] Koroleva, A.M. (2015). Analysis of the competitive position of the university in the regional market of educational services. *Economy and Entrepreneurship*, 5(1), 1124-1129

- [7] Koroleva, A.M. (2015). Formation of the university activity strategy in the educational services market. *Economy and Entrepreneurship*, 5(2), 542-546.
- [8] Makhmudova, M.M., & Koroleva, A.M. (2014). Engineering education in the system of two-tier training. In *University science: theoretical and methodological problems of training specialists in the field of economics, management and law. Materials of the international scientific seminar* (pp. 29-32). Vol. 12. Tyumen, Russian Federation: TyumGNGU.
- [9] Nasledov, A.D., & Zashchirinskaia, O.V. (2008). The phenomenon of pedagogical perception in the context of the student's communicative development. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 4, 252-261.
- [10] Babaeva, E.S. (2013). The dialectic of the formation of a modern regional university. *Historical and Socio-Educational Thought*, 3, 72-76.
- [11] Kryaklina, T.F. (2013). Features of the management of regional universities and FSE VPO. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2 (22), 56-62.
- [12] Borlikov, G.M., Salaev, B.K., & Botova, S.N. (2013). Formation of the innovation infrastructure of a regional university as a factor of sustainable development of the region. *Education Integration*, 1(70), 12-17.
- [13] Skripkina, A.V. (2011). The concept of formation of the image of regional universities in the socio-cultural sphere. *Scientific statements of Belgorod State University. Series: Humanities*, 10(12(107)), 266-270.
- [14] Sazykina, O.A., & Koshev, A.N. (2012). Organizational culture of a regional university: features and opportunities for development. *News of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*, 28, 522-527.
- [15] Naumkin, N.I., Kondratieva, G.A., Grosheva, E.P., & Kupryashkin, V.F. (2018). Training higher school students in rapid prototyping technology as a final stage of their preparation for innovative activities. *Integration of Education*, 22(3), 519-534.
- [16] Gorelova, G.G., Shibanova, E.K., & Stepanov, V.A. (2015). The concept of a regional university development strategy based on the requests of subjects of the educational space. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 5, 25-34.
- [17] Rogacheva, E.Yu., & Slepukhin, A.Yu. (2015). Regional universities and international integration of education. *Education Integration*, 19 (1(78)), 6-12.

Получена / Submitted: 09/01/2019

Доработана / Revised: 12/02/2019

Принята / Accepted: 25/02/2019

УДК 33

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ирина Федоровна Пинаева¹, Шамиль Фаритович Фарахутдинов²

¹*Кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме оценки эффективности социальных проектов как инструментов реализации корпоративной социальной ответственности металлургических корпораций при условии использования синергетического подхода к управлению. Авторами статьи рассмотрено понятие корпоративной социальной ответственности, сущность и место социального проекта в системе корпоративной социальной ответственности, определяются концептуальные основы синергетического подхода в проектном управлении и аргументируется целесообразность использования синергетического подхода для управления социальной ответственностью металлургических корпораций. Описана разработанная математическая модель оценки эффективности синергетических эффектов от реализации социальных проектов, сущность которой заключается в построении иерархичной структуры показателей эффективности. Авторы предлагают выделять качественный и количественный эффекты от реализации социальных проектов, которые, в свою очередь, могут быть прямыми, то есть воздействующими на прямого адресата социального проекта, и косвенными, влияющими на интересы дополнительных заинтересованных сторон. На основе аккумуляции прямого и косвенного эффектов образуется синергетический эффект, более продуктивный и ресурсосберегающий: корпорации смогут тратить меньшее количество ресурсов на организацию социальной проектной деятельности за счёт учёта косвенного влияния. Математическая модель состоит из совокупности взаимосвязанных математических равенств и условий, интерпретационных схем и ключей, обеспечивающих простоту применения модели в деятельности металлургических корпораций. Практическая значимость разработанной модели заключается в повышении эффективности управления корпоративной социальной ответственностью металлургических корпораций за счёт оптимизации прогностической деятельности – потенциальной оценки эффективности проектов и целесообразности их реализации.

Ключевые слова: КСО, социальный проект, синергетический подход, проектное управление, оценка эффективности.

Methodology for Evaluation of the Synergistic Effectiveness of Social Projects

Irina F. Pinaeva¹, Shamil F. Farakhutdinov²

¹*Department of Management, Marketing and Logistics, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of evaluating the effectiveness of social projects as enablers of corporate social responsibility metallurgical corporations subject to the use of the synergetic approach to management. Author examines the concept of corporate social responsibility, nature and place of the social project in the system of corporate social responsibility, defines the basis of synergetic approach in project management and proves the priority of use of the synergetic approach to control social responsibility metallurgical corporations. Described a mathematical model to assess the efficiency of synergy effects from the implementation of social projects, the essence of which is to build a hierarchical structure of performance indicators. The author proposes to distinguish qualitative and quantitative effects of the implementation of social projects that may directly or indirectly influence the stakeholders of the

Corporation. On the basis of a synthesis of direct and indirect effects a synergistic effect is created more productive and resource-efficient. Corporations will be able to spend fewer resources on the social organization of project activities. The mathematical model consists of a set of interrelated mathematical equations and conditions, interpretation schemes and keys for easy application of the model in the activities of the metallurgical corporations. The practical significance of the developed model is to improve the effectiveness of corporate social responsibility management metallurgical corporations by optimizing predictive activity – potential evaluation of projects and feasibility of their implementation.

Keywords: CSR, social project, synergistic approach, project management, performance evaluation.

Введение

В настоящее время многие крупные отечественные предприятия осознают необходимость внедрения и реализации в своей деятельности корпоративной социальной ответственности (КСО). В этой связи происходит поиск оптимальных систем КСО, учитывающих отраслевую, и региональную специфику. В научной литературе существует множество подходов к пониманию сущности корпоративной социальной ответственности [1;2]. Наиболее распространённые можно встретить в международных стандартах. В определении ISO 26000:2010 под корпоративной социальной ответственностью понимается: «ответственность организации за воздействие её решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение» [3;4]. В отечественной литературе можно встретить различные определения КСО. И.Ю. Беляева определяет КСО как «обязательство бизнеса осуществлять добровольный вклад в развитие общества, включая социальную, экономическую и экологическую сферы, принятое компанией сверх того, что требует закон и экономическая ситуация» [5]. Ю.Е. Благов понимает под КСО «рациональный отклик компании на систему противоречивых ожиданий заинтересованных сторон, направленный на устойчивое развитие компании» [6].

Реализация КСО осуществляется как в пассивной, так и активной форме. Инструментами пассивной реализации КСО являются социальная политика и корпоративная культура организации, лежащие в основе внутрикорпоративных процессов, содержание которых соответствует установленным принципам и целям КСО [7]. Социальный проект, в свою очередь, является активной формой реализации КСО.

Рисунок 1. Место социального проекта в структуре КСО

Его содержание представлено совокупностью процессов, аналогичных структуре процессов стандартного проекта, однако в данном случае процессы направлены на обеспечение социальных ценностей организации. Место социального проекта в структуре КСО организации можно проиллюстрировать следующим образом (Рисунок 1).

В рамках концепции проектного управления существует множество подходов, направленных на обеспечение рационального использования ресурсов и получения требуемых результатов от реализации проекта. Одним из них является «синергетический подход», основанный на выделении и получении синергетического эффекта за счет реализации проектных задач. Системно-структурная методология управления экономическими системами, к которой и относится синергетический подход, активно рассматривалась в работах Г.П. Щедровицкого [8], теориях синергетики и теории сложных систем И. Пригожина, И. Стенгерс [9], Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова [10], К. Dooley [11], теории аутопоэзиса У. Матураны, Ф. Варелы [12], Н. Лумана [13], «постмодернистской» теории организации Н. Tsoukas, R. Chia [14].

Материалы и методы

Синергетический подход базируется на двух ключевых принципах: открытость и нелинейность. Открытость системы означает её взаимодействие с окружающей средой, а нелинейность – что результат воздействия на систему не пропорционален силе (интенсивности) этого воздействия. Интерпретируя данные принципы в отношении системы проектного управления, мы можем отметить необходимость открытости процессов, входящих в состав проекта для обеспечения потенциальной возможности к синергизму, и наличие свойства вариативности конечных результатов.

Базовое отличие синергетического подхода состоит в фундаментальной роли свойства самоорганизации в нелинейных динамических системах. Самоорганизация является следствием изменения некоторых параметров системы, и её перехода в новое состояние [15]. Синергетический подход, учитывает данное свойство системы, что позволяет снижать издержки, связанные с управлением системой [16].

Использование синергетического подхода довольно часто можно встретить во внутрикорпоративном управлении. В то же время нам не приходилось сталкиваться с применением данного подхода по отношению к корпоративной социальной ответственности организаций. Авторами разработана математическая модель оценки эффективности синергетических эффектов от реализации социальных проектов, сущность которой будет представлена ниже.

Ранее осуществлённый нами анализ концептуальных основ корпоративной социальной ответственности позволил установить наличие взаимосвязи между заинтересованными сторонами металлургических корпораций. Исходя из данного факта, можно предположить, что наличие взаимодействия между всеми субъектами КСО предполагает и наличие соответствующих связей между результатами удовлетворения потребностей каждой заинтересованной стороны. Иными словами, реализуя социальный проект для конкретной заинтересованной стороны, например, для сотрудников, металлургическая корпорация в первую очередь получит *прямой эффект*, связанный с сотрудниками. Но, в то же время, отмечается наличие и *косвенного эффекта*, природа которого определяется связью сотрудников корпорации с другими заинтересованными сторонами [17]. Например, у корпорации имеется несколько заинтересованных сторон: акционеры, поставщики, сотрудники, местное сообщество и органы государственной власти. Реализуя социальный проект в отношении сотрудников (прямой адресат) корпорация рассчитывает на получение прямого эффекта от сотрудников (повышение их удовлетворенности, лояльности, качества жизни и т.д. Но сотрудники, в свою очередь, являются субъектами местного сообщества, что особенно актуально в отношении градообразующих предприятий. Тогда лояльность

сотрудников к корпорации в некоторой степени распространится и на местное сообщество, а значит будет достигнут косвенный эффект, связанный с повышением благоприятности взаимодействия корпорации и местного сообщества при том, что ресурсы, использованные для реализации проекта, остаются прежними (предназначенными только для прямого адресата). Таким образом, мы сталкиваемся с синергетическим свойством социальных проектов, которое предлагается использовать при разработке моделей управления КСО.

Результаты и обсуждение

Сформированная концепция модели позволяет выделить ее атрибуты, описывающие сущность проекта. В следующей таблице представлены определения всех атрибутов, характеризующих модель оценки эффективности социальных проектов (Таблица 1).

Таблица 1. *Атрибуты модели оценки эффективности социальных проектов*

№п	Атрибут модели	Определение атрибута
1	Система КСО корпорации	Совокупность концептуальных и иных принципов социальной политики корпорации, направленной на организацию взаимодействия с заинтересованными сторонами для удовлетворения потребностей и соблюдения интересов обеих сторон.
2	Социальный проект	Программа действий корпорации, в основе которых лежит актуальная социальная проблема, связанная с заинтересованными сторонами.
3	Заинтересованные стороны корпорации	Физические лица и (или) организации, согласно установленной концепции КСО в конкретной корпорации, влияющие на ее деятельность и принимающие влияние деятельности корпорации.
4	Заинтересованная сторона - адресат	Та заинтересованная сторона корпорации, на удовлетворение интересов которой направлен социальный проект.
5	Остальные заинтересованные стороны	Остальные заинтересованные стороны из перечня заинтересованных сторон конкретной корпорации, не являющиеся адресатами социального проекта.
6	Ресурсы	Ресурсы различного характера (человеческие, финансовые, материально - технические и т.д.), необходимые для реализации проекта.
7	Прямая эффективность проекта	Эффективность результатов реализации социального проекта, полученных на основе влияния на заинтересованную сторону – адресата.
8	Косвенная эффективность проекта	Эффективность результатов реализации социального проекта, полученных дополнительно на основе косвенного влияния проекта на заинтересованные стороны корпорации, не являющиеся адресатами социального проекта.
9	Качественная эффективность	Соответствие содержания проекта интересам заинтересованной стороны и содействие результатов проекта повышению благоприятной репутации корпорации с точки зрения заинтересованной стороны.
10	Количественная эффективность	Получение дополнительной прибыли или увеличение объемов реализации товаров и (или) услуг корпорации, снижение производственных и иных издержек в процессе операционной деятельности.
11	Плановая эффективность	Результат предварительной оценки эффективности (косвенной и прямой, качественной и количественной) до реализации социального проекта.
12	Фактическая эффективность	Результат оценки достигнутой эффективности (косвенной и прямой, качественной и количественной) после реализации социального проекта.
13	Аппарат управления КСО	Комплекс сотрудников корпорации – лиц, ответственных за оценку эффективности социальных проектов, то есть за использование модели. Наличие Аппарата управления КСО является одним из основных условий использования данной модели.

Организация управления КСО на основе синергетического подхода предполагает необходимость осуществления оценки прямых и косвенных эффектов, характеризующихся синергетическими свойствами. Для этого была разработана математическая модель, позволяющая оценивать не только прямые, но и косвенные эффекты, без учета которых

достижение преимуществ синергетического подхода к управлению социальными проектами не имеет смысла. На следующей схеме представлена структура математической модели, предназначенной для оценки синергетического эффекта от реализации социальных проектов (Рисунок 2).

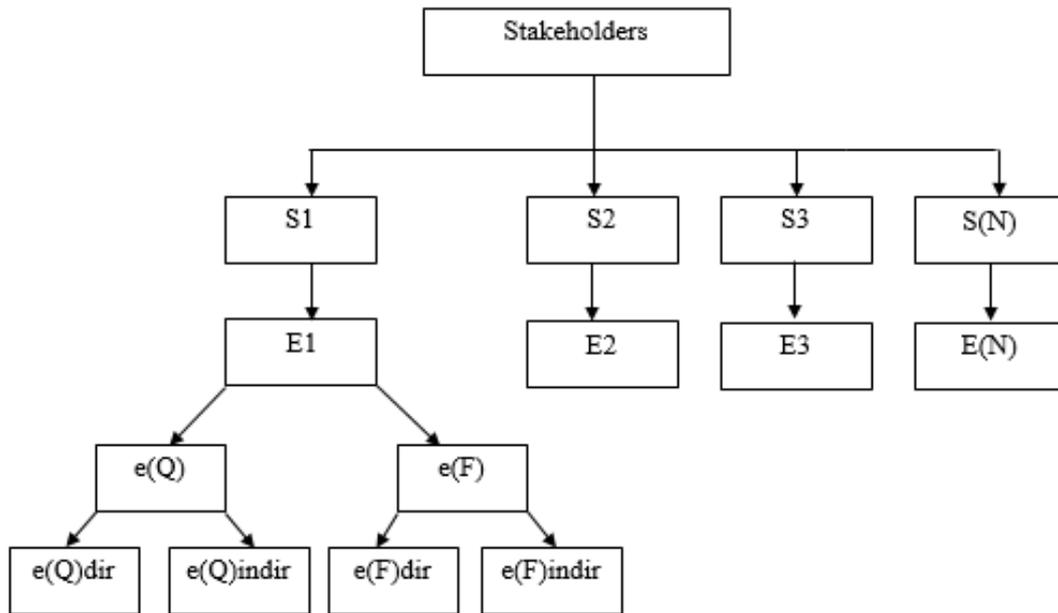

Рисунок 2. Структура математической модели оценки синергетических эффектов от реализации социальных проектов металлургических корпораций

Условные обозначения: S(N) – конкретная заинтересованная сторона, E(N) – эффект от реализации проекта, e(Q) – качественный эффект, e(F) – количественный (финансовый) эффект, e(Q)dir – прямой качественный эффект, e(Q)indir – косвенный качественный эффект, e(F)dir – прямой количественный (финансовый) эффект, e(F)indir – косвенный количественный (финансовый) эффект.

Различные коэффициенты, входящие в структуру математической модели, обозначают соответствующие элементы эффектов. Выделяются качественные и количественные эффекты от реализации социальных проектов, которые, в свою очередь, могут быть прямыми и косвенными. Под качественным эффектом (e(Q)) мы понимаем соответствие содержания проекта интересам заинтересованной стороны (1) и содействие результатов проекта повышению благоприятной репутации компании в сфере деятельности заинтересованной стороны (2). Под количественным эффектом (e(F)) мы понимаем потенциальный финансовый результат реализации проекта, который также измеряется в двух направлениях: получение дополнительной прибыли или увеличение объёмов реализации товаров и (или) услуг корпорации (1); снижение производственных и иных издержек в процессе операционной деятельности корпорации (2). Для измерения качественных эффектов рекомендуется использовать методы социологического анализа, в частности анкетирование и опросы; напрямую взаимодействовать с заинтересованной стороной проекта. Для измерения количественных эффектов целесообразно использовать методы финансового анализа, которые используются в корпорации на постоянной основе для прогнозирования прибыли/доходов и контроля издержек различного характера (производственных, ресурсных и т.д.). В следующей таблице представлены математические условия, отражающие иерархическую связь элементов математической модели (Таблица 2).

Таблица 2. Математические условия связи элементов модели

№п	Мат. условие	Характеристика
1	$S(N) = E(N)$	Равенство показывает, что проекту определённой заинтересованной стороны соответствует конкретный эффект.
2	$E(N) = e(Q) + e(F)$	Равенство показывает, что эффект от реализации проекта в отношении определённой заинтересованной стороны включает в себя качественный и количественный компоненты.
3	$e(Q) = e(Q)dir + e(Q)indir$	Равенство показывает, что качественный эффект от реализации проекта может быть прямым и косвенным.
4	$e(F) = e(F)dir + e(F)indir$	Равенство показывает, что количественный эффект от реализации проекта может быть прямым и косвенным.

Каждый эффект предлагается оценивать в определённое количество баллов в соответствии с результатами измерений. Рассмотрим интерпретацию качественных эффектов (Таблица 3). Для каждой заинтересованной стороны необходимо оценить соответствие содержания проекта интересам заинтересованной стороны и потенциальное повышение репутации компании. Для оценки эффектов используется трёхмерная шкала ранжирования (столбцы 2, 3 и 4 таблицы).

Таблица 3. Интерпретационный ключ качественных эффектов от реализации социальных проектов

e(Q)		Абсолютно да	Частично	Абсолютно нет
1		2	3	4
e(Q)dir				
S(1)	Соответствует интересам стейкхолдеров	2	1	0
	Способствует повышению репутации	2	1	0
e(Q)indir				
S(2)	Соответствует интересам стейкхолдеров	2	1	0
	Способствует повышению репутации	2	1	0
S(3)	Соответствует интересам стейкхолдеров	2	1	0
	Способствует повышению репутации	2	1	0
S(N)	Соответствует интересам стейкхолдеров	2	1	0
	Способствует повышению репутации	2	1	0

После того, как в отношении заинтересованной стороны-адресата определен итоговый балл, его необходимо интерпретировать по следующему ключу (Таблица 4).

Таблица 4. Интерпретационный ключ оценки качественного эффекта для заинтересованной стороны-адресата проекта

№	Итоговый балл	Значение
1	$e(Q)dir = 4$	Эффект сильный, положительный
2	$e(Q)dir = 3$	Эффект положительный
3	$e(Q)dir = 2$	Эффект спорный
4	$e(Q)dir = 1$	Эффект отрицательный
5	$e(Q)dir = 0$	Эффект сильный, отрицательный

Коэффициент косвенного влияния эффектов представляется более сложным в расчетах в силу того, что в каждом конкретном случае может быть различное количество заинтересованных сторон компании. Если при учете одной заинтересованной стороны для расчета прямого эффекта можно вывести максимальный и минимальный балл, который может быть получен при рейтинговой оценке, то в случае с косвенными эффектами это является невозможным. Для решения данной проблемы мы предлагаем ввести коэффициент максимально возможного балла, который может быть получен при расчете косвенных качественных эффектов. Данный коэффициент рассчитывается по формуле:

$$S(N)indir * 4 = Score^{max} \quad (1)$$

где $S(N)indir$ – суммарное количество заинтересованных сторон, рассматриваемых при оценке косвенного качественного эффекта, $Score^{max}$ – максимально возможное количество баллов. Например, у корпорации имеется всего 6 заинтересованных сторон.

Следовательно, при расчете косвенных эффектов будут рассматриваться 5 оставшихся заинтересованных сторон. С учетом того, что максимальный балл для одной заинтересованной стороны может быть равен 4, $Score^{max}$ в данном случае составит 20 баллов. Далее, отталкиваясь от полученной оценки необходимо определить значение коэффициента $e(Q)indir$, для чего, во-первых, необходимо суммировать коэффициент $e(Q)indir$ по каждой заинтересованной стороне, участвующей в оценке косвенных эффектов, и определить значение, используя следующий ключ (Таблица 5).

Таблица 5. Интерпретационный ключ для оценки косвенных качественных эффектов

Значение в процентах	Присваиваемое значение $e(Q)indir$	Значение балла
$e(Q)indir \leq 20\%$ от $Score^{max}$	0	Эффект сильный, отрицательный
$e(Q)indir \leq 40\%$ от $Score^{max}$	0,5	Эффект отрицательный
$e(Q)indir \leq 60\%$ от $Score^{max}$	1	Эффект спорный
$e(Q)indir \leq 80\%$ от $Score^{max}$	1,5	Эффект положительный
$e(Q)indir \leq 100\%$ от $Score^{max}$	2	Эффект сильный, положительный

Аналогичная система математической оценки предлагается для расчета значения коэффициента $e(F)$ – количественной (финансовой) эффективности проекта (Таблица 6).

Таблица 6. Интерпретационный ключ для оценки количественных (финансовых) эффектов от реализации социальных проектов корпорации

$e(F)$		Положительный финансовый эффект	Несущественный финансовый эффект	Отрицательный финансовый эффект
$e(F)dir$				
S1	Повышение объемов дохода	2	1	0
	Снижение издержек	2	1	0
$e(F)indir$				
S(2)	Повышение объемов дохода	2	1	0
	Снижение издержек	2	1	0
S(3)	Повышение объемов дохода	2	1	0
	Снижение издержек	2	1	0
S(N)	Повышение объемов дохода	2	1	0
	Снижение издержек	2	1	0

Итоговый балл количественного (финансового) эффекта определяется в соответствии с интерпретационными ключами, представленными в таблицах 3 и 4. В итоге, определив значение коэффициентов, отражающих качественную эффективность социального проекта

– $e(Q)$, и количественную (финансового) эффективность – $e(F)$, являющихся результатом суммы прямых и косвенных эффектов, можно определить эффективность социального проекта в целом $E(N)$.

Выводы

Таким образом, нами было представлено описание механизма управления КСО металлургических корпораций – модели, позволяющей оценивать социальные проекты как основные инструменты социальной активности, на основе применения синергетического подхода к оценке социально – экономических эффектов. Использование данной модели направлено на решение проблемы, связанной с необходимостью учета потенциальной эффективности социальных проектов при выборе среди них наиболее результативных. Социальная активность металлургических корпораций реализуется в виде разработки и осуществления социальных проектов, которые, как и любые другие инвестиционные коммерческие проекты, нуждаются в предварительном прогнозировании их потенциальной эффективности.

Базовый концептуальный принцип модели заключается в выделении синергетических эффектов от реализации социальных проектов. Синергетический эффект заключается в наличии косвенного влияния определенного социального проекта на заинтересованные стороны, не являющиеся адресатами, в результате чего без увеличения ресурсных потерь корпорация увеличивает суммарный эффект от реализации социального проекта, распространяющийся сразу на несколько заинтересованных сторон.

Разработанная модель характеризуется существенной практической значимостью, поскольку позволяет повысить объективность приоритетности реализации того или иного проекта из портфеля социальных проектов металлургической корпорации, что в конечном итоге способствует экономии ресурсов (за счёт учёта силы косвенных эффектов) и реализации мобильной, динамичной социальной политики при использовании синергетического подхода к управлению КСО. Внедряя представленную модель в систему управления КСО, металлургические корпорации смогут повысить экономическую эффективность социальной политики, рационализировать прогностическую деятельность в сфере прогнозирования результатов реализации социальных проектов, повысить мобильность ресурсов, используемых в процессе организации социальных проектов и, что не менее важно, увеличить охват заинтересованных сторон в рамках одного проекта, тем самым повышая удовлетворённость всех субъектов социальной ответственности бизнеса.

Библиографический список

- [1] Wood, D.J. Corporate Social Performance Revisited // *The Academy of Management Review*. – 1991. – Vol. 16, No 4. – P. 691–718. doi:10.2307/258977
- [2] Сизов С.Д., Сизова Ю.С. Н. Wells, his futurism and not only // *Научно-методический электронный журнал Концепт*. – 2015. – Т. 25. – С. 121-125.
- [3] ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:26000:ed-1:v1:en> (дата обращения 15.02.2019)
- [4] Кокорев А.С. Пути повышения эффективности государственных корпораций и их взаимодействия с другими экономическими субъектами // *Сборник материалов международной научно-практической конференции «Анализ общественных явлений в 2017 г. Построение прогнозов»*. – Москва: ООО «Научный консультант», 2017. – С. 33-37.
- [5] Беляева И.Ю., Эскиндарова М.А. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект. Москва: КНОРУС, 2008. – 504 с.

- [6] Благов Ю.Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. – 2004. – №3. – С.17 – 34.
- [7] Sheehy, B. Defining CSR: Problems and Solutions // Journal of Business Ethics. – 2015. – Т. 131, № 3. – С. 625–648. doi:10.1007/s10551-014-2281-x
- [8] Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно – структурных исследований и разработок. – Москва: Наука, 1995. – 257 с.
- [9] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. – Москва: Прогресс, 1986. – 431 с.
- [10] Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. Москва: Наука, 1994. – 229 с.
- [11] Dooley K. A nominal definition of complex adaptive system // The Chaos Network. – 1996. – Vol. 8, No 1. – P 2-3.
- [12] Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.
- [13] Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. – Санкт Петербург: Наука, 2007. – 641 с.
- [14] Tsoukas H., Chia R. On organizational becoming: Rethinking organizational change // Organization Science. – 2002. – Vol. 13, No 5. – P. 567-582.
- [15] Флек М.Б., Верченко Ю.К. Понятие, возможности и ограничения синергетического подхода в управлении предприятием // Вестник Донского государственного технического университета. – 2011. – №9. – С.1710 – 1718.
- [16] Козлова Г.Г. Применение синергетического подхода и аттракторов в управлении экономическими субъектами // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – №4. – С.195 – 202.
- [17] Korschun D., Bhattacharya C. B., Swain S. D. Corporate Social Responsibility, Customer Orientation, and the Job Performance of Frontline Employees // Journal of Marketing. – 2014. – Vol. 78, No 3. – P. 20–37. doi:10.1509/jm.11.0245

References

- [1] Wood, D.J. (1991). Corporate Social Performance Revisited, *Academy of Management Review*, 16(4), 691–718. doi:10.2307/258977
- [2] Sizov, S.D., & Sizova, Yu.S. H. (2015). Wells, his futurism and not only. *Scientific and Methodical Electronic Journal "Concept"*, 25, 121-125.
- [3] ISO 26000:2010 Social Responsibility Guide. Retrieved from <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:26000:ed-1:v1:en>
- [4] Kokorev, A.S. (2017). Ways to improve the efficiency of public corporations and their interaction with other economic actors. In Collection of materials of the international scientific-practical conference "Analysis of social phenomena in 2017. Building forecasts (pp. 33-37). Moscow: ООО "Nauchnyy konsultant".
- [5] Belyaeva, I.Yu., & Eskindarova, M.A. (2008). Corporate social responsibility: managerial aspect. Moscow: KNORUS.
- [6] Blagov, Yu.E. (2004). Corporate social responsibility concept and strategic management. *Russian Journal of Management*, 3, 17 – 34.
- [7] Sheehy, B. (2015). Defining CSR: Problems and Solutions. *Journal of Business Ethics*, 131(3), 625–648. doi:10.1007/s10551-014-2281-x
- [8] Shchedrovitskiy, G.P. (1995). Principles and general scheme of the methodological organization of system – structural research and development. Moscow: Nauka.
- [9] Prigozhin, I., & Stengers, I. (1986). Order from chaos: a new dialogue between man and nature. Moscow: Progress.

- [10] Knyazeva, E.N., & Kurdyumov, S.P. (1994). The laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow: Nauka.
- [11] Dooley, K. (1996). A nominal definition of complex adaptive system. *Chaos Network*, 8(1), 2-3.
- [12] Maturana, U., & Varela, F. (2001). Tree of knowledge. Biological roots of human understanding. Moscow: Progress-Traditsiya.
- [13] Luhmann N. (2007). Social Systems: Essay on a General Theory. St. Petersburg: Nauka.
- [14] Tsoukas, H., & Chia, R. (2002). On organizational becoming: Rethinking organizational change. *Organization Science*, 13(5), 567-582.
- [15] Flek, M.B., & Verchenko, Yu.K. (2011). The concept, possibilities and limitations of a synergistic approach to enterprise management. *Bulletin of the Don State Technical University*, 9, 1710 – 1718.
- [16] Kozlova, G.G. (2010). The use of a synergistic approach and attractors in the management of economic actors. *Modern Trends in Economics and Management: a New Look*, 4, 195 – 202.
- [17] Korschun, D., Bhattacharya, C.B., & Swain, S.D. (2014). Corporate Social Responsibility, Customer Orientation, and the Job Performance of Frontline Employees. *Journal of Marketing*, 78(3), 20–37. doi:10.1509/jm.11.0245

Получена / Submitted: 18/01/2019

Доработана / Revised: 19/02/2019

Принята / Accepted: 28/02/2019

УДК 316.343

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Вера Владимировна Гаврилюк¹

¹Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Задачи подготовки рабочих кадров при переходе к цифровой экономике определяются необходимостью соответствия новых моделей образования запросу рынков труда и субъектов образования. Непопулярность уровня среднего профессионального образования и неудовлетворенность российских компаний числом и качеством подготовки рабочих кадров обостряют проблемы региональных рынков труда. Поэтому основная цель работы заключается в выявлении взаимосвязи модернизации системы среднего профессионального образования и профессионального самоопределения рабочей молодежи. Для достижения поставленной цели были использованы теоретические и эмпирические методы исследования. Эмпирическая часть проекта реализована в городах и селах Уральского Федерального округа в 2018 г. Исследование включало в себя количественные и качественные методы: массовый опрос по репрезентативной выборке, опрос экспертов, биографическое интервью. Результаты исследования показали, что из трех основных моделей подготовки рабочих кадров, сложившихся в XX веке, доминирующей должна стать дуальная модель. Особенно важны в этом опыте, для реформирующейся российской системы СПО, фундаментальные принципы дуальной системы образования: безусловная и последовательная поддержка правительством и бизнесом правовых рамок профессионального образования, совместное государственное и частное финансирование; совместная разработка учебных программ; неразрывность обучения с рабочим процессом; мониторинг потребностей рынка образовательных услуг и рынка труда.

Ключевые слова: модели образования, ценность образования, профессиональный выбор, новый рабочий класс.

Professional Self-Determination of New Working-Class Youth

Vera V. Gavriuliuk¹

¹Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The relevance of the task of training laboring force during the transition to a digital economy is determined by the need to match new educational models with the demand of labor markets and education actors. The unpopularity of secondary vocational education and dissatisfaction of Russian companies with the amount and quality of personnel training exacerbates the regional labor markets problems. The purpose of the research is to identify the relationship between the system of secondary vocational education modernization and professional self-determination of laboring youth. The research is based on theoretical and empirical methods. The empirical part of the project has been embodied in cities and rural areas of the Ural Federal District in 2018. The study included both quantitative and qualitative methods: a mass survey based on a representative sample, an expert survey, a biographical interview. The results of the study have shown that a dual model should become the dominant of the three main models of personnel training developed in the twentieth century. The following fundamental principles of the dual education system are especially important for the reforming Russian system of vocational education: unconditional and consistent support by the government and business of the legal framework for vocational education; joint public and private funding; joint curriculum development; the continuity of learning with the workflow; monitoring educational market and labor market needs.

Keywords: educational models, the value of education, professional choice, new working class.

Введение

Эпоха глобализации, всеобщее повышение престижности высшего образования обостряют проблемы подготовки рабочих кадров. Сегодня среднее профессиональное образование по-прежнему непопулярно из-за старых учебных программ и отсутствия сотрудничества с бизнес-сообществом. Современные исследователи выделяют ряд ключевых проблем в подготовке рабочих кадров для нового уклада российской экономики: обеспечение преемственности при переходе молодых людей из школы в мир труда; повышение качества преподавания в профессиональных образовательных организациях и обучения на предприятии; распространение полной и оперативной информации о современных профессиях для молодежи; создание нормативно-правового поля сотрудничества бизнеса и профессионального образования, а также повышение культуры их взаимодействия [1]. Решение этих проблем может принципиально изменить отношение молодежи к обучению по образовательным программам СПО, осознанному выбору профессии и закреплению (а, следовательно, и росту профессиональной квалификации) рабочих кадров. Современная работающая молодежь чаще всего работает не по той специальности, по которой они проходили обучение. Несовпадение образования полученной профессии и реальной занятости молодежи превращается в закономерность, завершив образование, получив профессию, молодежь на рабочем месте переучивается или «добирает» профессиональные компетенции, непредусмотренные в процессе институционального систематического образования. *Цель исследования* заключается в выявлении влияния (и взаимосвязи) модернизации системы среднего профессионального образования на профессиональное самоопределение рабочей молодежи.

Методы исследования

В работе использованы как методы теоретического анализа, обобщения, так и эмпирические методы социологического исследования. В нашем проекте объектом исследования является молодежь рабочего класса (15 – 29 лет) Уральского Федерального округа (УрФО). Опрос проводился по репрезентативной выборке в УрФО (в городах Екатеринбург, Тюмень и Курган, а также на сельских территориях этих областей), включившей в себя одинаковое число представителей промышленного (реального сектора экономики) рабочего класса и работников сервиса (всего – 1534 респондента). Одновременно с массовым опросом был проведен опрос экспертов (100 информантов). Экспертами выступили непосредственные руководители рабочей молодежи, преподаватели профессиональных учебных заведений, представители органов молодежной политики региона. Кроме того, было проведено биографическое интервью с 31 молодым рабочим. Все виды инструментария носят авторский характер, разработаны авторским коллективом по реализации проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Результаты и обсуждение

Под новым рабочим классом современной России подразумевается группа наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, где они работают. Власть и контроль в организации им не принадлежат, степень их свободы, полномочия в организационной структуре, также ограничена, практически они не влияют на планирование, организацию и контроль труда. Ключевым отличием нового рабочего класса становится не его место в системе государственных властных отношений, то есть приближенность к источникам

централизованного распределения всех ресурсов, а отношение к собственности и участие в управлении на конкретном предприятии. Форма найма служит лишь дифференцирующим признаком внутри класса, так как принадлежность к новому рабочему классу не определяется ею. Уровень доходов и степень рутинизации труда также выступают дифференцирующими признаками для нового рабочего класса [2].

Сегодня в массовом сознании доминирует престижность высшего образования, и работодатели при найме новой рабочей силы отдают предпочтения выпускникам вузов. Возрастает спрос на знания, квалификацию, компетенции, сформированные в высшей школе. Востребованность специальных компетенций, конкретная профессиональная подготовка имеет меньшее значение, чем некоторые общие компетенции: умение и привычка учиться, стремление к новому; навыки общения; умения командного сотрудничества [3]. Отношение экспертного сообщества к этим фактам неоднозначно. Например, Ж.Т. Тощенко утверждает, что такая образовательная политика приводит к расхищению интеллектуального богатства страны [4]. Другие исследователи считают, что доступность и престиж высшего образования сегодня преувеличены, в образовательной сфере сохраняется классовое неравенство [5; 6], а ухудшение качества высшего образования, как следствие массовизации, снизит и его престижность [7], поскольку это неизбежно вызовет изменение государственной образовательной политики в отношении подготовки рабочих кадров [8].

В XX веке сложились три основных модели подготовки рабочих кадров: рыночная, государственная (школьная) и дуальная. Рыночная модель (США, Япония, Великобритания) основана на полной независимости профессионального образования от государства. Образование в ней ориентировано только на потребности предприятий и индивида, государство не обеспечивает это образование, не контролирует и не финансирует его [9]. Вторая модель противоположна рыночной, она отражает приоритетную роль государства в подготовке рабочих кадров (Франция, Швеция, Польша, Венгрия и др.). Государство полностью отвечает за планирование, организацию, финансирование, стандартизацию подготовки рабочих кадров. Третья модель – дуальная, характеризуется тем, что государство создает условия для развития начального профессионального образования на частных предприятиях, обеспечивая за счет своих ресурсов деятельность профессиональной школы. Такая модель была принята в Германии, Австрии, Швейцарии. Российская система образования так же, как и система подготовки рабочих кадров, во многом сопоставима с немецкой системой, поэтому опыт дуального образования в современной Германии может оказаться чрезвычайно полезным. Немецкая модель дуального профессионального образования и обучения включает в себя: обучение на рабочем месте; профессиональное образование; взаимодействие государственного сектора, бизнеса и общества; формализованные исследования и консалтинг в ПОО [1]. На сегодняшний день, реформы в системе образования и новый Федеральный закон «Об образовании...» устанавливают четыре уровня профессионального образования, а уровень «начальное профессиональное образование» в новом Законе отсутствует [10]. Объединение двух уровней образования – НПО и СПО, содержит значительный потенциал для устранения тупиковых ветвей в образовании молодежи. Идея среднего профессионального образования, в целом, носит позитивный характер и способна изменить ситуацию в подготовке рабочих кадров для современной экономики. Необходимость развития самостоятельной ветви образования – системы подготовки рабочих кадров подтверждается сохраняющейся закономерностью социального воспроизводства рабочего класса. Между тем, доминирующая государственная модель подготовки рабочих кадров сохраняет недостатки прежней системы НПО. Как отмечают Е. А. Пахомова, В. А. Овчинников и др., система была ориентирована на предложение скорее, чем на спрос, управлялась исключительно административными методами [11]. Очевидно, сегодня доминирующей

моделью развития системы подготовки рабочих кадров должна стать дуальная модель. Особенно важны в этом опыте, для реформирующейся российской системы СПО, фундаментальные принципы дуальной системы образования: безусловная и последовательная поддержка правительством и бизнесом правовых рамок профессионального образования, совместное государственное и частное финансирование; совместная разработка учебных программ; неразрывность обучения с рабочим процессом; мониторинг потребностей рынка образовательных услуг и рынка труда. Именно такая стратегия модернизации подготовки рабочих кадров способна обеспечить качественные изменения в экономике и в обществе.

Молодежь УрФО в целом имеет достаточно высокий уровень образования, среди рабочей молодежи (выпускники профессиональной средней и высшей школы). Однако, в Курганской, Свердловской и Тюменской областях в 2015 г. примерно каждый пятый представитель работающей молодежи имел образование «не выше начального». По сравнению с 2010 г. к 2015 году намечается тенденция снижения среднего уровня образования за счет увеличения доли высшего [12]. Наличие профессионального образования и его уровень необходимо сопоставить с данными о соответствии профиля полученной специальности со сферой занятости и должностью. Так, среди городской молодежи НРК – 76,2 % указали, что имеют профессиональное образование в той сфере, где сейчас работают, а среди сельской молодежи таковых оказалось 23,8 %. Оценки экспертов по этому вопросу не противоречат самооценкам рабочей молодежи, по их наблюдениям, чуть больше 30 % не имеют сегодня профессионального образования, соответствующего профилю работы. Совмещение сферы деятельности и образовательного направления – важнейшее условие успешной профессиональной деятельности. Распределение ответов респондентов подтверждает общую закономерность о несовпадении образования (полученной профессии) и реальной занятости молодежи. Половина опрошенных рабочих в городе (51,2 %) указали, что получили профессию в училище, колледже и вузе, а 47,4 % – на рабочем месте. Таким образом, завершив образование, получив профессию, молодежь на рабочем месте переучивается или «добирает» профессиональные компетенции, непредусмотренные в процессе институционального систематического образования. Вероятно, в силу большей ограниченности рынков труда и меньшего разнообразия предлагаемых на нем профессий, среди сельской молодежи процент совпадений профессиональной подготовки и работы – больше, только 33,6 % обучались своей нынешней работе прямо на рабочем месте. Можно предположить и наличие большого разрыва между профильностью профессионального образования и выполняемой работой в сфере сервиса, где доля работников с высшим образованием среди рабочих выше, чем в промышленности и реальном секторе экономики. Противоречивость оценок профессионального образования может быть вызвана (и практически совпадает) с мотивацией выбора профессии, образовательного учреждения. Опрос показал, что менее 40 % молодежи осуществили свой выбор осознанно, не под влиянием внешних обстоятельств, а исходя из собственных представлений об избранной профессии.

Выводы

Доминирующей моделью развития системы подготовки рабочих кадров должна стать дуальная модель. Объективные усилия по реформированию системы подготовки современных рабочих кадров будут успешными только в случае совпадения интересов и потребностей нового поколения рабочей молодежи и при взаимодействии системы СПО с работодателями на основе механизмов государственно-частного партнерства с учетом потребностей экономики. Несмотря на явные противоречия, а также недостатки в работе современной профессиональной школы, ценность профессионального образования и, вообще, образования, в общественном сознании сохраняется, современная рабочая

молодежь уверена, что без профессионального образования сегодня невозможно добиться успеха в жизни.

Благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России»

Библиографический список

- [1] Кресс Х., Есенина Е.Ю. «Старая дама в очень современном платье» (немецкая дуальная система профессионального образования и бучения в Германии и в мире // Образование и наука. – 2015. – № 8(12). – С. 34-49.
- [2] Гаврилюк В.В., Гаврилюк Т.В. Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 4(210). – С. 86-92.
- [3] Защирина О.В. Концептуальные представления о структуре общения // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – №4. – С. 89-98.
- [4] Тощенко Ж.Т. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.). – Москва: ЦСП и М., 2016. – 367 с.
- [5] Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 37-48.
- [6] Чередниченко Г., Вознесенская Е. Высшее образование в профессиональных траекториях молодых рабочих // Вопросы образования. 2013. – № 4. – С.40-58.
- [7] Буланова М.Б. Образование в жизненном мире россиян // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – Москва: ЦСП и М. – 2016. – С. 264-280.
- [8] Степанов А.А. Государственная политика в сфере подготовки рабочих кадров: основные тренды и приоритетные направления // Вестник СГСЭУ. – 2018. – Т. 2, – № 71. – С.105-108.
- [9] Сизов С.Д., Сизова Ю.С. Н. Wells, his futurism and not only // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 25. – С. 121-125.
- [10] Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.01.2019).
- [11] Пахомова Е.А., Овчинников В.А., Пальянов М.П, Лаптев И.Д., Бибик В.Л., Морозова М.В. Взаимосвязь профессионального образования и занятости молодежи в Западной Европе и России // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2014. – Т. 3, – №15. – С. 6-13.
- [12] Бочаров В.Ю., Гаврилюк В.В., Гильтман М.А. Современное положение молодежи «нового рабочего класса» на рынке труда УРФО // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 4 (210). – С. 42-54.

References

- [1] Kress, H., & Yesenina, E.Yu. (2015). "The old lady in a very modern dress" (German dual system of vocational education and learning in Germany and in the world. *Education and Science*, 8(12), 34-49.

- [2] Gavriilyuk, V.V., & Gavriilyuk, T.V. (2018). The working class in the Soviet and Russian sociological debate. *The Standard of Living of the Population of the Regions of Russia*, 4(210), 86-92.
- [3] Zashchirinskaia, O.V. (2013). Conceptual ideas about the structure of communication. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 4, 89-98.
- [4] Toshchenko, Zh.T. (2016). *The life of Russians in the world: 25 years later (late 1980s - mid 2010s)*. Moscow: TSSP i M.
- [5] Konstantinovski, D.L., & Popova, E.C. (2015). Youth, Labor Market and Higher Education Expansion. *Sociological Studies*, 11, 37-48.
- [6] Cherednichenko, G., & Voznesenskaya, E. (2013). Higher education in professional trajectories of young workers. *Education Issues*, 4, 40-58.
- [7] Bulanova, M.B. (2016). Education in the life world of Russians. In Zh.T. Toshchenko (Ed.), *The life of Russians in the world: 25 years later (late 1980s – mid 2010s)* (pp. 264-280). Moscow: TSSP i M.
- [8] Stepanov A.A. (2018). State policy in the field of personnel training: main trends and priorities. *Herald SSSEU*, 2 (71), 105-108.
- [9] Sizov, S.D., & Sizova, Yu.S. (2015). H. Wells, his futurism and not only. *Scientific-Methodical Electronic Journal "Concept"*, 25, 121-125.
- [10] *Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation"*. 2012. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
- [11] Pakhomova, E.A., Ovchinnikov, V.A., Palyanov, M.P., Laptev, I.D., Bibik, V.L., Morozova, M.V. (2014). The relationship of vocational education and youth employment in Western Europe and Russia. *Professional Education in Russia and Abroad*, 3(15), 6-13.
- [12] Bocharov, V.Yu., Gavriilyuk, V.V., & Giltman, M.A. (2018). The current situation of the youth of the "new working class" in the labor market of the Ural Federal District. *The Standard of Living of the Population of the Regions of Russia*, 4(210), 42-54.

Получена / Submitted: 12/01/2019

Доработана / Revised: 18/02/2019

Принята / Accepted: 25/02/2019

УДК 338.012

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА: РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ И РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Виктор Максимович Спасибов¹, Наталья Викторовна Кабеева², Анна Леонидовна Скифская²

¹*Кафедра кибернетических систем, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В работе проанализированы закономерности глобального экономического развития, которые привели к тому, что Америка теряет лидерство и стремится удержать глобальную гегемонию посредством развязывания мировой гибридной войны, одним из средств которой является санкционная политика. Самыми пострадавшими станут страны с открытыми, зависимыми от мировых рынков и слабыми экономиками, в том числе и Россия – страна технологически очень зависимая. Показано, что для России путь выхода в число экономических лидеров – технологический рывок; принятие мер по девестернизации как в политике, так и в экономике; нацеленность на осуществление реиндустриализации; выбор отраслей – локомотивы, в которых мы или лидеры, или обладаем сколь-либо заметным потенциалом, какие могут стать локомотивами развития целых территорий. И здесь основная проблема – кадры. Нацеливание на реиндустриализацию позволит внести необходимые коррективы: изменить пропорции в корпусе специалистов и в систему их подготовки, в направлениях исследований.

Ключевые слова: санкции, экономика, стагнация, технологии, реиндустриализация, кадры, инновации, компетенции.

National Economy Structures Transformation: State Reindustrialization and Human Resource Development

Victor M. Spasibov¹, Natalya V. Kabeeva², Anna L. Skifskaya²

¹*Department of Cybernetic Systems, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. Global economic development tendencies have led to the fact that the USA is losing the leadership and is striving for saving the global hegemony by means of the world hybrid war and the sanctions politics. The most affected victims of these processes will be the countries with the weak economy dependent on the global market. Russia is very technologically dependent country. The solution is the technological breakthrough – dewesternization in politics and economics, setting the goal of reindustrialization. We should choose the industrial branches where Russia holds the leadership or possesses a significant potential and make those branches the locomotives of the territories. The main problem here is personnel. Setting the goal of reindustrialization will give the opportunity to correct the proportions of specialists trained, adjust the education system and the research areas.

Keywords: sanctions, economics, stagnation, technologies, reindustrialization, personnel, innovations, competences.

Введение

Президентом страны поставлена задача вывода экономики в пятёрку мировых лидеров. Целью работы является анализ трансформации мирохозяйственного уклада, поиск

возможных путей решения поставленной задачи и выработка конкретных рекомендаций, в условиях, когда мир стремительно меняется. В первую очередь за счёт нарастающей агрессивности США, стремящихся удержать гегемонию посредством развязывания мировой гибридной войны. В действиях Вашингтона есть своя логика. Она подчинена внутренним закономерностям глобального экономического развития. Они привели к тому, что Америка теряет лидерство. Известны технологические циклы с полувековым периодом, связанные с «длинными волнами Кондратьева» [1;2;3]. И каждая смена «длинной волны» – это технологическая революция, которая приводит к появлению нового технологического уклада. Специалисты по прогнозированию считают, что при сохранении нынешних темпов технико-экономического развития формирование нового шестого технологического уклада, основой которого станут разработки, синтезирующие достижения в ряде направлений, для краткости называемые нано-, био-, инфо-, когно-технологиями и их конвергенции, будет проходить в период до 2020 года [4]. Эта революция будет сопровождаться очень серьёзными экономическими потрясениями: депрессией в передовых странах, сталкивающимися с перенакоплением капитала в устаревших производствах; образованием и схлопыванием финансовых пузырей; обесцениванием как денежного, так и интеллектуального капитала; безработицей и падением уровня жизни большинства населения. Этот период связан с милитаризацией экономик ведущих стран, гонкой вооружения, обострением глобальных противоречий и ростом военно-политической напряжённости. Наряду с технологическими присутствуют институциональные или управленческие циклы с вековым периодом, связанные со сменой мирохозяйственных укладов. Эта смена всё последнее время сопровождалась мировыми войнами, в результате которых происходила смена властвующих элит и доминирующих стран.

Сейчас происходит такой революционный период. Жизненный цикл мирохозяйственного уклада, названного «период индустриализации», заканчивается [5;6]. В последние годы становится очевидным закат и институционального цикла, системы управления производством мировой экономики – «либеральной глобализации» в интересах американской властвующей элиты. На её периферии наблюдается китайское и индийское экономическое чудо, основанное на принципиально новой системе управления экономикой (относим сюда Корею, Японию).

Однако американская властвующая элита не может и не хочет того понять и принять, что США теряют гегемонию в мире. Она уверовала в то, что Америка навеки стала центром мира и ей необходимо контролировать этот мир. Для этого нужно контролировать Россию и через неё, а также Среднюю Азию и Европу, сдерживать Китай. Неслучайно острие американской агрессии направлено против России, экономический потенциал которой, сегодня в номинальных цифрах не сравним по величине с американским [7]. Для Америки важно сделать из России «страну – бензоколонки» с «разорванной в клочья экономикой». Одно из направлений достижения этого – работа на кризис в развивающихся странах. Нобелевский лауреат Пол Кругман в своём аккаунте Twitter пишет, что подъём ставки ФРС США вызовет отток капиталов из развивающихся стран, в результате чего их фондовые индексы обвалятся, и именно это подтолкнёт их к кризису.

В разворачивающейся мировой торговой войне, главные стороны которой США, Китай и ЕС, самыми пострадавшими станут страны с открытыми, зависимыми от мировых рынков и слабыми экономиками. Все эти характеристики напрямую относятся к России. И это на фоне, когда зашкаливает градус конфронтации Москвы с Вашингтоном и в целом с развитыми странами. Это очевидное ослабление позиций России перед лицом нового потенциального кризиса. Сегодня мы находимся перед поднимающейся новой санкционной волной из США. Теоретически, существующие санкции – болезненные санкции. Но пока они разрушительного ущерба нам не наносят. Гораздо опаснее санкции на поставку технологий. Напрямую сегодня эти санкции не задевают то, что уже есть, стоит и работает.

Они задевают наше будущее. Россия – страна технологически очень зависимая. Мы вынуждены закупать технологии, в том числе для самых важных индустрий, таких как добыча сложных видов нефти, технологии информационные, энергетические и т.д. И здесь любой запрет вызовет провал в нашей экономике. Нам будет намного сложнее развивать нефтехимию, да и добычу нефти. Будет сложнее развивать фармацевтику, сложные вычислительные мощности и информационные технологии, авиационную промышленность. Будет тяжело развивать военную промышленность, в первую очередь экспорт вооружений. Индия, например, уже отказалась от российского самолётного контракта. И нефть, поставляемая на Запад, добывается в традиционных месторождениях, открытых сравнительно давно. В России разведка находится на низком уровне, так же как ситуация с добычей сланца – это не может не влиять на добычу нефти.

Материалы и методы

Представленное исследование основано на междисциплинарной концепции исследования трансформации мирохозяйственного уклада, с особым акцентом на текущие события, с целью получения достоверных данных об изучаемом явлении (или процессе) для их возможного последующего использования в научной или практической деятельности по реорганизации экономики страны, поиску возможных путей, выработке конкретных рекомендаций.

В работе были использованы совокупности методов теоретического, социологического, экономического и функционального анализа, а также методов и виртуальных моделей управления организацией глобальных бизнес-процессов. Результаты работы получены посредством использования качественных методов исследования, находящихся всё большее распространение в социологии, – неформализованных методов, ориентированных на углублённое понимание социального явления, позволяющих использовать сложные статистические решения, но, прежде всего, различные методы интерпретации, умозаключения и философскую трактовку. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа научных положений отечественных и зарубежных социологов, экономистов, политологов. Использованы возможности базы данных научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU по социологической тематике. Базисным критерием отбора выступило наличие полных статей в открытом доступе, их своевременное обновление. Анализ документов – метод исследования, при котором источником информации служат текстовые сообщения, содержащиеся в любых документах: протоколах, докладах, резолюциях и решениях, публикациях газет и журналов. Изучение по различным источникам одного и того же явления на протяжении ряда лет позволяет установить тенденции и динамику его развития.

Наибольший вклад в полученные результаты внесли: в области исследования трансформации мирохозяйственного уклада – работы академиков Л.И. Абалкина, С.Ю. Глазьева; М.В. Ковальчука, Ю.Б. Прутина, Р. Субханкулова, Д. Модельски, К. Шваба и др.; в области исследования развития арктического региона – работы М.Л. Белоножко, А.Н. Брехунцова, А.С. Маршаловой, В.В. Наумова, И.В. Никулкина, А.С. Новосёлова, А.Н. Силина и др.; в области исследования развития кадрового потенциала – работы М.В. Ковальчука, А.И. Рудского, В.В. Новосёлова, В.М.Спасибова и др.

При решении поставленных задач применялись общенаучные методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция.

Полученные в ходе подготовки статьи аналитические данные и информационные материалы должным образом обобщены и структурированы с точки зрения общих требований к разработке научно-методических основ по теме исследования.

Результаты и обсуждение

Нефтегазовая отрасль – основа экономики России. Россия (на душу населения) добывает немного нефти и газа, но нормально для того, чтобы содержаться стране на уровне. К примеру, в Норвегии эта цифра больше в 5 раз, Саудовская Аравия – в 6 раз. В России ВВП на человека составляет около 10 тысяч долларов. Это не много, но нормально для того, чтобы содержаться стране на уровне. Количество бедного населения в два раза меньше, чем в Китае и в три раза меньше, чем в Индии. Россия обеспечивает население достаточным уровнем образования в отличие от Бразилии, Индии или Китая, где данный показатель хуже. Он отражается в цифрах ВВП. 1,5–1,8 % ВВП (в 3 раза ниже среднемирового уровня) на фоне того, что цена на нефть выросла, можно сравнить с настоящей рецессией.

Президентом страны поставлена задача вывода экономики в пятёрку мировых лидеров. Для её решения необходим технологический рывок. Времени для решительного перелома ситуации в пользу России катастрофически мало, но тем не менее оно есть. Осталось грамотно и предельно собрано его использовать [8]. На текущем этапе принимать американские санкции как объективный фактор и научиться работать в новых условиях, в том числе с новыми инструментами; искать новых партнёров; стимулировать импортозамещение; вести разумную валютную политику; принимать меры по деамериканизации и даже по девестернизации как в политике, так и в экономике. То есть запустить процесс разрушения стереотипов, свойственных западному мышлению. Это не бесплодная попытка отгородиться от евро-американской цивилизации реальной и символической «бетонной стеной», а отказ от ориентации на Запад как на образец, отказ от стремления его «догнать и перегнать», бездумно и слепо копировать все его «достижения», как «болонский процесс» в образовании.

Для России в приоритете стоит выход из сложившегося положения, где главная задача – нацеленность на осуществление реиндустриализации, то есть шага, без которого России невозможно ни остаться в числе мировых держав, ни даже сохранить подобие экономической независимости. Реиндустриализация – это перевод производства на рельсы новейшей техники и технологии, связанных с достижениями научно-технической революции. Необходимость выбрать отрасли, в которых мы или лидеры, или обладаем сколь-либо заметным потенциалом, какие могут стать локомотивами развития целых территорий, таких как Сибирь, Урал, Арктика и способных обеспечить достаточно быстрый рост. Ранжировать силы по всем отраслям не только не имеет смысла, но и опасно, так можно потерять перспективные сферы. При этом обратить особое внимание на направления, которые определяют или уже определяют новый технологический уклад. Превратить наши разработки в работающие технологии.

Рассмотрим Западную Сибирь как стратегический регион. Оптимистические перспективы связываются с Крайним Севером [9;10]. Разработана стратегия освоения Арктики и Субарктики [11]. Запуск крупнейшего в мире Бованенковского газоконденсатного месторождения создало мультипликативный эффект – это тысячи рабочих мест, развитие морского и наземного транспорта, увеличение производства металлопроката, труб, перспектива реализации новых инфраструктурных проектов. Завершается строительство завода сжиженного природного газа, морского порта Сабетта, реализуется проект «Северный широтный ход». На подходе проектирование на мысе Парусный месторождения Каменномысское-море. Готовятся газовозы ледокольного типа для транспортировки газа в страны Юго-Восточной Азии через Северный морской путь.

Под понятием «нефтяная игла» в России подразумевается миф, где новые технологии поиска и добычи трудно-извлекаемых углеводородов, глубокая переработка, развитие химической промышленности, способной вытащить, в свою очередь, лёгкую промышленность, экспорт продуктов глубокой переработки, к примеру, полимерных труб и прочего – это явление сложно называть «иглой», это то, что делает Россию высокоразвитой

страной. На данный момент сырьевой комплекс – это локомотив, который тянет за собой экономику страны. В США, Норвегии, Канаде, Австралии основу экономики составляет именно сырьевой комплекс. Нефтегазовая отрасль становится центром научно-технического прогресса. Суровые климатические условия Арктики, где задача сохранения природы в нетронутом виде в районах освоения, диктуют необходимость применения высокотехнологичного оборудования. Воплотившего в себя высшие достижения инженерной мысли для добычи нефти и газа, создания полностью роботизированных подводных заводов по подготовке, компримированию и транспортировке газа, позволяющих весь замкнутый цикл добычи и очистки разместить под водой. Человечество пока не располагает по-настоящему безопасными технологиями нефтегазопромышленных работ в экстремальных природно-климатических условиях Арктики. Это новые вызовы, новые требования к компетенциям специалистов.

На данный момент в ХМАО намерены перевернуть очередную страницу в освоении Западной Сибири, занимаясь пластами «баженовской свиты», разрабатывая национальный проект «Бажен». Этот пласт горных пород на глубине около 2000 метров занимает территорию более одного миллиона квадратных километров. Ресурсы в пределах Тюменской области, по теоретическим оценкам, огромны – около 127 миллиардов тонн. Новый проект потребует новых технологий, специалистов уже другой формации. В Тобольске сформирован крупнейший по мировым меркам нефтехимический комплекс, позволивший стране изменить статус импортёра полипропилена на экспортёра. Ждут своих авторов технологии добычи растворённого газа в подземных водах, ресурсы которого только в Западной Сибири составляют, по оценкам, 800–900 трлн м³, а также диатомитов (численность составляет 500 трлн т), благодаря которым производится готовый стройматериал (хрусталь, кремний).

Технологическое обеспечение глобальных инновационных проектов и их реализация потребуют прорывных отечественных достижений науки и техники, а значит реиндустриализация потребует менять пропорции в корпусе специалистов, их подготовке, в направлениях исследований и т.п. Необходимо подготовить специалистов, квалификация которых отвечает принятым в мире стандартам, но при этом обладающих уникальными компетенциями, способных работать в сложных условиях Севера и криолитозоны. Автор подчеркивает что «отечественных достижений», так как сегодня в экономике, которая является базой, платформой развития инновационной России и региона, более 65 % нефтегазового сервиса осуществляется зарубежными компаниями и специалистами, в то время как в США и Китае только национальными компаниями, которые закрыли свой нефтегазовый рынок. Ныне иностранцы ввели санкции и уходят с российского рынка. Что привело к ограничению разработки нетрадиционных запасов углеводородов, в частности сланцевой нефти и газа. Одна из весомых причин в технологиях бурения и заканчивания скважин – это отсутствие специального оборудования при многофазовых гидроразрывах. А технологии, которые существуют для обнаружения трещин и направления гидроразрыва, принадлежат крупнейшим компаниям, таким как Schlumberger и Halliburton.

Почему требуются специалисты с «уникальными компетенциями»? [12]. Существующие стандарты образования базируются на нынешнем уровне знаний и технологий. Но взгляды меняются, разрушаются самые стойкие шаблоны мышления. Востребованный специалист новой формации должен обладать не только багажом новых знаний, но и практически неизведанными на сегодня технологиями. При переходе на реиндустриализацию во главу угла встаёт основная проблема – отсутствие специальных кадров. По оценкам специалистов именно кадровый дефицит с большой долей вероятности может стать одним из тормозящих факторов реализации проекта освоения Арктики.

Сегодня перед обществом возникает вопрос: какие специалисты нужны отраслям промышленности? Спрогнозировать это достаточно сложно даже научным деятелям,

поскольку промышленные технологии наравне с информационными быстро прогрессируют. Потребность в кадрах определяется запросами экономики. Так, согласно стратегии энергетического развития до 2035 года страна будет добывать 530 млн тонн топливно-энергетических ресурсов, из них свыше трёхсот – в Западной Сибири [11]. «Задача не простая, – как отметил на 21-м Академическом собрании учёных Тюменской области генеральный директор ОАО «Сибирский научно-аналитический центр» («СибНАЦ»), доктор геолого-минералогических наук Анатолий Брехунцов в своём докладе. Последние 15-20 лет углеводородный потенциал нефтяных компаний увеличивается за счёт ввода мелких и низкопроницаемых залежей сложного геологического строения. Происходит смещение приоритетов в сторону трудноизвлекаемых запасов. Сегодня это 2/3 разведанных запасов нефти России. Для проектирования новых месторождений потребуется 90 тысяч специалистов, которых сегодня нет».

Для главной – нефтегазовой отрасли региона функционал, перечень специальностей практически традиционен. Востребованными остаются специальности направлений: геология, разведка и разработка полезных ископаемых; автоматизация технологических процессов и производств; информатика и вычислительная техника; химическая техника и биотехнологии; энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника; безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды. В то же время требуется открытие новых специальностей, особенно сейчас в связи с введением санкций против России и угрозой их расширения, таких, как механика и робототехника; наукоёмкие технологии и экономика инноваций; программная инженерия и др. [13].

Общество каждый день задается вопросом: каких специалистов не хватает в области региональной геологии? В государстве дефицит специалистов, которые знали бы регион, из чего сложен шельф и арктические острова и одновременно могли интерпретировать сейсмические профили, обеспечить основу для моделирования, предсказания углеводородных систем, фазового состояния вещества. Уже много лет не восполняется острый дефицит гидрологов, океанологов, специалистов по мерзлотоведению, криологов.

Отсутствие специалистов не позволяет решать проблемы, которые присутствуют в Арктике. В их числе – деформация зданий в условиях вечной мерзлоты, нарушение устойчивости сооружений, последствия изменения климата и др. Отсутствует ответ на вопрос как строить буровые в условиях дрейфующих льдов. Транспортники на ближайшие годы прогнозируют нехватку специалистов для береговых центров связи в портах Заполярья, для ледокольного атомного флота. Специфика Арктической зоны требует нестандартных инфраструктурных решений, например, создания круглогодичной системы взаимодействия Северного морского пути и внутренних водных путей Сибири и Крайнего Севера. Такие логистические технологии можно внедрить только при условии специальной подготовки кадров – эти люди должны быть специалистами не только в добывающей отрасли, но и в транспортной. Нельзя умалять роль гуманитарной составляющей в подготовке технических специалистов. На территорию Севера должны приходить люди, которые ее понимают, знают и чувствуют ответственность за нее. Здесь важен баланс между бизнесом и культурой, ответственность бизнеса перед той средой, куда он приходит. Любому газовик, нефтяник или транспортник, должен иметь северную компоненту подготовки. Если это игнорировать, мы потеряем правильную геополитическую стратегию. «Инженер должен быть с человеческим лицом», поэтому нужно шире внедрять программы, по которым студент независимо от специализации получает комплекс общих знаний об Арктике.

Нацеливание на реиндустриализацию позволит внести необходимые коррективы и в систему мотивации для инженерных кадров. Анализ мировой практики показывает – одним из обязательных условий работы с кадрами является реальная оценка их труда. Ещё в начале XX века Форд провозгласил: «Дешёвым трудом не произведём качественный

продукт». У нас сейчас в стоимости продукции цена труда равняется 20-40 %, на Западе – 50-70 %, отсюда, из-за слабой мотивации, и низкая производительность труда.

Мировой опыт показывает, драйверы роста – это крупные вузы. Россия отстает от ведущих западных стран в области профессионального образования. Лидеры в будущем – это специалисты освоившие конвергентные технологии [4;14]. Если человечество понимает недостатки, значит, есть шанс их исправить. Межвузовская интеграция позволит преодолеть это отставание. В Тюмени может появиться научно-образовательный центр. Государство планирует его создать, объединив опыт научных и образовательных организаций Тюменской области, ХМАО и ЯНАО в рамках нацпроекта «Наука». Для улучшения ситуации в экономике необходимо, чтобы нефтегазовые компании были готовы к реиндустриализации и более активно переходили к внедрению отечественных технологий, которые есть, но «по инерции» остаются не востребованными [15;16;17].

Выводы

На пути к превосходству и конкурентоспособности современным компаниям необходимо овладеть стратегией дискретной эволюции и процессами «креативного (творческого) разрушения». На западе обозначают процесс индустриальной мутации, которая непрерывно реконструирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую. Техническое образование достаточно дорогое, и ни один вуз с этим не справится без должного финансирования со стороны государства и поддержки спонсоров. Важно осознавать, что нужна подготовка высококвалифицированных специалистов. Единственный способ обеспечить экономический прогресс – это добиться постоянного инвестирования в образование, науку и передовые технологии. Чтобы устаревшие технологии сменялись новыми, необходима программа целевой подготовки кадров для Арктической зоны. Иначе эту проблему государству не решить. Анализ глобального экономического развития показывает, что происходит трансформация мирохозяйственного уклада. Главным способом вывода страны на восходящий уровень подъёма ВВП, является перевод экономики на путь реиндустриализации, что потребует создания новейших отечественных технологий и подготовки кадров новой формации. Рассмотрена стратегия развития Западно-Сибирского региона как возможного локомотива вывода экономики страны в число мировых лидеров. Проведён анализ потребности в специалистах, необходимых для реализации указанной стратегии, подготовка которых возможна только совместными усилиями вузов, бизнеса и государства.

Библиографический список

- [1] Абалкин Л.И. Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С.4-18.
- [2] Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. – 1992. – №10. – С.49-58.
- [3] Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – Москва: ВлаДар, 1993. – 310 с.
- [4] Ковальчук М.В. От синтеза в науке к конвергенции образования // Образовательная политика. – 2010. – № 11-12. – С. 49-50.
- [5] Шваб К. Четвертая промышленная революция. – Москва: Эксмо, 2016. – 138 с.
- [6] Субхангулов Р. Мониторинг и анализ технологического развития России и мира. Исследование Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования 2017. – №10. – 26 с.
- [7] Прутин Ю.Б. О мировом хозяйстве // Финансовая экономика. – 2018. – №2. – С 60-82.

- [8] Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – Санкт Петербург: СПбГУП, 2011. – 48 с.
- [9] Маршалова А.С., Новоселов А.С. Региональная экономическая политика субъекта федерации: проблемы разработки и реализации // Регион: Экономика и Социология. – 2014. – Т. 1. – № 81. – С. 124-144.
- [10] Наумов В.В, Никулкина И.В. Особенности развития российской Арктики [Электронный ресурс]: Доклады интернет конференции «Российский финансовый рынок: проблемы и перспективы развития». – Режим доступа: <http://sdo.rea.ru/cde/conference/3/file.php?fileId=54> (дата обращения 18.01.2019).
- [11] Государственная программа РФ «Социально – экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 г. № 366. – Режим доступа: <http://government.ru/programs/236/events/> (дата обращения 18.01.2019)
- [12] Новосёлов В.В., Спасилов В.М. Инженерный спецназ экономики. Каким должен быть специалист, востребованный сегодня и завтра? // Инженерное образование. – 2015. – № 18. – С. 7-14.
- [13] Рудской А.И. О модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов [Электронный ресурс]. Заседание Совета при Президенте по науке и образованию. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/45962> дата обращения 20.01.2019.
- [14] Цыпкин Ю.А., Иванов Н.И., Кокорев А.С., Фомин А.А. Прикладной менеджмент. – Москва: ООО «Научный консультант», 2018. – 440 с.
- [15] Spasibov V.M., Raspopov R.V. Method and device increasing efficiency of drilling directional wells // Actual Issues of Mechanical Engineering-2017 Proceedings of the International Conference (27-29 July, 2017). – 2017. – С. 659-664.
- [16] Кулябин Г.А., Спасилов В.М. Пат. RUS 2124617. Способ формирования осевой нагрузки на долото и устройство для его осуществления. Заявитель и патентообладатель Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Тюменский государственный нефтегазовый университет". – 1999. – 14 с.
- [17] Spasibov V.M., Kozlov V.V. Development of scientific and methodical approaches to the optimization of drilling deep wells // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science 2, The State, Trends and Problems of Development of the Oil and Gas Potential of Western Siberia. Сер. "International Academic Conference: The State, Trends and Problems of Development of the Oil and Gas Potential of Western Siberia". – 2018. – С. 012034.

References

- [1] Abalkin, L.I. (1992). Scientific heritage of N.D. Kondratiev and modernity. *Economic Issues*, 10, 4-18.
- [2] Modelski, J., & Thompson, W. (1992). Kondratieff waves, world economic development and international politics. *Economic Issues*, 10, 49-58.
- [3] Glazyev, S.Yu. (1993). *Theory of long-term technical and economic development*. Moscow: VlaDar.
- [4] Kovalchuk, M.V. (2010). From synthesis in science to educational convergence. *Educational Policy*, 11-12, 49-50.
- [5] Schwab, K. (2016). *Fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo.
- [6] Subhangulov, R. (2017). Monitoring and analysis of the technological development of Russia and the world. *Research Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting*, 10, 26.
- [7] Prutin, Yu.B. (2018). About the world economy. *Financial Economy*, 2, 60-82.

- [8] Glazyev, S.Yu. (2011). *The strategy of advanced development of Russia in the context of the global crisis*. St. Petersburg: SPbGUP.
- [9] Marshalova, A.S., & Novoselov, A.S. (2014). Regional economic policy of the subject of the federation: problems of development and implementation. *Region: Economics and Sociology*, 1(81), 124-144.
- [10] Naumov, V.V., & Nikulkina, I.V. *Features of the Russian Arctic. Reports of the Internet conference "Russian financial market: problems and development prospects"*. Retrieved from <http://sdo.rea.ru/cde/conference/3/file.php?fileId=54>.
- [11] *State program of the Russian Federation "Social and economic development of the Arctic zone of the Russian Federation for the period up to 2020"*. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 366 of April 21, 2014. Retrieved from <http://government.ru/programs/236/events/>
- [12] Novoselov, V.V., & Spasibov, V.M. (2015). Engineering special forces of the economy. What should be a specialist in demand today and tomorrow? *Engineering Education*, 18, 7-14.
- [13] Rudskoy A.I. On the modernization of engineering education and the quality of technical training. *Session of the Presidential Council for Science and Education*. Retrieved from <http://kremlin.ru/events/president/news/45962>.
- [14] Tsyarkin, Yu.A., Ivanov, N.I., Kokorev, A.S., & Fomin, A.A. (2018). *Applied Management*. Moscow: ООО "Nauchnyy konsultant".
- [15] Spasibov, V.M., & Raspopov, R.V. (2017). Method and device increasing efficiency of drilling directional wells. In *Actual Issues of Mechanical Engineering-2017 Proceedings of the International Conference* (pp. 659-664).
- [16] Kulyabin, G.A., & Spasibov, V.M. (1999). Patent RUS 2124617. *The method of forming the axial load on the bit and a device for its implementation. Applicant and patentee of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Tyumen State Oil and Gas University"*.
- [17] Spasibov, V.M., & Kozlov, V.V. (2018). Development of scientific and methodical approaches to the optimization of drilling deep wells. In *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science 2, The State, Trends and Problems of Development of the Oil and Gas Potential of Western Siberia. "International Academic Conference: The State, Trends and Problems of Development of the Oil and Gas Potential of Western Siberia"* (p. 012034).

Получена / Submitted: 10/01/2019

Доработана / Revised: 19/02/2019

Принята / Accepted: 27/02/2019

УДК 316.48

ИЗУЧЕНИЕ КОНФЛИКТА В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Наталия Викторовна Омелаенко¹

¹*Кафедра иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современности – конфликту. В настоящее время предложено немало определений и классификаций конфликта. Основные теории конфликта в западной социологии позволяют объяснить социальную жизнь в обществе, основные причины и функции конфликтов, предлагают идеи бесконфликтного взаимодействия между различными структурами общества. Цель научного исследования – проанализировать основные теории конфликта в зарубежной социологии. Методологической основой исследования являются работы отечественных и зарубежных авторов, которые рассматривают конфликт как явление, которое проявляется в социальном взаимодействии. В ходе исследовательского процесса использовались общенаучные методы – анализа, синтеза, сравнения и обобщения. Конфликты существовали всегда на протяжении многих веков и тысячелетий и были предметом исследования мыслителей древности и Средних веков. Основные социологические направления зарубежной социологии рассматривают конфликт как социальную жизнь, которая развивается и функционирует по законам природы, как бесконфликтное взаимодействие между разными структурами общества, как основную, силу для развития общества, как социальное явление, которое присуще человеку, которого не избежать, но можно регулировать. Конфликты находят свое проявление в различных сферах человеческого взаимодействия, поэтому в зависимости от типа конфликта существуют и разрабатываются различные технологии предупреждения, диагностики и разрешения конфликтов. Конфликты необходимы, поскольку являются движущей силой социальных перемен, но они не должны перерасти в гражданскую войну.

Ключевые слова: типы конфликтов, этапы изучения конфликтов, теории конфликтов, функции конфликтов.

Study of the Conflict in Foreign Sociology

Nataliya V. Omelaenko¹

¹*Department of Foreign Languages, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to one of the most urgent problems of our time – the conflict. At present many definitions and classifications of the conflict have been proposed. The main theories of conflict make it possible to explain social life in society, the main causes and functions of conflicts, and offer ideas for conflict-free interaction between different structures of society. The purpose of the research is to analyze the main theories of conflict in foreign sociology. The methodological basis of the study is the work of domestic and foreign authors who view the conflict as a phenomenon that manifests itself in social interaction. During the research process, general scientific methods were used – analysis, synthesis, comparison and generalization. Conflicts have always existed for centuries and millennia and have been the subject of research by thinkers of antiquity and the Middle Ages. Foreign sociologists consider conflict as a social life that develops according to the laws of nature, as a conflict-free interaction between different structures of society, as the main force for the development of society, as a social phenomenon that is inherent in man, which cannot be avoided, but can be controlled. Conflicts find their manifestation in various areas of human interaction. Therefore, depending on the type of conflict, various technologies for preventing, diagnosing and resolving conflicts exist and are being developed. Conflicts are necessary because they are the driving force of social change, but they should not escalate into civil war.

Keywords: types of conflicts, stages of studying conflicts, conflict theory, functions of conflicts.

Введение

Конфликты существуют на протяжении многих веков и тысячелетий, они неизбежно возникают в процессе взаимодействия индивидов, между малыми, средними и большими социальными группами, между отдельными государствами. сновная особенность нашего времени – это значительный рост конфликтов среди государств, которые принадлежат к разным цивилизациям. По мнению С. Хантингтона, в этом новом мире наиболее важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, а народами, которые имеют разную культурную идентичность. Внутри цивилизаций будут случаться войны и этнические конфликты.

Сегодня культура играет двоякую роль – она способна как объединять, так и разъединять людей. Люди, которые имеют разную идеологию и чувствуют культурное родство – объединяются. Общества, с одинаковой идеологией, но разделенные по культурным признакам – распадаются. Страны, которые сходны в культурном плане, сотрудничают в экономической и политической сфере.

Таким образом, характер связей между странами определяется, как общностью интересов, так и различием культурных корней. Важные страны мира принадлежат к разным цивилизациям, поэтому существует опасность возникновения крупномасштабных войн между группами и государствами, которые имеют разные культурные традиции [1].

Проблеме конфликтов посвящено огромное количество работ. Тем не менее, несмотря на научный интерес к проблеме конфликта, в настоящее время нет единого, общепризнанного определения «конфликта». В философии социальный конфликт означает столкновения противоположных общественных групп, личностей, институтов, интересов, взглядов, стремлений; разлад, несогласие, распри, спор, которые грозят тяжелыми социальными последствиями [2; 3].

Материалы и методы

В психологии под конфликтом чаще всего понимается актуализированное противоречие, столкновение противоположных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов и даже столкновения самих оппонентов [4].

В социологии конфликт – это столкновение, борьба между социальными классами или группами; борьба мнений, идей; амбивалентность чувств, противоположность мотивов, импульсов [5].

Проанализировав эти определения можно сделать следующие выводы. Все вышеуказанные науки признают тот факт, что в основе конфликта лежит столкновение интересов. Вместе с тем, социологи рассматривают противоречия между группами и социальными классами. Психологи изучают конфликт на межличностном уровне, поскольку в центре их внимания взгляды, мнения, позиции участников взаимодействия. Философия исследует конфликт на уровне не только групп, личностей, но и общественных институтов.

Впервые природу социальных конфликтов начали изучать древнегреческие философы Анаксимандр, Гераклит. Так, Гераклит считал, что миру присущи вражда и распри, и единственный закон, который существует – это война.

В средние века о войнах писал Фома Аквинский (1225-1274). Он допускал войны при условии того, что они ведутся от лица государства [6]

Конфликты были в эпоху возрождения, и известные гуманисты Э. Роттердамский и Ф. Бекон выступали против них, призывая к проявлению толерантности и примирению [7; 8].

Разработкой проблемы конфликтов занимались различные направления в социологии.

В истории изучения конфликта в западной социологии выделяются три этапа. Первый этап начался во второй половине XIX в. и получил название социал-дарвинизм.

Сторонниками этого направления были Ч. Дарвин, Л. Гумплович, У. Самнер, Г. Спенсер, А. Уоллес и др. Социал-дарвинисты описывали человеческое общество, исходя из законов природы. Они пытались установить связь между людьми и животным миром.

Так, например, Г. Спенсер описывал социальную борьбу, которая начинается при столкновении интересов. Классовые конфликты он рассматривал без теоретического анализа разных форм поведения.

Другой, известный дарвинист У. Самнер считал, что социальная революция происходит сама по себе и не зависит от воли и желания людей. Борьба за существование и выживание является естественным законом природы, который не стоит изменять.

Поддерживая действующий капиталистический строй, У. Самнер был твердо убежден, что это самая здоровая экономическая система, а миллионеры являются продуктом естественного отбора, и в борьбе с окружающей средой успех сопутствует только сильнейшим. У. Самнер был на стороне людей с агрессивным поведением, которые стремятся всегда быть первыми.

У. Самнер был против того, чтобы государство оказывало помощь тем, кто не достиг успеха, поскольку, что выживает сильнейший, а человек, который не может приспособиться – погибает. Он считал, что слабые должны сами научиться жить. Таким образом, эта теория оправдывала капиталистический строй и социальное неравенство в обществе [9].

Для второго этапа – первая половина XX в. характерно появление различных теоретических положений о природе конфликта – функциональная теория конфликта Г. Зиммеля, структурный функционализм Т. Парсонса. В исследованиях этого периода были поставлены задачи, включающие выбор эффективных методик разрешения конфликтных ситуаций, которые неизбежно происходят в организациях и на производстве [10; 11].

Во второй половине XX в. были представлены теория позитивно-функционального конфликта Л. Козера и конфликтная модель общества Р. Дарендорфа, где впервые были предложены этапы, условия и факторы развития конфликта, методы его регулирования [12; 13].

Современные исследователи конфликта изучают в основном этнические конфликты. Так, М. Дистройзерс и С. Вуцетик анализируют причинно – следственные связи конфликтов, и пишут о том, что они еще мало изучены в конфликтологии, и поэтому очень трудно выявить все причины конфликтов [14].

Проблемы мигрантов из Югославии, их интеграция и возникающие конфликты с местным населением рассмотрены в работе Джонатана Холла. Ученый пытается ответить на вопрос о том, как этнические конфликты влияют на мнение людей, которые видят беженцев, и поддерживают ли они идеологию конфликта, после разрушительных последствий войны [15].

Результаты исследования ученых из Китая позволили им прийти к выводу, что большое количество мечетей и других религиозных учреждений являются сдерживающим фактором этнических конфликтов. Более высокий уровень межэтнического неравенства связан с ростом этнического насилия только в районах с низким и средним количеством мечетей [16].

В этой статье С. Тиссона критически анализируется противоречивое явление, с которым сталкиваются инициативы по урегулированию конфликтов на местном уровне в Израиле и Палестине. Многие из представителей сообщества палестинцев и израильтян отвергают и публично осуждают упрощенные контактные вмешательства такие, как диалог с гражданами и организованные встречи между палестинцами и израильтянами-евреями [17].

Межэтнические конфликты часто в мире обостряются. Группа исследователей во главе с М. Бауэр сделали попытку ответить на вопрос «Почему поведение масс легко меняется от

сотрудничества к агрессии»? Они экспериментально проверили, является ли этническая вражда заразной. Используя мотивированные задачи, они измерили готовность пожертвовать своими собственными ресурсами, чтобы нанести вред представителям других этнических групп.

Представители этнической группы вели себя деструктивно, если вред был нанесен представителям своей же этнической группе. Ученые пришли к выводу, что этнические конфликты могут быстро распространяться даже в обществах с незначительными признаками межнациональной ненависти [18].

Анализ научной литературы показал, что в настоящее время продолжают научные дискуссии относительно сущности конфликтов, их классификации, структуры, функций, генезиса и эволюция, динамики и системно-информационного описания, предупреждения, завершения, исследования и диагностики конфликтов.

Следует отметить, что эти темы занимают огромное место в современной отечественной и зарубежной науке, и все же возникают трудности при попытке выбрать единую теорию для анализа конфликтов, поскольку для разных целей исследования необходим определенный подход, своя типология и классификация конфликтов.

Результаты и обсуждение

Наша страна – Российская Федерация отличается своим национальным и религиозным разнообразием, поэтому в обществе существует ряд конфликтогенных факторов. Поликультурный состав населения формировался на протяжении многих веков и в настоящее время значительно меняется в связи с интенсивным миграционным процессом, поэтому миграционный фактор может вызвать рост этнического самосознания коренного населения и привести к этническим конфликтам.

Многие регионы страны значительно различаются по социально-экономическим показателям и по уровню жизни населения. В некоторых субъектах страны высокий уровень безработицы среди молодежи и лиц старшего возраста, вследствие этого, экономический фактор может создать условия для разрастания социальных конфликтов.

К возникновению конфликтов может привести проводимая в стране социальная политика, которая направлена на оптимизацию средств, которые направлены в социальную сферу – образование и медицину. Особые чувства – разочарования и безысходности вызвала пенсионная реформа, предложенная правительством страны.

Таким образом, можно предположить, что на данный момент существуют факторы, которые могут привести к социальным конфликтам, этническим и политическим конфликтам.

Всё это предопределяет актуальность исследования теоретических аспектов конфликта как социального феномена. Исходя из вышесказанного, автор поставил следующие задачи:

- выявить основные причины социальных конфликтов.
- рассмотреть этапы, условия и факторы возникновения конфликта и также методы его регулирования.

Конфликт как социальное явление впервые был рассмотрен А. Смитом. Исследователь, считал, что одной из причин богатства народов стало разделение труда, благодаря которому увеличилась производительность труда, произошло отделение профессий и занятий, и общество достигло своего процветания. Но разделение труда повлекло за собой и деление общества на классы, а возникшее неравенство неизбежно привело к социальным конфликтам [19].

В дальнейшем большой вклад в формирование теоретических положений конфликта внес К. Маркс. Основной причиной конфликта, по его мнению, является классовая борьба, которая неизбежна в обществе, разделенном на два враждующих класса – класс

эксплуататоров и класс эксплуатируемых. Несмотря на то, что классовая борьба приводит к огромным человеческим жертвам, К. Маркс полагал, что она является движущей силой истории.

Конфликты также связаны с разными интересами социальных групп и берут своё начало в отношении к собственности и её распределении среди всех членов общества [20].

Главным критиком основных положений теории классового конфликта К. Маркса был итальянский социолог В. Парето. В отличие от К. Маркса, В. Парето был убежден, что главный фактор, который определяет общественный процесс это – соперничество элит и борьба масс с элитой.

Принимая тезис К. Маркса о том, что борьба масс играет большую роль в истории, В. Парето не соглашался с тем, что классовая борьба определяется только лишь противоречиями в экономике и конфликтами, которые возникают из-за собственности на средства производства.

Основной же причиной конфликтов между массами и элитой является обладание государственной властью и военной мощью. Устранение конфликта между трудом и капиталом не приведет к исчезновению классовой борьбы, поскольку это конфликт является одной из её форм. Формы классовой борьбы постоянно меняются, одна форма заменяет другую. Таким образом, конфликт, по мнению В. Парето, происходит и будет происходить постоянно – между социальными группами, политиками, государствами и т.д. [21].

Первым, кто обратился к предмету исследования конфликта в социологии, был Г. Зиммель. Он считал, что в отношениях между социальными группами всегда существует враждебность и симпатия. На проявление антипатии большое влияние оказывает такое явление как «дух противоречия». Даже в тех случаях, когда отношения кажутся гармоничными, у многих податливых натур возникает дух противоречия, который затем проявляется в их поведении. Каждая личность, даже не подвергаясь нападению, утверждается через оппозицию и отрицание другого.

По мнению Г. Зиммеля, незначительные события могут стать поводом для спора и вражды. В человеческой природе причина и действие не всегда находятся в тесной взаимосвязи, и очень часто трудно понять, был ли действительно повод для спора, или это был выход уже существующей вражды.

В человеческих отношениях изначально есть потребность во враждебности и внушаемость враждебного отношения к другим. Среднему человеку гораздо легче внушить недоверие и отвращение к третьему лицу, чем доверие. Предубеждение к другим могут быть внушаться совершенно посторонними, безразличными человеку личностями. Все же для благоприятного предрассудка необходим авторитетный и близкий нам человек.

Враждебность и антипатия к другим – одна из форм выхода человеческой энергии. Душа индивида всегда сама выбирает предмет любви и ненависти.

Одной из формальных причин враждебности – различные интересы, которые побуждают к борьбе за определенные блага и выражения оппозиционных настроений к определенным личностям [10].

Идеи Г. Зиммеля, посвященные проблематике конфликта оказали огромное влияние на научные взгляды Р. Дарендорфа.

Р. Дарендорф считал, что общество имеет две грани: конфликта и согласия, без которых оно не может существовать. Они являются предпосылками друг друга. Основное положение конфликтной теории Р. Дарендорфа состоит в том, что определяющим фактором систематических социальных конфликтов становится дифференциальное распределение власти. Изучая крупные социальные структуры, Р. Дарендорф выделил в обществе различные позиции, которые имеют разные властные полномочия, при этом власть принадлежит не индивидам, а позициям. Между позициями могут возникать

конфликты, причины которых нужно искать в распределении социальных ролей, наделенных ожиданиями доминирования и подчинения.

Для анализа конфликта Р. Дарендорф определил различные властные роли в обществе. Те, кто занимает властные позиции в обществе, контролируют подчиненных, они доминируют над окружающими, однако области контроля власти в обществе конкретизированы.

Власть, согласно данной теории, непостоянна, так как принадлежит позициям, а не людям. Облеченный властью индивид в одной группе не обязательно занимает властное положение в другой, то же самое касается и подчиненных, которые могут занимать доминирующее положение в другой группе. Таким образом, согласно Р. Дарендорфу, общество состоит из ряда элементов, названных «императивно координированными ассоциациями», их можно рассматривать как «объединения людей, которые контролируются другими, занимающими более высокое положение в иерархической структуре» [11].

Общество имеет множество ассоциаций, и индивид может занимать властное положение в одной и быть подчиненным в другой структуре. Группы наверху и группы внизу определены интересами общества. Во все времена в группах присутствует скрытый конфликт интересов, те, кто занимает господствующее положение, стремятся сохранить свой статус, подчиненные хотят изменений.

В любой стране всегда будет существовать разделение на классы и властные позиции. Но каждый индивид может изменить свою позицию, благодаря своим достижениям в профессиональной, общественно-политической, научной сфере. Здоровая конкуренция приводит не только личным успехам, но и является движущей силой для развития всего общества. Неравномерное распределение власти по этническому признаку, доминирование во власти только одной этнической группы может вызвать недовольство других этнических групп и привести к этническому конфликту [11].

Р. Дарендорф в работе «Элементы теории социального конфликта» выделил этапы, условия и факторы возникновения конфликта, а также предложил методы регулирования конфликта.

Первый этап конфликта непосредственно связан с причиной самого конфликта и включает две конфликтующие стороны.

Второй этап развития конфликта проявляется в организации квази-групп и создании группировок для выражения своих интересов.

Для развития социального конфликта должны быть технические, социальные и политические условия. Технические условия предполагают наличие личных, идеологических и материальных условий. Социальные условия предусматривают систематическое вовлечение новых членов и использование средств массовой коммуникации. При определенной политической ситуации создаются свободные коалиции. При отсутствии каких-либо перечисленных условий, конфликты становятся латентными.

Третий этап заключается уже в сформированном конфликте, который достигает своей окончательной формы, где все участвующие элементы становятся идентичными.

Существуют разные формы конфликтов. Так, конфликты могут быть интенсивными и насильственными. Обе эти переменные могут меняться независимо друг от друга, и не каждый интенсивный конфликт может быть насильственным и наоборот.

Переменная насильственности включает формы проявления социальных конфликтов, средства, которые выбирают конфликтующие стороны для отстаивания своих интересов.

Переменная интенсивности относится к степени участия пострадавших в конфликте, чем большее значение придают участники конфликта столкновению, тем интенсивнее конфликт. Интенсивность отражает энергию, которую вкладывают участники конфликта и социальную важность, которую они придают конфликту.

Р. Дарендорф утверждал, что конфликты на основе возрастных и половых различий всегда интенсивнее, чем на основе профессиональных различий, но конфессиональные различия всегда интенсивнее, чем региональные.

Изложив теоретические положения социального конфликта, Р. Дарендорф пришел к выводу, что конфликт не исчезает путем регулирования, но использование определенных форм позволяет смягчить его последствия, уменьшить степень его интенсивности и насильственности [13].

О проблеме порядка в обществе писал Т. Парсонс. Он предложил бесконфликтную, идеальную модель общества. Согласно его теории, общество представляет собой системы, которые состоят из независимых, строго упорядоченных частей. Системы сами поддерживают порядок и равновесие, они могут быть статичны или подвергаться изменениям, но, если меняется одна часть системы, изменяются и другие ее части.

Системы поддерживают границы с внешней средой, сохраняя порядок и контроль внутри системы, где происходят процессы распределения и интеграции необходимые для её равновесия [11].

Согласно мнению Парсонса, социальная система состоит из акторов взаимодействующих друг с другом. На характер их взаимодействия влияет внешняя среда, культурные коллективные символы, оптимизация удовольствия. Парсонс рассматривал социальную систему как системы взаимодействия, но главной единицей системы он считал статусно-ролевой комплекс. Статус относится к позиции в структуре в социальной системе, а роль представляет из себя то, что делает человек, занимая ту или иную позицию.

Т. Парсонс выделил следующие функции социальной системы. Социальные системы должны быть структурированы и сосуществовать с другими системами. Социальную систему должны поддерживать другие системы, и она должна удовлетворять потребности своих акторов.

Но все же, возникает вопрос, всегда ли одну социальную систему поддерживают другие системы, и способна ли она действительно удовлетворить хотя бы минимальные потребности других акторов. В нашем обществе предложенная Парсонсом модель не действует, потому, что не все системы эффективно работают и оказывают помощь другим системам.

В связи с этим, следующий тезис Парсонса тоже вызывает сомнение. Парсонс считал, что каждый актор занимает в структуре системы определенную позицию и выполняет определенную роль. Но будет ли устраивать индивида, выполняемая им роль? Вполне возможно, что возникнет желание поменять свою позицию. Отсутствие такой возможности может привести к конфликту, несмотря на то, что в рамках социальной системы осуществляется и поддерживается минимальный контроль над деструктивным поведением членов системы.

Таким образом, идеальная модель функционирования общества имеет свое право на существование, но маловероятно, что она найдет своё воплощение, поскольку в мире всегда будет социальное неравенство, а значит и конфликты.

Выводы

Рассмотрев теоретические положения, посвященные проблематике конфликта, автор пришел к следующим выводам:

1. В основе социального конфликта лежит борьба за выживание, а агрессивное поведение людей вызвано стремлением к доминированию в политической, экономической и социальной сфере жизни.

2. Одной из причин конфликта является разделение труда и деление общества на классы, которое приводит к социальному неравенству, так как общество всегда будет разделено на классы, то и конфликт будет всегда то затухать, то разгораться вновь.

3. К росту конфликта приводит разная культурная идентичность. Представители одной этнической группы часто относятся настороженно и с подозрением к другой.

4. Между социальными группами всегда существуют два чувства – враждебность и симпатия. Предубеждение к другим обычно внушается совершенно посторонним человеком. Часто человек сам выбирает стратегию доброжелательного или негативного отношения к другим в зависимости от ситуации.

4. Борьба масс и элит за обладание государственной властью и военной мощью приводит к социальному конфликту, который часто переходит в фазу государственного переворота, к революции, к смене одного общественного строя другим.

Конфликты существовали всегда на протяжении многих веков и тысячелетий и были предметом исследования мыслителей древности и Средних веков. Основные социологические направления зарубежной социологии рассматривают конфликт как социальную жизнь, которая развивается и функционирует по законам природы, как бесконфликтное взаимодействие между разными структурами общества, как основную, силу для развития общества, как социальное явление, которое присуще человеку, которого не избежать, но можно регулировать.

Конфликты находят свое проявление в различных сферах человеческого взаимодействия, поэтому в зависимости от типа конфликта существуют и разрабатываются различные технологии предупреждения, диагностики и разрешения конфликтов. Конфликты, по мнению Р. Дарендорфа, необходимы, поскольку являются движущей силой социальных перемен, но они не должны перерастать в гражданскую войну, поэтому главной задачей политиков является обуздание социальных конфликтов.

Библиографический список

- [1] Хантингтон С. Столкновение цивилизации. – Москва: Изд-во АСТ, 2017. – 640 с.
- [2] Кондрашов В.В., Чекалов Д.А., Копорулина В.Н. Новейший философский словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 672 с.
- [3] Сизов С.Д., Сизова Ю.С. Н. Wells, his futurism and not only // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2015. – Т. 25. – С. 121-125.
- [4] Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – Москва: Педагогика-Пресс, 2002. – 639 с.
- [5] Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. – 511 с.
- [6] Громова О.Н. Конфликтология. Курс лекций. Москва: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Издательство ЭКМОС, 2000. – 320 с.
- [7] Роттердамский, Э. Похвала Глупости. Калининград: Кн. изд-во: ИПП "Янтар. сказ" , 1995. – 213 с.
- [8] Бэкон Ф. Жизнь мировоззрения, мысли, максимы. Москва: «Современное Слово», 1998. – 352 с.
- [9] Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. Санкт Петербург: Изд-во «Ольга», 1996. – 160 с.
- [10] Зиммель Г. Человек как враг // Социологические исследования. – 1994. – №2. – С.114-119.
- [11] Ритцер Дж. Современные социологические теории. – Санкт Петербург: Питер, 2002. – 688 с.
- [12] Козер Л. Функции социального конфликта. Москва: «Идея-Пресс». 2000. – 208 с.
- [13] Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – №5. – С.145-147.

- [14] Desrosiers M., Vucetic S. Causal Claims and the Study of ethnic Conflict // Journal of Global Security Studies. – 2018. – Vol. 3. – Issue 4. – pp. 483-497.
- [15] Hall J. Integration of refugees and support of the ethos of conflict // Journal of Conflict Resolution. – 2018. – Vol. 62. – Issue 9. – pp. 2040-2067.
- [16] Cao X., Duan H., Liu C., Wei Y. Local religious institutions and the impact of interethnic inequality on conflict // International Studies Quarterly. – 2018. – Vol. 62. – Issue 4. – pp.765-781.
- [17] Thiesson C., Darweish M. Conflict resolution and asymmetric conflict: the contradictions of planned contact interventions in Israel and Palestine // International Journal of Intercultural Relations. – 2018. – Vol.66. – pp.73-84.
- [18] Bauer M., Cahlikova J., Chytilova J., Zelinsky T. Social contagion of ethnic hostility // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2018. – Vol.115, Issue 19. – pp. 4881-4886.
- [19] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Москва: Эксмо, 2007. – 960 с.
- [20] Гришина Н.В. Психология конфликта. – Санкт Петербург: Питер, 2008. – 544 с.
- [21] Зеркин Д.П. Основы конфликтологии. Ростов-н/Д: «Феникс», 1998. – 480с.

References

- [1] Huntington, S. (2007). *Clash of civilization*. Moscow: AST Publishing House.
- [2] Kondrashov, V.V., Chekalov, D.A., & Koporulina, V.N. (2005). *Newest Philosophical Dictionary*. Rostov on Don: Feniks.
- [3] Sizov, S.D., & Sizova, Yu.S. H. (2015). Wells, his futurism and not only. *Scientific and Methodical Electronic Journal "Concept"*, 25, 121-125.
- [4] Meshcheryakov, B.G., & Zinchenko, V.P. (2002). Large psychological dictionary. Moscow: Pedagogy Press.
- [5] Kravchenko, S.A. (2004). Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary. Moscow: Astrel Publishing LLC, AST Publishing LLC, Transitkniga LLC.
- [6] Gromova, O.N. (2000). Conflictology. Lecture course. Moscow: Association of Authors and Publishers "Tandem". Publishing house EKMOS.
- [7] Rotterdam, E. (1995). Praise of Stupidity. Kaliningrad: Vol. publishing house: IPP "Yantar. Tale".
- [8] Bacon, F. (1998). Life outlook, thoughts, maxims. Moscow: Sovremennoye Slovo.
- [9] Gromov, IA, Matskevich, A.Yu., & Semenov, V.A. (1996). *Western Theoretical Sociology*. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Olga".
- [10] Zimmel, G. (1994). Man as an enemy. *Sociological Studies*, 2, 114- 119.
- [11] Ritzer, J. (2002). Modern sociological theories. St. Petersburg: Piter.
- [12] Coser, L. (2000). Functions of social conflict. Moscow: "Idea-Press".
- [13] Dahrendorf, R. (1994). Elements of the theory of social conflict. *Sociological Studies*, 5, 145-147.
- [14] Desrosiers, M., & Vucetic, S. (2018). Causal Claims and the Study of ethnic Conflict. *Journal of Global Security Studies*, 3 (4), 483-497.
- [15] Hall, J. (2018). Integration of refugees and support of the ethos of conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 62(9), 2040-2067.
- [16] Cao, X., Duan, H., Liu, C., & Wei, Y. (2018). Local religious institutions and the impact of interethnic inequality on conflict. *International Studies Quarterly*, 62(4), 765-781.
- [17] Thiesson, C., & Darweish, M. (2018). Conflict resolution and asymmetric conflict: the contradictions of planned contact interventions in Israel and Palestine. *International Journal of Intercultural Relations*, 66, 73-84.

- [18] Bauer M., Cahlikova J., Chytilova J., & Zelinsky T. (2018). Social contagion of ethnic hostility. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 115 (19), 4881-4886.
- [19] Smith, A. (2007). *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo.
- [20] Grishina, N.V. (2008). *Conflict psychology*. St. Petersburg: Piter.
- [21] Zerkin, D.P. (1998). *Basics of conflictology*. Rostov-on-Don: Feniks.

Получена / Submitted: 14/01/2019

Доработана / Revised: 18/02/2019

Принята / Accepted: 28/02/2019

УДК 316.4.06

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИВЕРСИОННОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ РАНХИГС)

Виолетта Юрьевна Черкасова¹

¹ *Кафедра теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы качества современного образования и возможность его измерения методом диверсионного анализа. Диверсионный анализ рассматривается как метод прогнозирования, с помощью которого возможно выявление всех слабых мест организации. Обосновано применение данного метода для изучения проблем процесса образования. При использовании диверсионного подхода проанализированы проблемы Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Были предложены различные варианты «диверсий», которые могут возникнуть в данном учебном заведении. Выявлены недостатки процесса образования, в контексте трёх его составляющих элементов: студентов, преподавателей и руководства (организации) учебного процесса. Исследована выраженность данных недостатков в процессе образования Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, а также в рамках конкретных дисциплин. Даны рекомендации по дальнейшей работе с полученными результатами.

Ключевые слова: диверсионный анализ, диверсия, диверсионный подход, образование, учебный процесс.

The Use of Diversionary Analysis to Identify the Problems of the Education Process (for Example Ural Institute of Management, Branch of RANEP)

Violetta Yu. Cherkasova¹

¹ *Department of Management Theory and Sociology, Ural Institute of Management, Branch of RANEP, Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problems of the quality of modern education and the possibility of its measurement by the method of sabotage analysis. Sabotage analysis is considered as a method of forecasting, with which it is possible to identify all the weaknesses of the organization. The application of this method to study the problems of the education process is substantiated. The problems of the Ural Institute of management, a branch of the Russian Academy of national economy and public service, are analyzed using a subversive approach. Various variants of "sabotage" that may arise in this educational institution were proposed. The shortcomings of the education process in the context of its three constituent elements: students, teachers and management (organization) of the educational process. The author investigates the severity of these shortcomings in the formation of the Ural Institute of management – a branch of the Russian Academy of national economy and public administration, as well as in specific disciplines. Recommendations for further work with the obtained results are given.

Keywords: diversionary analysis, diversion, diversionary approach, process of education, education.

Введение

Современное высшее образование является достаточно сложным и неоднозначным процессом, чьи сильные и слабые стороны, каждый участник этого процесса может воспринимать по-разному. В настоящее время присутствует общественный запрос переходить от надзора и контроля к управлению качеством образования [1]. Грамотная

стратегия управления высшим учебным заведением предполагает решение не только текущих проблем, но и видение перспектив качественного образования. Одним из главных критериев качества образования является – «объективная необходимость постоянного овладения новыми знаниями и умениями, которые не только ориентируют человека в сложной динамике процессов, но и формируют его как адаптивную, мобильную и конкурентную личность в постоянно меняющемся социальном пространстве» [2].

Соответственно высшее образование должно быть квинтэссенцией запроса современного трансформирующегося общества, работодателей, студентов и родителей студентов (которые очень часто выступают в роли спонсоров оплачивающих данное образование). Носителями знания, в свою очередь, выступают преподаватели высших учебных заведений, у которых своё виденье качественного образования. Формируют же учебные планы люди, как правило, далёкие от этих целевых групп, и, кроме того, далёкие от воплощения в жизнь данных учебных планов. Следовательно, представляется необходимым выявлять существующие проблемы процесса образования, изучая мнение непосредственных участников данного процесса: руководства высшего учебного заведения, преподавателей и студентов. Только тогда возможен синергетический эффект при решении образовательных проблем. Но на практике, к сожалению, далеко не всегда, при анализе проблем образования, учитывается мнение студентов и преподавателей ВУЗа. Также существует тенденция к глобализации и подгону качества образования под единые, часто очень формальные стандарты, вместо учёта особенностей именно данного высшего учебного заведения и развития имеющегося местного опыта [3;4]. Существующие инструменты для оценки студентами процесса образования, как правило, упрощены и неспособны выявить реальные проблемы [5]. Опросы студентов и составление рейтингов преподавателей, выявляют только количественные показатели, которые не способны проиллюстрировать причины сложившихся тенденций [6;7]. В связи с этим интересно попробовать новые, необычные методики, для выявления «слабых мест» современного высшего учебного заведения. Одной из таких методик является – «Диверсионный анализ» [8].

Материалы и методы

Диверсионный анализ предполагает выявление скрытых проблем организации, их прогнозирование, в результате выдвижения вариантов всевозможных «диверсий». Данный метод был предложен Б. Злотиним в 1977 году для решения проблемы брака на производстве. С точки зрения Б. Злотина сущность диверсионного подхода «заключается в том, что вместо вопроса, «Какие дефекты, виды брака возможны в данной конструкции или технологии?» задается вопрос: «Как испортить данную конструкцию, технологию, как обеспечить получение дефектов?»» [9]. После того как варианты диверсий придуманы, необходимо проверить их реализацию на практике в данной организации. При выявлении подобных недостатков нужно проанализировать возможности их предотвращения и нивелирования. Одно из самых важных достоинств диверсионного анализа – потенциал выявления скрытых проблем, ранее не предполагавшихся в данной организации.

На современном этапе существует достаточно обширная практика использования диверсионного анализа в разных сферах [10-13]. Применение диверсионного анализа для совершенствования образовательного процесса было осуществлено Пермскими исследователями (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Пермский филиал) в 2012-2013 годах [14].

Мы решили воспользоваться частью методики Пермского филиала ВШЭ и проанализировать ключевые проблемы, которые существуют в Уральском институте управления РАНХиГС, в рамках отдельной специальности.

Результаты и обсуждение

В рамках данного исследования были выявлены ключевые недостатки учебного процесса и предложены рекомендации по их устранению. Исследование было проведено автором в Уральском институте управления РАНХиГС в ноябре 2018 года, в нём принимали участие все студенты специальности «Экономическая безопасность» очного отделения 2-го курса (52 человека).

Процедура была реализована в два этапа. На первом этапе студентам было предложено написать эссе, отвечая на следующий вопрос: «Каким образом организовать учебный процесс, чтобы он был максимально неэффективен и выпускники факультета как можно меньше удовлетворяли потребностям потенциального работодателя?». По результатам первого этапа предложенные «диверсии» группировались и выявлялись самые распространённые, которые студенты считали наиболее значимыми.

На втором этапе студентам было предложено оценить выраженность этих недостатков (варианты проблем были выбраны из предложенных студентами на первом этапе) в организации учебного процесса Уральского института управления РАНХиГС по 10-ти бальной шкале (0 – недостаток отсутствует, 10 максимальное его проявление). Данные были обработаны в программе обработки социологической информации Vortex, по каждому показателю вычислялось среднее значение.

При обработке эссе, на первом этапе исследования, были получены следующие результаты: студентами было предложено всего 92 варианта «диверсий», дано 332 ответа (аналогичные ответы были объединены).

В результате анализа полученных данных были выделены «диверсии», касающиеся трёх составляющих учебного процесса: студентов, преподавателей и руководства (организации учебного процесса). Для каждой из этих сторон опрошенные предложили варианты диверсионного поведения.

Меньше всего внимания (7 вариантов, 36 ответов) было уделено роли студентов в учебном процессе. Среди «диверсий» со стороны студентов выделены: «недобросовестное выполнение своих обязанностей (невыполнение домашнего задания, прогулы, внеучебная деятельность ставится выше учебного процесса)» – 12 ответов, «несоблюдение правил учебного заведения, срывы занятий, отсутствие уважения, ответственности» – 9 ответов, «отсутствие мотивации (интереса) к учёбе» – 7, «отсутствие сплочённости и умения работать в команде» – 3 ответа. Распределение по остальным параметрам несущественно.

Таблица 1. Наиболее распространённые предложения «диверсий» преподавателей

№	Диверсии	Количество ответов
1	Давать только теорию (не отработывая на практике)	18
2	Разрешить студентам не приходить на занятия (свободное посещение)	17
3	Преподаватель некомпетентен (не знает предмет и не умеет донести)	12
4	Низкая творческая активность (рассказывать и вести пары не интересно)	10
5	Убрать проверки знаний	10
6	Вести себя агрессивно и неадекватно, предвзято	9
7	Не поддерживать дисциплину	9
8	Не интересоваться своим предметом	8
9	Учить студентов по старым методикам, по старым учебникам (морально устаревший подход, устаревшие знания, несовременные методы)	7
10	Ставить большие или слишком маленькие баллы (доставлять недостающие баллы до зачёта)	7

Наибольшее количество ответов (39 вариантов, 165 ответов), касалось деятельности преподавателей ВУЗа. «Диверсии» со стороны преподавателей (Таблица 1) можно, в свою очередь, разделить на несколько составляющих: первый блок касается профессиональных

навыков, компетентности и подачи материала преподавателем (преподаватель не знает предмет и не умеет донести, даёт только теорию, не отрабатывая на практике); второй блок посвящён неумению организовать учебный процесс и поддерживать дисциплину (свободное посещение, отсутствие дисциплины); третий блок затрагивает отношение преподавателя к своей работе и к студентам (низкая творческая активность, не интересуется своим предметом, неадекватен, агрессивен, предвзят).

Обращает на себя внимание большая значимость вопросов контроля дисциплины для студентов. Данный фактор демонстрирует некий инфантилизм студентов, «школьное» восприятие ВУЗа, возможно, причиной является их второй курс, или специфика учебного заведения. На взгляд автора, взрослые люди (каковыми они, по сути, являются), самостоятельно выбравшие высшее учебное заведение, должны быть в состоянии самостоятельно нести ответственность за своё поведение в аудитории, поддерживать дисциплину (без вмешательства преподавателя) и принимать решения относительно посещения или непосещения занятий.

Проблемы со стороны организации (руководства) учебного процесса (Таблица 2), были предложены самые разнообразные (46 вариантов, 131 ответ). Здесь фантазия студентов проявила себя наиболее ярко, и они, зачастую, предлагали полярные варианты: сократить количество предметов до минимума – ввести много ненужных предметов; ввести строгий контроль преподавателей и студентов – разрешить преподавателям и студентам не приходить или опаздывать на пары; запретить внеучебную деятельность – ставить внеучебную деятельность выше учебного процесса (заставлять заниматься ею) и т.д.

Таблица 2. *Наиболее распространенные предложения «диверсий» руководства учебным процессом*

№	Диверсии	Количество ответов
1	Разрешить преподавателям и студентам не приходить на занятия (свободное посещение)	14
2	Разрешить брать взятки (коррупция) и преподавателям и администрации	11
3	Перегруженное (неудобное, неверное, некорректное) расписание	10
4	Поставить неквалифицированных преподавателей (некомпетентных)	8
5	Ухудшение условий обучения (мебель, интерьер, время, место обучения)	8
6	Сократить число занятий (перевести студентов на самостоятельное обучение; убрать все предметы, которые напрямую не относятся к специальности)	7
7	Подрывать авторитет преподавателя (ввести строгий контроль преподавателей)	5

После обработки и анализа предложенных диверсий, мы перешли ко второму этапу нашего исследования – оценки выраженности самых актуальных недостатков в учебном процессе УИУ РАНХиГС. Было решено остановиться на проблемах со стороны организации учебного процесса (руководства) и преподавателей, так как это факторы, влияющие на учебный процесс со стороны ВУЗа.

При анализе организации учебного процесса студентам было предложено оценить выраженность пяти недостатков организации учебного процесса в УИУ РАНХиГС по 10-ти бальной шкале (0 – недостаток отсутствует, 10 – максимальное его проявление). После обработки всех анкет, по каждому показателю вычислялось среднее значение (Таблица 3). Средний показатель по всем параметрам 3,09 – 30,9 % (проценты вычислялись от максимального проявления – 10 баллов), что выше, чем в аналогичном исследовании Пермского филиала ВШЭ (23,9 %) [3, 8]. Наибольшие нарекания вызывает расписание занятий (85,5 %), так же многие отмечают плохие условия обучения (41,1 %). Радует, что большинство студентов полагают, что в ВУЗе не разрешено брать взятки (только 6,8 % ответили положительно).

Таблица 3. *Выраженность недостатков организации учебного процесса в УИУ РАНХиГС*

№	Недостаток	Степень выраженности (среднее в натуральных числах)	Степень выраженности (среднее в %)
1	Разрешить преподавателям и студентам не приходиться на занятия (свободное посещение)	1,13	11,3 %
2	Разрешить брать взятки (коррупция) и преподавателям, и администрации	0,68	6,8 %
3	Перегруженное (неудобное, неверное, некорректное) расписание	8,55	85,5 %
4	Поставить неквалифицированных (некомпетентных) преподавателей	2,13	21,3 %
5	Плохие условия обучения (мебель, техника, интерьер, время, место обучения)	4,11	41,1 %

После оценки организации учебного процесса студентам была предложена таблица с 22-мя учебными дисциплинами, которые проходили у них в течение трёх семестров. Выбор для оценки названий учебных дисциплин был обусловлен попыткой соблюсти этическую сторону исследования и не заставлять студентов оценивать конкретных преподавателей. Студенты анализировали выраженность шести недостатков в рамках каждой учебной дисциплины по 10-ти бальной шкале (0 – недостаток отсутствует, 10 – максимальное его проявление). После обработки всех анкет, по каждому показателю здесь также вычислялось среднее значение (Таблица 4).

Таблица 4. *Схема таблицы для оценки выраженности недостатков преподавания в рамках конкретных предметов*

Дисциплина/ Недостаток	Преподаватель некомпетентен (не знает предмет и не умеет его донести)	Только теория (не отрабатывая на практике)	Нет проверки знаний	Свободное посещение	Преподаватель ведёт себя агрессивно, неадекватно, предвзято	У преподавателя низкая творческая активность (рассказывает и ведёт пары неинтересно)
Дисциплина1	0,66	1,80	1,10	1,31	0,65	2,50
Дисциплина2	0,70	1,44	0,68	1,15	0,80	2,23
ДисциплинаN	0,60	1,53	1,20	0,80	0,80	2,20
Среднее	0,65	1,59	0,99	1,09	0,75	2,31

Студенты достаточно высоко оценили компетентность тех преподавателей, которые вели, или ведут у них дисциплины. Самый лучший рейтинг дисциплины – 0,04, худший рейтинг – 1,60. Среднее значение по всем дисциплинам 0,65 (6,5 %). Интересно, что при оценке руководства ВУЗа такой недостаток как «Поставить неквалифицированных (некомпетентных) преподавателей», был оценён существенно выше (почти в три раза) – 2,13 (21,3 %). По нашему мнению, здесь сыграло свою роль эмоциональное восприятие персоналий конкретных преподавателей.

Выраженность такой проблемы как подача материала только в теоретическом виде и отсутствие практики по предмету несколько выше предыдущей. Лучший рейтинг дисциплины – 0,09, худший рейтинг – 3,19. Среднее значение по всем дисциплинам 1,59 (15,9 %). Как нам кажется, данный недостаток вызвал затруднение при оценке, т.к. есть теоретические предметы, которые трудно отрабатывать на практике (философия, история), а есть педагогическая манера преподавателя, дающего теорию и не умеющего проиллюстрировать применение предмета на практике.

Отсутствие проверки знаний не очень свойственно для УИУ РАНХиГС. Лучший рейтинг дисциплины – 0,13, худший рейтинг – 1,91. Среднее значение по всем дисциплинам 0,99 (9,9 %).

Свободное посещение – ещё одна проблема, волнующая студентов. Лучший рейтинг дисциплины – 0,15, худший рейтинг – 2,13. Среднее значение по всем дисциплинам 1,09 (10,9 %).

Существенно варьируются результаты по дисциплинам в проблеме некорректного (агрессивного, неадекватного, предвзятого) поведения преподавателей. Лучший рейтинг дисциплины – 0, худший рейтинг – 2,75. Среднее значение по всем дисциплинам 0,75 (7,5 %).

Хуже всего обстоит дело с творческой активностью преподавателя (рассказывает и ведёт пары не интересно, не интересуется своим предметом). Лучший рейтинг дисциплины – 0,11, худший рейтинг – 5,04. Среднее значение по всем дисциплинам 2,31 (23,1 %).

Лучший рейтинг дисциплины по всем проблемам – 0,23, худший рейтинг – 2,19. Среднее значение по всем дисциплинам и всем проблемам 1,23 (12,3 %), что составляет достаточно неплохой результат в оценке преподавателей. Студенты оказались весьма лояльны к своим преподавателям и оценили их деятельность выше, нежели организацию учебного процесса со стороны руководства. Мы можем поставить под сомнение их объективность и компетентность, но множество идентичных оценок в любом случае выражают некую тенденцию т.к. обращают внимание на существующие проблемы.

Выводы

В результате проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

- продемонстрированы возможности применения диверсионного анализа для оценки учебного процесса;
- выявлены некоторые проблемы процесса образования в УИУ РАНХиГС с точки зрения студентов;
- исследователи получили возможность обратной связи от студентов, их видение и восприятие учебного процесса и конкретных дисциплин.
- исследование вызвало интерес и активность со стороны студентов, они почувствовали себя важными участниками процесса образования.

В заключение можно отметить необходимость донесения результатов исследования до руководства академии и разработки совместных рекомендаций по устранению выявленных недостатков. А также возможное повторение данного исследования через год, для оценки трансформации существующих проблем в динамике. Кроме того, представляется интересным дополнить данную методику использованием диверсионного анализа для оценки проблем ВУЗа с точки зрения преподавателей.

Библиографический список

- [1] Болотов В.А. Прошлое, настоящее и возможное будущее российской системы оценки качества образования // Вопросы образования. – 2018. – № 3. – С. 287-297.
- [2] Грудева М.И., Димитрова Й.С. Стратегические направления повышения профессионализма преподавателей высших учебных заведений // Образование и саморазвитие. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 59-65.
- [3] Цирульников А.М. Феномены и культурные практики: формальное и неформальное образование в контексте социокультурного подхода // Вопросы образования. – 2016. – № 3. – С. 260-275.
- [4] Сизов С.Д., Сизова Ю.С. Н. Wells, his futurism and not only // Научно-методический электронный журнал Концепт. - 2015. - Т. 25. - С. 121-125.

- [5] Galvin C. Values, Imaginaries and Policy-Making for Teacher Education: insights from researching the Russian Federation context of reform, 2000-17 // Образование и саморазвитие. – 2018. – Том 13, № 3. – С. 25-39.
- [6] Наследов А.Д., Защирина О.В. Феномен педагогической перцепции в контексте коммуникативного развития ученика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2008. – № 4. – С. 252-261.
- [7] Костромина С.Н., Медина Бракамонте Н.А., Защирина О.В. Современные тенденции педагогической психологии и психологии образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2016. – № 1. – С. 109-117.
- [8] Kaplan S., Visnepolschi S., Zlotin B., Zusman A. New Tools For Failure & Risk Analysis // An Introduction to Anticipatory Failure Determination (AFD) and The Theory of Scenario Structuring. – Oslo: Ideation International Inc., 1999. – P. 15-29.
- [9] Злотин Б.Л., Зусман А.В. Решение исследовательских задач. Кишинев: МНТЦ «Прогресс, Картя Молдовеняскэ», 1991. – 204 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trizway.com/content/zlotin%20reshenie.pdf> (дата обращения: 23.11.2018)
- [10] Althsuller G.S., Vertkin I.M. How to become a genius: the life strategy of a creative person. – Minsk: Belarus, 1994. – P. 18-23.
- [11] Байtimiрова Г.Ф. Диверсионный анализ как средство оценки надежности программных продуктов и проектов // Молодой ученый. – 2014. – №21. – С. 11-13.
- [12] Нилов А.П. Применение диверсионного анализа при верификации концепций [Электронный ресурс]. Доклады на конференции "MATRIZ Fest 2005. – Режим доступа: <http://www.metodolog.ru/00478/00478.html> (дата обращения: 23.11.2018).
- [13] Даниловский Ю. Диверсионный анализ. Обзор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.metodolog.ru/01282/01282.html> (дата обращения: 01.03.2019).
- [14] Плаксин М.А. Применение диверсионного анализа для совершенствования образовательного процесса. [Электронный ресурс]. Национальный исследовательский институт ВШЭ (Пермский филиал). 2013.– Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/117626879>. (дата обращения: 23.11.2018)

References

- [1] Bolotov, V.A. (2018). Past, present and possible future of the Russian education quality assessment system. *Education Issues*, 3, 287-297.
- [2] Grudeva, M.I., & Dimitrova, Y.S. (2018). Strategic directions of improving the professionalism of teachers of higher educational institutions. *Education and Self-Development*, 13(3), 59-65
- [3] Tsirolnikov, A.M. (2016). Phenomena and cultural practices: formal and non-formal education in the context of a socio-cultural approach. *Education Issues*, 3, 260-275.
- [4] Sizov, S.D., & Sizova, Yu.S. (2015). H. Wells, his futurism and not only. *Scientific-Methodical Electronic Journal "Concept"*, 25, 121-125.
- [5] Galvin, C. (2018). Values, Imaginaries and Policy-Making for Teacher Education: insights from researching the Russian Federation context of reform, 2000-17. *Education and Self-Development*, 13(3), 25-39.
- [6] Nasledov, A.D., & Zashchirinskaia, O.V. (2008). The phenomenon of pedagogical perception in the context of student communication. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 4, 252-261.
- [7] Kostromina, S.N., Medina Bracamonte, N.A., & Zashchirinskaia, O.V. (2016). Current trends in educational and educational psychology. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 1, 109-117.

- [8] Kaplan, S., Visnepolschi, S., Zlotin, B., & Zusman, A. (1999). New Tools for Failure & Risk Analysis. In *An Introduction to Anticipatory Failure Determination (AFD) and The Theory of Scenario Structuring* (pp. 15-29). Oslo: Ideation International Inc.
- [9] Zlotin, B.L., & Zusman, A.V. (1991). *The solution of research problems. Kishinev: MNTTS "Progress, Kartya Moldovenyaskе"*. Retrieved from <https://trizway.com/content/zlotin%20reshenie.pdf>
- [10] Althsuller, G.S., & Vertkin, I.M. (1994). *How to become a genius: the life strategy of a creative person*. Minsk: Belarus.
- [11] Baytimirova, G.F. (2014). Sabotage analysis as a means of assessing the reliability of software products and projects. *Young Scientist*, 21, 11-13.
- [12] Nilov, A.P. (2015). The use of sabotage analysis in the verification of concepts. *Reports at the conference "MATRIZ Fest 2005"*. Retrieved from <http://www.metodolog.ru/00478/00478.html>.
- [13] Danilovskiy, Yu. *Subversive analysis. Overview*. Retrieved from <https://www.metodolog.ru/01282/01282.html>.
- [14] Plaksin, M.A. (2003). *The use of sabotage analysis to improve the educational process. National Research Institute of the Higher School of Economics (Perm branch)*. Retrieved from <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/117626879>.

Получена / Submitted: 15/01/2019

Доработана / Revised: 13/02/2019

Принята / Accepted: 27/02/2019

УДК 316.4

ДОВЕРИЕ РОДИТЕЛЕЙ К СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нина Васильевна Шаброва¹

¹Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Е. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены результаты эмпирического исследования доверия родителей студентов Уральского федерального округа к системе высшего образования. Уровень доверия родителей проанализирован сквозь призму институционального и межобщностного доверия. Институциональное доверие трактуется как основанное на устойчивых ожиданиях отношении к институту высшего образования в целом, его структурам, организациям, нормам и идеологии со стороны тех, кто уже в него реально включен. Межобщностное доверие понимается как социальное взаимодействие образовательных общностей в вузах, ориентированное на достижение взаимно ожидаемых результатов во всех сферах совместно осуществляемой деятельности. Проверяется гипотеза о влиянии социально-демографических характеристик родителей, их информированности о системе российского высшего образования и удовлетворенности различными аспектами образования детей-студентов на доверие к системе высшего образования. Делаются выводы: 1) о низком уровне родительского доверия образовательной политике РФ в отношении высшей школы, что отчасти компенсируется доверительным отношением к вузам и преподавателям; 2) о том, что ключевым фактором, влияющим на доверительное отношение к элементам системы высшего образования, является удовлетворенность родителей различными аспектами образования их детей-студентов.

Ключевые слова: институциональное доверие, межобщностное доверие, родители, студенты, преподаватели вузов, высшее образование.

The Parents Trust to the System of Higher Education

Nina V. Shabrova¹

¹Department of Sociology and Technology State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. In the article the results of empirical research of the trust of parents of students of the Ural Federal district to the system of higher education. The level of trust of parents is analyzed through the prism of institutional and inter-community trust. Institutional trust is interpreted as an attitude based on stable expectations of the attitude to the Institute of higher education in general, its structures, organizations, norms and ideology on the part of those who are already included in it. Inter-community trust is understood as the social interaction of educational communities in universities, aimed at achieving mutually expected results in all areas of joint activities. The hypothesis of the influence of socio-demographic characteristics of parents, their awareness of the system of Russian higher education and satisfaction with various aspects of education of children-students on the trust in the system of higher education is tested. Conclusions: 1) the low level of parental trust in the educational policy of the Russian Federation in relation to higher education, which is partly offset by the trust in universities and university professors; 2) that the key factor influencing the trust to the elements of the higher education system is the satisfaction of parents with various aspects of education of their children-students.

Keywords: institutional trust, inter-community trust, parents, students, university professors, higher education.

Введение

Доверие родителей к высшему образованию является важным условием его функционирования и развития. Доказательством тому служат несколько обстоятельств. Во-первых, родители, являясь агентами первичной социализации, формируют у детей систему норм поведения и отношение к ним. Соответственно, родительское доверие социальным институтам общества (в том числе и институту высшего образования), обеспечивающее социальную стабильность, безопасность общества и социальную активность граждан [1], транслируется детям [2].

Во-вторых, родители способствуют формированию у детей системы ценностей, установок на получение знаний посредством высшего образования. Трансляция родителями такой установки, на наш взгляд, ориентирует молодежь на инвестиции в их человеческий капитал, без которого невозможно инновационное социально-экономическое развитие страны и ее регионов [1; 3]. Так, исследование, проведенное сотрудниками Института социологии РАН под руководством И.Ф. Дементьевой, показало высокий уровень совпадений в ответах старшеклассников и их родителей о высшем образовании: если родители полагают, что «высшее образование не определяет успеха в жизни», то и дети придерживаются данной позиции [4].

Важно подчеркнуть, что за последние годы понимание родителями необходимости наличия высшего образования для их детей осознается гораздо сильнее, чем в начале 1990-х. Так, если в 1991 г. 20 % опрошенных было безразлично, какой уровень образования получит их ребенок, то в 2016 г. так сказали только 9 %. Своих детей и внуков большинство россиян (81 %) хотели бы видеть выпускниками вузов, причем за четверть века эта доля выросла почти в полтора раза (с 53 %) [5].

В-третьих, удовлетворенность родителей качеством образования, получаемого их детьми в российских вузах, выступает основой общественного мнения и доверия родителей к университетам, российскому высшему образованию в целом. Полагаем, что косвенным признаком снижения доверия родителей к качеству российского высшего образования является увеличение количества российских студентов, обучающихся в зарубежных вузах. Желание получить образование в лучших отечественных вузах (в этот список, по данным правительства Москвы и российских экспертов в области высшего образования, входят 50 российских учебных заведений) в 2017 г. по сравнению с 2016 г. упало на 15 %, а стремление обучаться, например, в университетах Великобритании и США увеличилось на 13 % [6].

Целью данной статьи является анализ доверия родителей студентов к системе высшего образования. В качестве гипотезы рассматривалось влияние на доверие родителей таких факторов, как: 1) социально-демографические характеристики родителей (пол, семейное положение, уровень образования, материальное положение, возраст, сфера деятельности, социальный статус, область проживания, тип города проживания родителя и тип вуза, в котором обучается ребенок); 2) информированность родителей о системе российского высшего образования (например, о вузах, специальностях и качестве высшего образования в региональных и столичных вузах); 3) удовлетворенность родителей различными аспектами образования их ребенка-студента (например, качеством и содержанием получаемого образования, организацией учебной, самостоятельной, научно-исследовательской работы, характером коммуникаций с преподавателями).

Обзор литературы

Методология исследования доверия в системе высшего образования строится на общих концепциях доверия как социального феномена, разработанных Н. Луманом [7], Ф. Фукуямой [8], П. Штомпкой [9], А. Селигменом [10]. Н. Луман одним из первых

проанализировал доверие как актуальный ресурс современного нестабильного, высоко рискованного общества, а У. Бек, Э. Гидденс и С. Лэш развили его идеи [11]. Ф. Фукуяма показал значимость доверия для функционирования экономических систем. П. Штомпка, трактовавший доверие как культурный ресурс, позволяющий минимизировать риски современного общества, ввел в оборот понятие «культуры доверия». А. Селигмен обратил внимание на доверие как необходимую основу любых общественных отношений, особенно в долгосрочной перспективе.

Изучение проблем доверия в высшем образовании еще не достаточно актуализировано в научной литературе, тем не менее, существуют интересные работы в данном направлении. Д. Хелиуэл и Р. Патнем, например, выявили влияние уровня образования американских граждан на их политическую и социальную активность [12]. Л. Занин показал позитивное воздействие образования на качество жизни и формирование социального доверия в обществе [13]. А.Ф. Матушак изучила понятие и структуру культуры доверия, особенности этого феномена в сфере взаимодействия участников образовательного процесса [14]. Г.Е. Зборовский проанализировал структуру доверия в высшем образовании и выделил внешнюю структуру, предполагающую выявление видов доверия в системе высшего образования, и внутреннюю – элементов доверия в каждом из этих видов [15].

Наибольший интерес у исследователей вызывает изучение в вузе проблем межличностного доверия и доверия между образовательными общностями [16–19]. Вместе с тем, как показывает анализ научной литературы, доверие родителей как образовательной общности к системе высшего образования, особенно в России, остается малоизученным [20]. Чаще всего ученые концентрируют свое внимание на анализе доверия родителей к системе общего образования [21–25]. Доверие же родителей к системе высшего образования анализируется, прежде всего, сквозь призму их установок и отношений к высшему образованию на этапе выбора детьми будущей профессии, вуза [26–28].

Материалы и методы

Эмпирической базой статьи стали результаты массового опроса родителей студентов, проведенного нами в мае 2018 года. Были опрошены родители, проживающие в более, чем 50 населенных пунктах (от сел до городов-«миллионников»), чьи дети обучаются в 13 вузах Уральского федерального округа (УрФО) различного типа. Объем выборочной совокупности составил 452 человека, выборка целевая.

Для изучения факторов, влияющих на позитивность оценки родителями институционального и межобщностного доверия, мы провели корреляционный анализ. В качестве групп факторов были выбраны: 1) социально-демографические факторы; 2) информированность родителей о системе российского высшего образования; 3) удовлетворенность родителей различными аспектами образования их ребенка-студента.

В ходе исследования мы замерыли у родителей два вида доверия – институциональное и межобщностное. Институциональное доверие трактовалось нами как основанное на устойчивых ожиданиях отношении к институту высшего образования в целом, его структурам, организациям, нормам и идеологии со стороны тех, кто уже в него реально включен. Межобщностное доверие в высшем образовании понималось как социальное взаимодействие образовательных общностей в вузах, ориентированное на достижение взаимно ожидаемых результатов во всех сферах совместно осуществляемой деятельности [15].

Для статистического анализа информации были использованы частотный, корреляционный методы и метод кростабуляции (сопряжения). Частотный анализ позволил изучить структуру распределения мнений родителей относительно уровня институционального и межобщностного доверия. Корреляционный метод дал возможность

посредством расчета показателей наличия (Хи-квадрат) и тесноты связи (коэффициент Крамера) выявить взаимосвязь между изучаемыми показателями. Метод кростабуляции (сопряжения) позволил проинтерпретировать структуру связи между переменными. В качестве существенных были приняты связи, которые имели асимптотическую значимость (2-стороннюю) $< 0,05$.

Результаты и обсуждение

Институциональное доверие мы проанализировали через вопрос об уровне доверительного отношения к образовательной политике, реализуемой в настоящее время на федеральном уровне, и отношении к высшим учебным заведениям, а межобщностное доверие – через уровень доверительного отношения родителей к своим детям-студентам и вузовским преподавателям.

Как видно из таблицы 1, меньше всего родители демонстрируют доверие образовательной политике, реализующейся в отношении высшей школы. Доверяет ей около трети опрошенных родителей – 37 % (индекс доверия 0,03). Больше доверия родители проявляют к высшим учебным заведениям – 66 % опрошенных (индекс доверия 0,50). Преподавателям вузов и своим детям доверяет 64 % и 94 % респондентов соответственно (индекс доверия преподавателям 0,51, а детям-студентам – 0,91).

Таблица 1. Родители студентов о доверии к образовательной политике, реализуемой в стране, к вузам и к субъектам образовательной деятельности (в % от числа опрошенных по строкам)

Испытываете ли Вы доверие к...	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить	Индекс доверия
Образовательной политике РФ в отношении высшей школы	36,9	33,7	29,4	0,03
Высшим учебным заведениям	66,3	16,6	17,1	0,50
Преподавателям вузов	63,7	13,2	23,1	0,51
Своим детям	93,6	3,0	3,4	0,91

Примечание: Индекс доверия рассчитан как условная средняя по порядковой шкале, колеблется в границах от -1 до +1.

Полученные результаты свидетельствуют о достаточно низком уровне институционального доверия высшей школе, той образовательной политике, которая реализуется в настоящее время. Это связано, на наш взгляд, с теми процессами реформирования, которые переживает современная высшая школа. Большинство родителей не понимают целей и задач данных реформ, их ожидания расходятся с планами и результатами обучения их детей. Так, по данным нашего исследования, почти 62 % опрошенных родителей обеспокоены сокращением числа бюджетных мест в вузах, а 54 % – сложностями трудоустройства после окончания высших учебных заведений.

Для изучения факторов, влияющих на позитивность оценки родителями институционального и межобщностного доверия, мы провели корреляционный анализ. В качестве групп факторов были выбраны: 1) социально-демографические факторы; 2) информированность родителей о системе российского высшего образования; 3) удовлетворенность родителей различными аспектами образования их ребенка-студента.

В результате мы выявили несколько особенностей, обуславливающих доверие родителей к системе высшего образования. Во-первых, исследование показало отсутствие значимых взаимосвязей между социально-демографическими характеристиками родителей и уровнем их доверия к образовательной политике РФ в отношении высшей школы. Вообще, следует отметить, что замеренные нами социально-демографические характеристики практически не оказывают влияние на доверие и высшим учебным заведениям, и преподавателям. Единственной социально-демографической

характеристикой родителей, хоть и слабо, но влияющей на доверие к вузам, стал возраст родителей. Чем старше родители, тем меньше они доверяют вузам (коэффициент Крамера равен 0,157).

Во-вторых, изучение информированности родителей о системе российского высшего образования дало возможность прийти к выводу об обратно пропорциональной связи между доверием к образовательной политике РФ и степенью информированности родителей о качестве высшего образования в столичных вузах: чем выше информированность родителей, тем ниже уровень доверия к образовательной политике РФ (коэффициент Крамера равен 0,300). Других значимых корреляций между доверием родителей и их информированностью о системе высшего образования выявлено не было.

В-третьих, мы проанализировали взаимосвязь между доверием родителей к системе высшего образования и степенью удовлетворенности различными аспектами образования их детей-студентов (качеством и содержанием получаемого образования, организацией учебной, самостоятельной, научно-исследовательской работы, характером коммуникаций с преподавателями). Выяснилось, что данная группа факторов является наиболее значимой для доверительного отношения родителей к системе высшего образования. Как видно из таблицы 2, удовлетворенность родителей содержанием и качеством образования, получаемого их детьми, организацией учебного процесса, самостоятельной и научно-исследовательской работой в вузе оказывает влияние и на институциональное, и на межобщностное доверие. Важно подчеркнуть, что эта связь прямопропорциональная, то есть чем больше родители удовлетворены данными аспектами обучения их ребенка в вузе, тем выше уровень доверия ко всем элементам системы высшего образования. Кроме того, из таблицы 2 видно, что сильнее эта взаимосвязь проявляется на уровне межобщностного доверия.

Важной, с нашей точки зрения, стала выявленная в ходе корреляционного анализа достаточно тесная взаимосвязь между всеми видами замеренного нами доверия, то есть доверие к преподавателям выступает значимым фактором доверия к высшим учебным заведениям (коэффициент Крамера равен 0,627) и к образовательной политике РФ в отношении высшей школы (коэффициент Крамера равен 0,325).

Таблица 2. *Влияние удовлетворенности родителей студентов различными аспектами обучения их детей в вузе на доверие к образовательной политике РФ в отношении высшей школы, к высшим учебным заведениям и к преподавателям вузов*

Удовлетворенность родителей аспектами обучения ребенка-студента в вузе	Доверие к образовательной политике РФ в отношении высшей школы	Доверие к высшим учебным заведениям	Доверие к преподавателям вузов
Содержанием получаемого образования	0,317	0,395	0,463
Качеством образования	0,276	0,330	0,411
Организацией учебного процесса	-	-	0,446
Организацией самостоятельной работы	-	-	0,296
Организацией научно-исследовательской работы	-	0,286	0,344
Характером взаимодействия с преподавателями	-	0,327	0,345

Примечание: В таблице представлены результаты расчета коэффициента Крамера.

Выводы

В современном высоко рискованном обществе доверие является одним из базовых условий эффективных социальных взаимоотношений и важнейшим ресурсом, помогающим придать повседневной жизни предсказуемость и определенность. Доверие может проявляться во всех институтах, системах и сферах жизнедеятельности. Не является исключением и высшее образование.

Исследования в данной области (доверия в высшем образовании) находятся на этапе конституирования. Несмотря на возрастающий интерес ученых к изучению институционального и межобщностного доверия в вузе, их внимание к проблеме доверия родителей к системе высшего образования и факторам, влияющим на него, еще недостаточно сформировалось, особенно в России. Вместе с тем полагаем, что изучение доверия родителей к системе высшего образования является важным направлением научного поиска. Оно обусловлено тем, что родители заинтересованы в получении их детьми качественного высшего образования, они непосредственно вовлечены в образовательную деятельность своих детей-студентов и способны влиять на выбор их образовательной траектории (в том числе посредством материальной поддержки).

Проведенное нами эмпирическое исследование позволило в определенной мере преодолеть эту знаниевую лагуну: мы смогли оценить уровень доверия родителей студентов УрФО к системе высшего образования и выделить значимые факторы, влияющие на него.

В результате анализа мы пришли к выводу о том, что низкий уровень родительского доверия образовательной политике РФ (как аспекту институционального доверия) отчасти компенсируется доверительным отношением к вузам и преподавателям. Среди замеренных нами групп факторов, влияющих на доверительное отношение к элементам системы высшего образования, ключевым является удовлетворенность родителями различными аспектами образования их детей-студентов. Все это позволяет прийти к выводу о том, что убежденность родителей в искренности, добросовестности тех, кто несет ответственность за выполнение своих функций и социальных ролей по организации и осуществлению образовательного процесса, формирует у них удовлетворенность и, как результат, доверие. Это обстоятельство, на наш взгляд, во многом определяет состояние и перспективы развития всего института высшей школы и конкретных образовательных организаций и может быть рассмотрено в качестве механизма поддержания и повышения доверия российскому высшему образованию.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

Библиографический список

- [1] Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. – 2009. – Том 1, №1. – С. 20-35.
- [2] Bahry D., Kozyreva P. Family socialization, trust and change: Evidence from Russia // Comparative Sociology. –2018. – Vol. 17 (3-4). – P. 261-278.
- [3] White E.S., Mistry R.S. Parent Civic Beliefs, Civic Participation, Socialization Practices, and Child Civic Engagement // Applied Developmental Science. – 2016. – Vol. 20(1). – P. 44-60.

- [4] Дементьева И.Ф. Механизмы социализации детей в семье // *Общество и право*. – 2003. – №1. – С. 58-65.
- [5] Система образования в России: 1991-2016. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556> (дата обращения 25.11.2018).
- [6] Российские студенты всё чаще выбирают обучение за границей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.info/rossiyskie-studenty-vsyo-chasche-vybirayut-obuchenie-za-granitsey.html> (дата обращения 25.05.2018).
- [7] Luhman N. *Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexitat*. – Stuttgart: Enke, 1968. – 105 p.
- [8] Фукуяма Ф. *Социальные добродетели и путь к процветанию*. – Москва: АСТ, 2006. – 730 с.
- [9] Штомпка П. *Доверие – основа общества*. – Москва: Логос, 2016. – 440 с.
- [10] Селигмен А. *Проблема доверия*. – Москва: Идея-Пресс, 2002. – 200 с.
- [11] Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization*. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 233 p.
- [12] Helliwell J.F., Putnam R.D. *Education and social capital* // *Eastern Economic Journal*. – 2007. – Vol. 33, No1. – P. 1–19.
- [13] Zanin L. *Education and life satisfaction in relation to the probability of social trust: a conceptual framework and empirical analysis* // *Social Indicators Research*. – 2017. – Vol.132, No 2. – P. 925–947.
- [14] Матушак А.Ф. Прогнозирование культуры доверия участников образовательного процесса в высшем профессиональном образовании // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. – 2015. – Вып. 5. – С. 120–125.
- [15] Зборовский Г.Е. Понятие и структура доверия в высшем образовании // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2018. – № 2. – С. 78–84.
- [16] Hendry G.D., Hyde S.J., Davy P. *Independent student study groups* // *Medical Education*. – 2005. – Vol. 39, No 7. – P. 672–679.
- [17] Malin J.R., Hackmann D.G. *Mentoring as Socialization for the Educational Leadership Professoriate: A Collaborative Autoethnography* // *Mentoring & Tutoring*. – 2016. – Vol. 24, No 2. – P. 158–178.
- [18] Gawley T. *University administrators as information tacticians: Understanding transparency as selective concealment and instrumental disclosure* // *Symbolic Interaction*. – 2008. – Vol. 31, No 2. – P. 183–204.
- [19] Абрамов Р.Н. Менеджеризм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // *Социологические исследования*. – 2011. – № 7. – С. 37–47.
- [20] Шаброва Н.В. Проблема измерения доверия в сфере высшего образования // *Социология образования*. – 2018. – №4. – С. 79-91.
- [21] Лисник В.И. Проведение родительских собраний онлайн как инструмент повышения доверия к системе московского образования // *Управленческие науки в современном мире*. – 2017. – Т. 1. – С. 653-658.
- [22] Донских О.А., Захир Ю.С., Микиденко Н.Л. Доверие школе как критерий оценки качества образования // *Сибирский педагогический журнал*. – 2015. – №5. – С. 171-177.
- [23] Щипанова И.А. Современные особенности педагогического взаимодействия учителей и родителей // *Педагогическое образование в России*. – 2016. – №4. – С. 147-152.
- [24] Strier M., Katz H. *Trust and parents' involvement in schools of choice* // *Educational Management Administration and Leadership*. – 2014. – Vol. 44, No 3. – P. 363-379.

- [25] Schweizer A., Niedlich S., Adamczyk J., Bormann I. Approaching trust and control in parental relationships with educational institutions // *Studia Paedagogica*. – 2017. – Vol. 22, No 2. – P. 97-115.
- [26] Саралиева З.Х.-М., Кутявина Е.Е. Голос детей и детский взгляд на взрослые проблемы // *Социологические исследования*. – 2018. – №3. – С. 70-76.
- [27] Костромина С.Н., Медина Бракамонте Н.А., Заширинская О.В. Современные тенденции педагогической психологии и психологии образования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. – 2016. – № 1. – С. 109-117.
- [28] Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – Москва: ЦСП и М, 2014. – 548 с.

References

- [1] Sasaki, M., Davydenko, V.A., Latov, Yu.V., Romashkin, G.S., & Latova, N.V. (2009). Problems and paradoxes of institutional trust as an element of the social capital of modern Russia. *Journal of Institutional Research*, 1(1), 20-35.
- [2] Bahry, D., & Kozyreva, P. (2018). Family socialization, trust and change: Evidence from Russia. *Comparative Sociology*, 17 (3-4), 261-278.
- [3] White, E.S., & Mistry, R.S. (2016). Parent Civic Beliefs, Civic Participation, Socialization Practices, and Child Civic Engagement. *Applied Developmental Science*, 20(1), 44-60.
- [4] Dementieva, I.F. (2003). Mechanisms of socialization of children in the family. *Society and Law*, 1, 58-65.
- [5] Education system in Russia: 1991-2016. Press release VTsIOM number 3022. Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556>.
- [6] Russian students are increasingly choosing to study abroad. Retrieved from <http://www.inosmi.info/rossiyskie-studenty-vsyo-chasche-vybirayut-obuchenie-za-granitsey.html>.
- [7] Luhman, N. (1968). *Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexitat*. Stuttgart: Enke.
- [8] Fukuyama, F. (2006). *Social virtues and the path to prosperity*. Moscow: AST.
- [9] Shtompka, P. (2016). *Trust is the basis of society*. Moscow: Logos.
- [10] Seligman, A. (2002). *Trust issue*. Moscow: Idea-Press.
- [11] Beck, U., Giddens, A., & Lash, S. (1994). *Reflexive Modernization*. Cambridge: Polity Press.
- [12] Helliwell, J.F., & Putnam, R.D. (2007). Education and social capital. *Eastern Economic Journal*, 33(1), 1–19.
- [13] Zanin, L. (2017). Education and life satisfaction in relation to the probability of social trust: a conceptual framework and empirical analysis. *Social Indicators Research*, 132(2), 925–947.
- [14] Matushak, A.F. (2015). Prediction of the culture of trust of participants in the educational process in higher vocational education. *Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University*, 5, 120–125.
- [15] Zborovsky, G.E. (2018). The concept and structure of trust in higher education. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2, 78–84.
- [16] Hendry, G.D., Hyde, S.J., & Davy, P. (2005). Independent student study groups. *Medical Education*, 39(7), 672–679.
- [17] Malin, J.R., & Hackmann, D.G. (2016). Mentoring as Socialization for the Educational Leadership Professoriate: A Collaborative Autoethnography. *Mentoring & Tutoring*, 24(2), 158–178.
- [18] Gawley, T. (2008). University administrators as information tacticians: Understanding transparency as selective concealment and instrumental disclosure. *Symbolic Interaction*, 31(2), 183–204.

- [19] Abramov, R.N. (2011). Management and academic profession. Conflict and interaction. *Sociological Studies*, 7, 37–47.
- [20] Shabrova, N.V. (2018). The problem of measuring trust in higher education. *Sociology of Education*, 4, 79-91.
- [21] Lisnik, V.I. (2017). Online parental meetings as a tool to increase confidence in the Moscow education system. *Management Sciences in the Modern World*, 1, 653-658.
- [22] Donskikh, O.A., Zakhir, Yu.S., & Mikidenko, N.L. (2015). Trust in school as a criterion for assessing the quality of education. *Siberian Pedagogical Journal*, 5, 171-177.
- [23] Shchipanova, I.A. (2016). Modern features of pedagogical interaction of teachers and parents. *Pedagogical Education in Russia*, 4, 147-152.
- [24] Strier, M., & Katz, H. (2014). Trust and parents' involvement in schools of choice. *Educational Management Administration and Leadership*, 44(3), 363-379.
- [25] Schweizer, A., Niedlich, S., Adamczyk, J., & Bormann, I. (2017). Approaching trust and control in parental relationships with educational institutions. *Studia Paedagogica*, 22 (2), 97-115.
- [26] Saraliev, Z. H.-M., & Kutyavina, E.E. (2018). Children's voice and children's perspective on adult issues. *Sociological Studies*, 3, 70-76.
- [27] Kostromina, S.N., Medina Bracamonte, N.A., & Zashchirinskaia, O.V. (2016). Current trends in educational and educational psychology. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 1, 109-117.
- [28] Konstantinovskiy, D.L., Voznesenskaya, E.D., & Cherednichenko, G.A. (2014). *Russian youth at the turn of the XX – XXI centuries: education, labor, social well-being*. Moscow: TSSP & M.

Получена / Submitted: 10/01/2019

Доработана / Revised: 07/02/2019

Принята / Accepted: 20/02/2019

УДК 316.4(574)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОБЛЕМ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Валентина Павловна Шеломенцева¹, Жанат Калеловна Алтайбаева², Галия Мустапаевна Бейсембаева³, Сергей Владимирович Беспалый¹

¹*Кафедра бизнеса и управления, Инновационный Евразийский университет, Павлодар, Республика Казахстан*

²*Павлодарский государственный университет им. С.М. Торайгырова, Павлодар, Республика Казахстан*

³*Кафедра экономики, Киргизский гуманитарный университет, Бишкек, Республика Кыргызстан*

Аннотация. В статье рассмотрено отношение к проблемам гендерного равенства в Республике Казахстан государством, гражданами, институтами гражданского общества. Рассмотрены результаты реализации в Казахстане Стратегии гендерного равенства на период 2006 – 2016 годы. Авторами представлены в статье результаты социологического исследования по проблемам гендерного равенства. Согласно данным социологического исследования ситуация в Казахстане относительно реального равенства полов изменилась в лучшую сторону. Участие государства в обеспечении реального равенства полов оценивается положительно. Анализ результатов социологического исследования позволил выявить все еще существующие проблемы гендерного равенства в стране и предложить возможные пути их решения. Представляет научный и практический интерес идентификация проблем и возможные способы решения проблем гендерного равенства в Казахстане, что может быть использовано и в других странах.

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерная политика, гендерные отношения, социологический опрос, Республика Казахстан.

Identification of the Problems of Gender Equality in the Republic of Kazakhstan

Valentina P. Shelomentseva¹, Zhanat K. Altaibayeva², Galiya M. Beisembaeva³, Sergey V. Bepalyu¹

¹*Department of Business and Management, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic Kazakhstan*

²*S. Toraigyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Republic Kazakhstan*

³*Department of Economics, Bishkek Humanities University, Bishkek, Republic Kyrgyzstan*

Abstract. The article considers the attitude to the problems of gender equality in the Republic of Kazakhstan by the state, citizens, and civil society institutions. The results of the implementation in Kazakhstan of the Strategy for Gender Equality for the period 2006 – 2016 are considered. The authors presented in the article the results of a sociological study on the problems of gender equality. According to the sociological survey, the situation in Kazakhstan regarding real gender equality has changed for the better. State participation in ensuring real gender equality is evaluated positively. The analysis of the results of the sociological study allowed us to identify still existing problems of gender equality in the country and suggest possible ways to solve them. It is of scientific and practical interest to identify problems and possible solutions to problems of gender equality in Kazakhstan, which can be used in other countries.

Keywords: gender equality, gender policy, gender relations, sociological survey, Republic of Kazakhstan.

Введение

Казахстанское общество рассматривает гендерное равенство как составную часть общей концепции равенства. Достижение гендерного равенства является важным элементом

социально-экономического развития страны – его полноправной и самостоятельной целью. Конституция Республики Казахстан декларирует равные права и свободы для женщин и мужчин от рождения, которые являются абсолютными и неотчуждаемыми [1]. Гендерная политика Республики Казахстан (РК) развивается в соответствии с мировыми тенденциями. Отличительной особенностью развития гендерных отношений является то, что инициатором проектов выступает, в первую очередь, государство, которое принимает превентивные и опережающие меры. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что, несмотря на большую работу, проводимую государством, институтами гражданского общества, научные исследования по этому направлению, остается необходимость в выполнении исследований по проблеме гендерного равенства и определении путей ее решения.

Цель исследования – рассмотреть содержание результатов Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан и идентифицировать проблемы гендерного равенства в стране, которые могут быть решены в будущем. Задачи, поставленные в исследовании, были очень непростыми: определить основные достижения, проблемы и недостатки гендерного равенства, определить некоторые аспекты массового сознания в восприятии гендерной политики, выработать рекомендации по дальнейшим шагам в реализации гендерного равенства.

Интересы населения в решении гендерных проблем реализуются не только через государственные органы и политические партии. Большую роль в продвижении вопросов гендерного равенства играют неправительственные организации. Некоммерческий сектор (в Республике Казахстан больше известный как неправительственный), представленный в виде негосударственных фондов, некоммерческих учреждений, союзов (ассоциаций) юридических лиц, других организаций и инициативных групп нацелено на решение общественно-полезных задач, и реализует широкий спектр услуг для общества.

Материалы и методы

В современных условиях изучение и оценка гендерной политики все чаще основывается на использовании многоуровневых и сложных методов исследования. В англоязычной литературе отмечается, что применение смешанной методологии, сочетания качественных и количественных методов рекомендуется в многоэтапных исследованиях и ориентированных на изменение [2;3]. Смешанная методология может вывести на новые вопросы, расширить охват и границы исследования. Суламифь Рейнхарц (Shulamit Reinhartz) пишет, что исследователи проблем гендерного равенства сочетают многие методы для того, чтобы забросить свою сеть как можно дальше и шире в поисках понимания важных для жизни женщин проблем [4].

Способами и методами научного исследования явились:

- анализ статистической информации;
- аналогия при описании сходств исследования гендерного равенства (отечественный и зарубежный подходы);
- социологический опрос.

Методика исследований базируется на приемах анализа и синтеза при выявлении тенденций развития гендерного равенства. Амбициозность цели, масштабность задач потребовали комплексного подхода, смешанной стратегии и сочетания методов. Анализ основных результатов «Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы» производился согласно данным, предоставленным официальной статистикой. Авторами настоящей статьи проводился социологический опрос (2017 г.) в одной из областей Северо-Восточного Казахстана, цель которого заключалась в определении представлений и установок населения в отношении гендера, гендерной политики, гендерного равенства, статуса и проблем женщин. Республиканским общественным

объединением «Ассоциация деловых женщин Казахстана» проводился опрос в целом по стране.

При исследовании гендерных отношений особенно важны такие аспекты проблемы гендерного неравенства, как выявление закономерностей явлений гендерного неравенства, идентификация причин их возникновения, путей устранения сложившегося гендерного неравенства. Изучение гендерных отношений дает возможность представить комплексную картину ролевого поведения мужчин и женщин в разных сферах жизнедеятельности.

Результаты исследования гендерных отношений могут быть использованы при разработке и реализации государством гендерной политики; в гендерной статистике; при формировании концепций гендерной, семейной, демографической политики; при осуществлении гендерной экспертизы законодательства, средств массовой информации, учебников и учебно-методических материалов и др.

Гендерная политика не дает моментального результата. Ее плоды станут заметны спустя годы, благодаря накоплению позитивных практик, созданию условий для соблюдения прав и реализации возможностей всех гендерных групп.

Результаты и обсуждение

Началом институционального развития гендерной политики суверенного Казахстана можно определить 1995 год, когда был создан Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте страны. В 1998 году была создана Национальная комиссия по делам семьи и женщин при Президенте Республики Казахстан. Национальная комиссия имеет вертикальную структуру и действует также на местных уровнях при главе местного исполнительного органа государственной власти. Основной задачей Национальной Комиссии является реализация комплексной государственной политики в отношении семьи, равенства мужчин и женщин. Национальная комиссия инициирует и принимает участие в разработке проектов законов, правовых актов, стратегий, концепций и государственных программ по вопросам семьи и гендерного равенства.

В 2005 году принята Концепция гендерной политики РК, Указом Президента РК утверждена национальная Стратегия гендерного равенства на 2006 – 2016 годы, в Концепции правовой политики Казахстана на период с 2010 до 2020 года предусмотрено правовое обеспечение реализации мероприятий Стратегии гендерного равенства. В настоящее время Казахстан является участником более 60 различных международных договоров и конвенций по правам человека, включая в себя обеспечение равноправия между полами, защиту женщин и детей. В 2016 году Казахстан занял 51-е место в рейтинге из 144 стран мира по уровню равноправия полов, величина индекса гендерного разрыва составила 0,718 единиц, в 2006 году этот же показатель равнялся 0,693 (32 место в рейтинге из 115 стран) [5]. К 2016 году в стране зарегистрировано более 27000 НПО, из них женских – около 1500. Общественные организации деятельность, которых посвящена вопросам гендерных отношений в Казахстане являются активными субъектами гендерной политики наряду с государственными структурами. За 10 лет в Казахстане возросла общественно-политическая активность казахстанских женщин, о чем свидетельствует их представленность в Мажилисе Парламента, которая по итогам последних выборов составила 27,1 %, что выше общемирового показателя 22,1 % [6].

Система обеспечения развития гендерных отношений призвана реализовывать равные права и возможности индивида. Система обеспечения гендерного развития в Казахстане защищает от дискриминации по половому признаку, является одной из составляющих социальной стабильности в государстве. Неэффективное функционирование этой системы может спровоцировать усиление социальной напряженности. Достижение гендерного баланса, означает равную правовую защищенность, пропорциональную представленность

полов в органах власти, равномерное распределение нагрузок в семье, равные возможности во всех сферах. Поэтому в Стратегии гендерного равенства поставлена задача добиться 30 процентного представительства женщин на уровне принятия решений. В 2016 году численность женщин в Парламенте Республики – 21 или 14 процентов от общего числа депутатов. В том числе в Сенате (верхняя палата парламента) – 5 женщин-депутатов, в Мажилисе (нижняя палата парламента) – 8. В составе правительства страны женщины представлены – 2 министрами, 5 вице-министрами, 1-председателем агентства. Административных государственных служащих женщин – 54 %, их доля на руководящих постах составляет 4,8 %. Среди политических государственных служащих удельный вес женщин составляет 8,8 % [7].

Объясняя проблемы медленного улучшения положения женщин в Казахстане, правительство ссылается на то, что имеется непонимание сущности и важности решения гендерных проблем в массовом сознании [8]. В результате проведенного социологического исследования, мы пришли к выводу, что малочисленность женщин, представленных в политике и руководстве субъектами, расценивается населением Казахстана, как гендерное неравенство. Результаты опроса обобщены в таблице 1.

Таблица 1. Где наиболее отчетливо проявляется гендерное неравенство?

№ п/п	Вариант ответа	Результат ответа, в %
1	В семье	14,8
2	В политике	30,0
3	В трудовой сфере	28,6
4	В общественной жизни	12,3
5	Затрудняюсь ответить	13,7
6	Везде одинаково	0,1
7	Во всех сферах	0,6

Примечание: составлено авторами по результатам социологического исследования.

По мнению большинства респондентов, гендерное неравенство проявляется в политике, на это указало более 30 %, а 28,6 % респондентов считают, что в трудовой сфере существует неравенство по гендерному признаку. Политическая и трудовая сферы требуют высокой самоотдачи, а женщины в Казахстане традиционно отдают предпочтение заботе о своей семье. Большинство 57,7 % отмечают, что мужчины доминируют во власти по представленности. Этому не противоречат и ответы 29,1 % респондентов, которые отметили, что мужчины во власти представлены достаточно хорошо. 39,6 % отвечающих отметили, что женщины во власти достаточно хорошо представлены, хотя на их доминирование во власти указали 3,4 %. В этом отношении последовательны в ответах 38,1 % респондентов, которые отметили слабую представленность женщин во власти.

Оценка влияния в Казахстане женщин на политику, общественную жизнь, экономику и социальную сферы респондентами показана в таблице 2.

Таблица 2. Насколько хорошо представлены женщины в следующих сферах (в процентах)?

Сфера деятельности	Доминируют (подавляющее большинство)	Представлены достаточно хорошо	Представлены слабо	Не представлены	Затрудняюсь ответить
Политика	4,9	38,9	35,2	4,6	16,5
Общественная жизнь	5,9	50,9	21,8	2,0	19,3
Экономика	4,3	46,2	28,1	3,8	17,6
Социальная сфера (образование, культура, здравоохранение)	34,5	39,4	10,5	2,4	13,3

Примечание: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Женщины в политике представлены достаточно хорошо, на данный критерий указали 38,9 % респондентов. Не оптимистичное мнение о представленности женщин в политике имеют 35,2 % опрошенных с ответом «представлены слабо» и 4,6 % с ответом «не представлены». Больше половины, опрошенных считают, что женщины представлены хорошо в общественной жизни и почти половина респондентов в экономике. В социальной сфере, в том числе образовании, культуре и здравоохранении традиционно лидируют по представленности женщины. Об этом свидетельствуют результаты опроса. 34,5 % отвечающих отметили представительство женщин в этих сферах, как подавляющее, а 39,4 %, что достаточно хорошо.

Устойчива тенденция малочисленности женщин в выборных органах. Это связано не только с наличием определенных финансовых и правовых барьеров, но и с закрепившимися стереотипами. Гендерные стереотипы – устойчивые представления в обществе о «женском» и «мужском» поведении, их предназначении, социальных ролях. Наличие таких исторически сложившихся представлений отражается на неравном распределении прав мужчин и женщин в социуме, формируя гендерное неравенство [9]. Закономерно, что предпочтения у населения по половому признаку при голосовании за кандидата на выборах, на стороне кандидатов мужского пола. Большая часть респондентов – 44,8 %, предпочла бы голосовать на выборах за кандидата мужчину. Но, тех кто, лояльно относится к выбору кандидата – женщины, все же больше, так как, к этой группе можно отнести 14,6 % предпочитающих, голосовать за кандидатов женского пола и 39,4 % тех, для кого важны качества кандидата, а не пол.

Таблица 3. Руководителя какого пола Вы предпочитаете?

№ п/п	Вариант ответа	Результат ответа, %
1	Мужчина	45,7
2	Женщина	19,7
3	В равной степени	33,5
4	Затрудняюсь ответить	1,1

Примечание: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Выбор руководителя по половому признаку уравнивается с одной стороны, предпочитающими руководителей мужчин с другой стороны, предпочитающими руководителей женщин и проявляющих безразличие к полу руководителя. Об этом свидетельствуют данные, представленные в таблице 3. Большинство респондентов 45,7 % предпочитают руководителями иметь мужчин. Причины такого предпочтения респондентами руководителя по половому признаку указывают масштабное мышление 22,1 % и умение постоять за свою организацию – 20,4 %. Интересен тот факт, что лидерские качества выделяют всего 5 % и «не меньшую профессиональность» – 1,2 %. Это, по всей видимости, означает, что респонденты не видят зависимость этих качеств от половой принадлежности. На сложившиеся у нас гендерные стереотипы повлияла традиционная культура. Традиционная культура – строго ранжированные, упорядоченные и унифицированные отношения внутри общества. Социальная роль мужчины – это лидер в семье и обществе. Женщинам отводится роль домохозяйки, воспитывающей детей.

Гендерные стереотипы сильно влияют на формирование гендерных установок у подрастающего поколения – субъективная готовность вести себя определенным образом в той или иной роли в соответствии со своим полом. Гендерные установки проявляют себя в характере исполнения субъектом мужской или женской роли [10].

Роль гендерного равенства в современном казахстанском обществе формируется с учетом влияния традиций прошлого, таких как полиэтнические гендерные традиции досоветских обществ, особенности гендерных традиций советского периода, влияние

запада и востока, рост религиозности, социальная поляризация, возросшее влияние международных организаций с неременной поддержкой идеей гендерного равенства и т.д.

В этих противоречивых условиях формируется новая евразийская модель «гендерного равенства» казахстанского общества. Формирование модели гендерных отношений основывается на взглядах индивидумов вынесенных из взаимоотношений, складывающихся в семье. Достижение гендерного равенства должно ориентироваться на равенство и в обществе, и в семье [9]. Представления населения о должных гендерных взаимоотношениях показаны на рисунке 1.

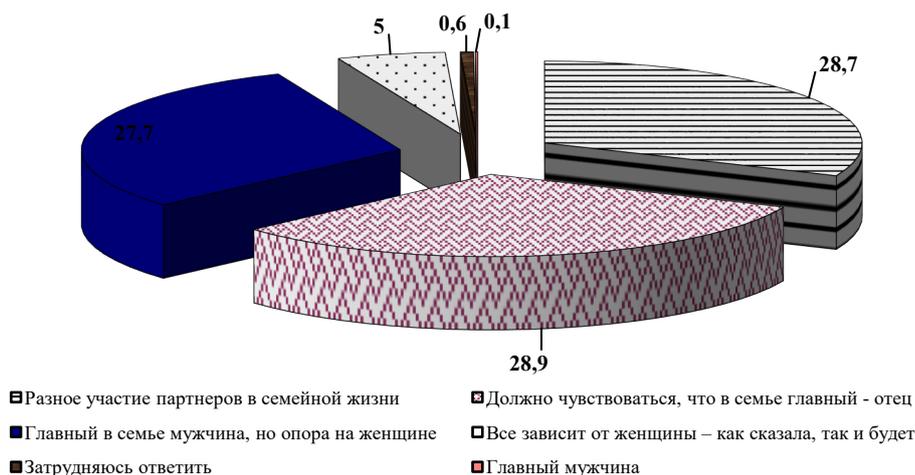

Рисунок 1. Какими должны быть гендерные взаимоотношения в семье?

Примечание: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Взгляды на гендерные взаимоотношения в семье поделились почти поровну, так 28,7 % отметили, что должно быть равное участие партнеров в семейной жизни, 28,9 % респондентов ответили должно чувствоваться, что в семье главный отец, а 27,7 % предпочли отметить главенство в семье мужчины, но с оговоркой, что опорой является женщина. Взгляды населения на гендерные взаимоотношения в семье разные. На такое положение дел повлияли: интернациональный и возрастной состав населения, уровень его образования, сложившиеся семейные традиции, индустриальная направленность экономики области. Связь гендерных взаимоотношений в семье и доли каждого члена семьи в семейном доходе: у 33,0 % респондентов складывается из доходов работающих членов семьи в равных долях. 26,0 % отвечающих отметили, что больше половины семейного бюджета состоит из их дохода, а доход 19,3 % респондентов в бюджете семьи составляет меньше половины. Представление о том, каким должно быть распределение семейных обязанностей у опрошенных разное. Оно представлено в таблице 4.

Таблица 4. Каким должно быть распределение семейных обязанностей?

№ п/п	Вариант ответа	Результат ответа
1	Муж должен зарабатывать деньги, а жена должна заниматься домашним хозяйством и детьми, не работая вне семьи	39,2
2	Жена должна работать и выполнять в основном домашние дела	22,8
3	Домашние обязанности должны быть поделены поровну даже, если жена не работает	14,9
4	Домашние обязательства должны быть поделены поровну, в случае, если жена работает	21,0
5	Другое	0,1
6	Сама себе хозяйка	1,6
7	Затрудняюсь ответить	0,4

Примечание: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Больше всего респондентов 39,2 % считают, что муж должен зарабатывать деньги, а жена заниматься домашним хозяйством и детьми, не работая вне семьи. Мнение о том, что жена должна работать и выполнять в основном домашние дела выразили 22,8 % респондентов, а 21,0 % считают, что домашние обязанности должны быть поделены поровну, в случае, если жена работает. В своих ответах на данный вопрос респонденты выразили свои желания по распределению семейных обязанностей. В целом население понимает, что домашние обязанности, являются трудом, который заслуживает уважения и справедливого распределения.

Виденье о том, как должны распределяться обязанности в семье и как реально обстоят дела, не совпадает. Распределение семейных обязанностей среди опрошенного населения представлено в таблице 5.

Таблица 5. Как распределяются семейные обязанности в Вашей семье?

Вариант ответа	Результат ответа, %
Муж зарабатывает деньги, а жена должна заниматься домашним хозяйством и детьми, не работая вне семьи	25,0
Жена работает и в основном выполняет домашние дела	37,3
Жена обязанности поделены поровну, хотя жена не работает	11,2
Домашние обязанности поделены поровну, так как жена работает	21,1
Другое	2,0
Разведен	0,3
Не женат/Не замужем	1,0
Нет семьи	0,1
Всем руководит жена	0,1
Затрудняюсь ответить	1,9

Примечание: составлено авторами по результатам социологического исследования.

В большинстве случаев 37,3 % жена работает и выполняет домашние дела. В других случаях обязанности распределены более справедливо. В том числе: 25 % отметили, что муж работает, а жена занимается домашним хозяйством, 21,1 % ответили, что домашние обязанности поделены поровну, так как жена работает, 11,2 % респондентов отвечают, что несмотря на то, что женщина не работает домашние обязанности выполняются поровну.

В целом население понимает, что домашние обязанности, являются полноценным трудом, который заслуживает уважения и справедливого распределения. Но в большинстве случаев жена работает и в основном выполняет домашние дела, занимается воспитанием детей.

Большое внимание в Стратегии гендерного равенства уделялось достижению гендерного равенства в экономике, дальнейшему развитию предпринимательства среди женщин, повышению их конкурентоспособности на рынке труда. Для экономического продвижения женщин в 2003 году Национальная комиссия подписала Меморандум о сотрудничестве с республиканским Фондом развития малого предпринимательства. Фондом профинансированы проекты женщин-предпринимательниц [9].

Нами было изучено мнение респондентов о сложностях с карьерой из-за принадлежности к женскому полу. 54,6 % респондентов отметили, что женщинам труднее сделать карьеру, а 39,8 % не согласны с этим мнением. Основной причиной, мешающей женщинам делать карьеру в Казахстане по мнению респонденты – это выполняемые ими родительские обязанности (декрет, уход за ребенком, домашняя работа и т.д.). На это указали 44,0 % респондентов. Профессиональное недоверие мужчин-руководителей к слабому полу отметили 21,1 %. На мужской шовинизм и приверженность традициям указали одинаковые по численности группы составляющие по 14,2 % отвечающих.

Мнение о наличии дискриминации по половому признаку в трудовой сфере характеризуют ответы на вопрос «Существует ли в Казахстане трудовая дискриминация по признаку пола?»: 22,8 % респондентов ответили – «Да», 40,2 % – «Нет», 18,0 % – «Косвенно», 19,0 % – затруднились дать ответ.

Основными формами трудовой дискриминации респонденты отмечают оплату труда (16,1 %), условия труда (24,9 %), прием на работу (35,9 %), другое (2,4 %), 0,7 % респондентов затруднились ответить.

В целом, результаты опроса подтверждают, что женщины оказывают достаточно весомое влияние на общественную жизнь и решение социальных задач. Женщины наравне с мужчинами вносят посильный вклад в развитие экономики страны. Население области в большинстве своем считает, что карьерный рост женщин зависит все же от личных их качеств и жизненных приоритетов (семья или карьера). Возможно, нужно больше внимания уделять проблемам женщин по гармонизации трудовой карьеры с развитием семейных отношений.

Международная и отечественная практика развития социальных отношений содержит ряд мероприятий, направленных на повышение информирования и обучения общества по вопросам гендерного равенства. Гендерная составляющая включена в Государственный общеобязательный стандарт среднего 12-летнего образования в Казахстане. Разработана комплексная образовательная программа «Гендер» для системы школьного и дошкольного образования. В Казахстане проводится гендерная экспертиза школьных учебников [11].

Различным аспектам гендерного развития в Казахстане посвящены работы ученых: Кодар З.М. [12], Сарсембаевой Р.Б. [13], Соловьевой Г.Г. [14] и других. Гендерными исследованиями в Казахстане занимаются многие научные организации, например, научно-исследовательский институт социальных и гендерных исследований Казахского государственного женского педагогического университета. Цель института – содействие в подготовке компетентных и гендерно-чувствительных педагогических кадров, готовых к внедрению гендерных подходов в образовательную систему страны [15].

Последние три года, как отмечают опрошенные в ходе исследования граждане ситуация в Казахстане в вопросах реального равноправия полов изменилась в лучшую сторону. Позитивно оценивается участие государства в обеспечении реального равноправия полов. Трудовое законодательство в достаточной степени защищает право женщин на труд и равную оплату.

По оценкам населения условия для охраны прав женщин на труд, материнство и здоровье в Казахстане в основном созданы. Однако, следует отметить, что необходимо больше внимания уделять качеству специализированной медпомощи. Среди причин проблем со здоровьем у казахстанских женщин, указаны: не соблюдение здорового образа жизни, не представление качественной специализированной медпомощи в стационарах и больницах, качественной доступной медпомощи в женских консультациях и поликлиниках, а также не регулярное проведение медосмотров.

Граждане проявляют интерес к положительному развитию гендерных отношений. Ими отмечена необходимость последовательно проводить гендерную политику государства. Действия государства для обеспечения фактического равноправия мужчин и женщин, по их мнению, должны быть направлены на повышение активности гендерных организаций и совершенствование законодательной базы.

Изменения гендерных отношений казахстанского общества, население связывает с ростом влияния женщин, в том числе: в семье, на работе, в общественных и политических процессах. Результаты реализации Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006 – 2016 годы в целом предопределили позитивные изменения к продвижению женщин в обществе, развитию их лидерских качеств и продвижению на уровень принятия решений. Вместе с тем, в процессе исследования выявлены ряд причин и проблем

гендерных отношений, выработаны предложения для определения перспектив дальнейшего развития государственной гендерной и семейно-демографической политики Казахстана в рамках разработки нового программного документа по гендерной и семейно-демографической политике в Республике Казахстан до 2030 года (таблица 6).

Таблица 6. *Анализ проблем и предложения по их преодолению в гендерной политике в Казахстане*

Причины и проблемы	Решение
Гендерные стереотипы	Является основным фактором существования гендерной проблемы. Его преодоление приведет к решению проблемы гендерного неравенства
Невысокая осведомленность населения о гендерных правах	Просвещение, гендерные подходы в образовании, пропаганда гендерного равенства
Нежелание отдельных государственных деятелей продвигать женщин на уровень принятия решений, в законодательную и исполнительную власть, государственные корпорации и национальные компании	Принятие закона о квотировании представления женщин на уровне принятия решений в политике, экономике, государственной службе, включение для определения рейтинга руководителей «женские индикаторы»
Резкая поляризация общества по достатку	Экономическое оздоровление государства, развитие женского предпринимательства, материальная поддержка материнства.
Отсутствие в открытом доступе статистических данных для оценки реальной гендерной ситуации в стране	Введение обязательной статистической регистрации системы гендерных показателей и индикаторов
Деформация стереотипов мужской и женской роли в социуме средствами массовой информации.	Проведение гендерной экспертизы информационных продуктов

Примечание: составлено авторами.

Выводы

На основе проведенного социологического исследования авторы пришли к мнению, что в настоящее время происходит изменение гендерной социализации в Казахстане. В XXI веке практически невозможно существование традиционной модели гендерных отношений. В связи с кардинальными переменами в политической, экономической и социальной сферах жизни, классический вариант «роли мужчины» и «роли женщины» дает сбой. Изменение проявляется в резком ослаблении поляризации мужских и женских ролей. Экономическое положение не позволяет женщине сидеть дома, воспитывать детей и являться образцом женственности, так как мужчина порой физически не способен полностью обеспечивать семью. В женском сознании появились новые черты женского самоопределения: женщина должна быть независимой, предприимчивой, профессионально успешной, энергичной, то есть обладать качествами, которые раньше считались мужскими. Опросы общественного мнения показывают, что ситуация в Республике Казахстан очень медленно изменяется в направлении гендерного равенства. Экономическая самостоятельность женщины, как и прежде, подвергается сомнению, однако для нее считается возможным самостоятельно выбирать партнера по паре, образ жизни, одежду и т. п.

Гендерное равенство находится под сильным влиянием, как традиционных культурных норм, так и социальной информации. Переход к новым стандартам жизни, прежде всего, отражается на результатах гендерной социализации молодого поколения и на его семье. Гендерная социализация – процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живет, своеобразное общественное конструирование различий между полами. Потеря престижности традиционной модели гендерных отношений и традиционной формы брака, в частности, происходит в связи с трансформацией традиционных ролей мужчин и женщин. Гендерная политика не дает моментального

результата. Ее плоды станут заметны спустя годы, благодаря накоплению позитивных практик, созданию условий для соблюдения прав и реализации возможностей всех гендерных групп.

Библиографический список

- [1] Конституция (основной закон) Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www/constitution.kz](http://www.constitution.kz) (дата обращения: 23.12.2018).
- [2] Hesse-Biber Sh.N. *Mixed Methods Research. Merging Theory with Practice*. – New York: Guilford Press, 2010. – P. 3-5.
- [3] Бендас Т.В. *Гендерная психология*. – Санкт Петербург: Питер. 2006. –431 с.
- [4] Рейнхарц С. *Феминистское мультиметодное исследование // Введение в гендерные исследования. Часть 2. // Под ред. Жеребкина С.* – Харьков. ХЦГИ, СПб. Алетейя. 2001. – С. 364 – 385.
- [5] World Economic Forum. *The Global Gender Gap Report 2016* [Электронный ресурс]: Публикация на сайте Всемирного экономического форума. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/> (дата обращения: 25.12.2018).
- [6] Мажилис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/presscenter/pressreleases/2016/04/22/2006-2016-.html> (дата обращения: 25.12.2018).
- [7] Женщины и мужчины Казахстана 2011-2015 Статистический сборник Астана, Министерство национальной экономики Республики [Электронный ресурс]. Казахстан, Комитет по статистике. – Режим доступа: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 25.12.2018).
- [8] Абдыкаликова Г. (2015): *Гендерная политика в Казахстане* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newtimes.kz/obshchestvo/item/20325-gendernoe-ravenstvo-v-kazakhstane> (дата обращения: 25.12.2018).
- [9] Shelomentseva V., Altaibayeva Zh., Mutalipova Sh., Bepalyu S., Narynbayeva A., Kaidarova L. *Economic and Sociological Aspects of the Development of Gender Relations in Kazakhstan // Revista Espacios*, 2018, – Vol. 39, No 28. – P. 24.
- [10] Клёцина И.С. *Психология гендерных отношений: автореферат диссертации доктора психологических наук*. – Санкт Петербург, 2004. – 460 с.
- [11] Беркимбаева Ш.К., Кожаметова К.Ж., Соловьева Г.Г., Юнусова М.С., Тайшикова К.Ж. *Гендерный подход в системе образования Республики Казахстан*. – Алматы: КазГосЖенПИ, 2011. – 302с.
- [12] Кодар З.М. *Гендерная стратификация общества в этнокультурном и культурно-историческом измерениях*. – Алматы: КазГосЖенПУ, 2010. – 255 с.
- [13] Sarsembayeva R. *Women’s entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan. Entrepreneurship for a sustainable economy // International Monograph of Scientific-research Interdisciplinary*. –Belgrade: Veopress, 2016. – P.53.
- [14] Соловьева Г.Г. *Гендерная политика Республики Казахстан: Международный опыт и национальная модель*//Алматы: КазГосЖенПУ, 2008. – 248 с.
- [15] Сайт НИИ социальных и гендерных исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kazmkpi.kz (дата обращения 25.12.2018).

References

- [1] Constitution (basic law) of the Republic of Kazakhstan. Retrieved from [www/constitution.kz](http://www.constitution.kz).
- [2] Hesse-Biber, Sh.N. (2010). *Mixed Methods Research. Merging Theory with Practice*. New York: Guilford Press.
- [3] Bendas, T.V. (2006). *Gender Psychology*. St. Petersburg: Piter.

- [4] Reinharz, S. (2001). Feminist multi-method research. In S. Zherebkin (Ed.), *Introduction to gender studies* (pp. 364-385). Kharkov, Ukraine: CCGI, St. Petersburg: Aletheia.
- [5] World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2016. *Publication on the World Economic Forum website*. Retrieved from <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/>.
- [6] Majilis. Retrieved from <http://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/presscenter/pressreleases/2016/04/22/2006-2016-.html>.
- [7] Women and men of Kazakhstan 2011-2015 Statistical compilation Astana, Ministry of National Economy of the Republic. Kazakhstan, Committee on Statistics. Retrieved from <http://stat.gov.kz/>.
- [8] Abdykalikova, G. (2015). *Gender Policy in Kazakhstan*. Retrieved from <http://newtimes.kz/obshchestvo/item/20325-gendernoe-ravenstvo-v-kazakhstane>.
- [9] Shelomentseva, V., Altaibayeva, Zh., Mutalipova, Sh., Bespalyy, S., Narynbayeva, A., Kaidarova, L. (2018). Economic and Sociological Aspects of the Development of Gender Relations in Kazakhstan. *Revista Espacios*, 39(28), 24.
- [10] Kletsina, I.S. (2004). *Psychology of gender relations*. (Doctoral thesis, Russian State Pedagogical University named after AI Herzen, Saint Petersburg, Russian Federation).
- [11] Berkimbaeva, Sh.K., Kozhakhmetova, K.Zh., Solov'eva, G.G., Yunusova, M.S., Tayshikova, K.Zh. (2011). *Gender approach in the education system of the Republic of Kazakhstan*. Almaty: KazGosZhenPI.
- [12] Kodar, Z.M. (2010). *Gender stratification of society in the ethnocultural and cultural-historical dimensions*. Almaty: KazGosZhenPI.
- [13] Sarsembayeva, R. (2016). Women's entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan. Entrepreneurship for a sustainable economy. In R. Sarsembayeva (Ed.), *International Monograph of Scientific-research Interdisciplinary* (p. 53). Belgrade, Serbia: Beopress.
- [14] Solovyeva, G.G. (2008). *Gender Policy of the Republic of Kazakhstan: International Experience and National Model*. Almaty: KazGosZhenPI.
- [15] *Website of the Research Institute of Social and Gender Studies*. Retrieved from kazmkpu.kz.

Получена / Submitted: 15/01/2019

Доработана / Revised: 10/02/2019

Принята / Accepted: 25/02/2019

Подписано в печать 28.02.2019. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 7,33. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500. Заказ № 1534
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.